

Живая
Принцесса ночи

LITERARY YANDERE

Literary Yandere
Живая: Принцесса ночи
Серия «Живая», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68707857

SelfPub; 2022

Аннотация

Он верит в судьбу, она – нет. Но что их свело вместе, как не судьба? Может, впрочем... страшное колдовство фей. Второй том дилогии «Живая».

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	35
Глава третья	50
Глава четвертая	61
Глава пятая	74
Глава шестая	94
Глава седьмая	117
Глава восьмая	144
Глава девятая	165
Глава десятая	190
Глава одиннадцатая	218
Глава двенадцатая	250
Глава тринадцатая	282
Глава четырнадцатая	298
Глава пятнадцатая	318
Глава шестнадцатая	333
Глава семнадцатая	344
Глава восемнадцатая	357
Глава девятнадцатая	368
Глава двадцатая	387
Глава двадцать первая	401
Глава двадцать вторая	419
Эпилог	442

Literary Yandere

Живая: Принцесса ночи

Все имена, персонажи и события романа вымышлены. Любое совпадение с реально существующими людьми, объектами, событиями случайно. Текст представляет собой художественное произведение, автор не поощряет, не оправдывает, не одобряет и не поддерживает взгляды и действия, которые так или иначе отражены в тексте.

В тексте упоминаются алкогольные и наркотические вещества, а также присутствуют сцены жестокости.

В основе произведения лежит ирландская мифология, но в изрядной степени переосмысленная и поправленная под нужды сюжета. Также мир, в котором происходит действие, хоть и похож на наш, явно на деле параллельный.

Часть вторая: Принцесса ночи

И однако же, это, должно быть, великолепно – получить принцессу, и однако же, лишь рыцарь веры – единственно счастливый из всех, законный наследник конечного, тогда как рыцарь самоотречения – чужак и пришелец. Получить принцессу таким образом, жить с ней многие дни напролет весело и счастливо (а ведь вполне можно допустить, что рыцарь самоотречения также способен обрести принцессу, од-

нако душа его заранее осознала невозможность их будущего счастья), жить, таким образом, радостно и счастливо в каждое мгновение силой абсурда, каждое мгновение видеть, как над головой возлюбленной покачивается меч, и все же находить не покой в болезненной тоске самоотречения, но радость силой абсурда, – это и будет чудесным. Тот, кто осуществляет это, поистине велик, он остается единственно великим из всех; мысль об этом трогает мою душу, которая никогда не скупится на восхищение величием.

Сёрен Кьеркегор, «Страх и трепет»

Глава первая

Бойся тумана, бойся обмана,
Бойся несущего смерть урагана,
Но пуще всего – бойся любви,
Бойся любви...

Ростислав Чебыкин – «Посох и меч...»

Зоя и Айкен пережили слишком многое, чтобы так просто восстановить силы: сперва их взволновало их воссоединение, затем – предательство Клариссы, якобы всегда им помогавшей, бой с королем Сияющей страны, Габриэлем, который чуть не убил Зою, спасение Симонетты... и, наконец, действительная, и оттого более неожиданная помощь от лживой Клариссы. Она исцелила Зою, спасла прямо из Сияющей страны Хэвена и Симонетту, долгое время бывшую пленницей злого Габриэля, и всех четверых доставила ровно в их квартиру.

Правда, по отдельности. Зоя и Айкен, вымотанные боем, не имели уже сил беспокоиться о других, и занялись друг другом: наконец им предоставлялась возможность искренне признаться в своих чувствах.

Впрочем, о Хэвене с Симонеттой беспокоиться и не стоило: умелый воин, в прошлой жизни – генерал Дикой Охоты,

был способен защитить и себя, и девочку от любой враждебной силы. Наутро после ее спасения, он занялся ее ранами и всячески, как мог, возвращал девчужке жизнь. В комнату Айкена и Зои он даже не заглядывал. Те проспали сутки кряду, и их никто не беспокоил. Если им нужно – пусть отдыхают, рассудил Хэвен. На тот момент его куда больше занимала Симонетта. В ней было то, что Зоя уже давно утратила: наивный взгляд на жизнь, детская непосредственность... Если Хэвену и было доступно чувство любви, то только одного вида – отеческого.

Таким образом, все они, кто позапрошлым вечером выдержал бой с королем Неблагого Двора в Сияющей стране, теперь боролись с другим врагом, куда более коварным: они пытались не пустить к себе в сердца любовь, которая уже успела врасти в них корнями.

В Лондоне Эдмунд пытался продолжить свою врачебную практику, но как следует за работу не взялся – быстро перестал принимать больных, начал пить, подолгу в одиночестве слонялся по улицам города. Со временем пристрастился и к опиуму, также благодаря своей профессии, без труда мог доставать морфий.

Спасла его, однако же, как ни странно, Вивиана. Точнее, не она сама, а светлый ангел с ее ликом, явившийся Эдмун-

ду в одной из последовавших после приема морфия утренних горячек. Дева в белом протянула к нему руки, грустно улыбнулась и позвала за собой. Эдмунд встрепенулся, но ненадолго: пагубные привычки уже слишком сильно овладели его мозгом. Однако, по счастью, тем же утром ему следовало идти в аптеку, чтобы пополнить свои запасы, следовало выглядеть прилично, почистить одежду и побриться, чтобы не вызывать никаких подозрений. И чуткое провидение и тут простерло над мистером Купером свою благословляющую длань: когда Эдмунд выходил из дома, его у крыльца встретил почтальон и вручил срочное письмо. Оно оказалось отправлено из Ламтон-холла, подписанное именами Ретта Кинга и... Вивианы. Мистер Тауэр очень плох, писали они, Уолтерс сам не свой и полностью во власти зеленого змия, слуги отбились от рук. Прошу, приезжайте – молило послание. Эдмунду хотелось воображать, что этими словами его заклинала именно Вивиана.

Он в тот же день собрался и отправился в дорогу (однако же, все-таки после посещения аптеки, прихватив с собой адского зелья). На середине пути Эдмунда посетила мысль, что было бы лучше сперва послать телеграмму, быть может, его присутствие на самом деле и не требовалось... Но он тут же с негодованием отмел это недостойное соображение. И Вивиана, и Ретт были не из тех, кто стал бы писать ему истерические послания, изрядно преувеличивающие значимость ситуации. По счастью, Эдмунд сам осознавал, отчего ищет

повод вернуться в столицу с полдороги – в пути морфий кончился, его начал терзать наркотический голод. В почтовой карете было несладко, но и короткие остановки не давали Эдмунду отдыха. На половине пути он даже совершенно решил уже было если не вернуться, то, во всяком случае, не ехать дальше, но все же поднялся, преодолевая себя, и снова сел в карету. «О, мои грешные ноги, – подумал Эдмунд, – в вас больше разума, чем в голове! И куда больше сострадания!»

Однако в Ламтон-холл его гнали не только сострадание и чувство долга. Эдмунд никогда не был ни религиозен, ни скучен, в последние годы его нравственность сдерживала только лень, в более ранние – боязнь показаться смешным. Оттого он испробовал меньше, чем хотел бы, но его разум всегда пылал огнем неутоленных желаний, воспалявших душу. Вивиана же вполне закономерно стала целью всех его устремлений. Если бы она, однако же, сознательно преступала мораль, Эдмунд, возможно, не тосковал бы по ней так сильно, но ее поступки были продиктованы незнанием...

Нет, обрывал себя Эдмунд, не так уж она наивна. Но и он на самом деле не отвернулся бы от нее при очень и очень многих вскрывшихся обстоятельствах. Что бы ни было причиной ее дурного воспитания, Вивиана оставалась желанной.

В свое имение молодой хозяин приехал через три дня. Стояло позднее утро, по земле стелился туман, но воздух

уже был чистым и теплым. Эдмунд ступил на мощеную дорожку и с удовольствием потянулся. Он доехал от ближайшей станции, где его высадил почтовый дилижанс, на своей карете – молодой хозяин все-таки послал в Ламтон-холл известие о своем прибытии, и слуга ждал его.

Ждал его и Ретт. Он стоял на крыльце, напряженно сцепив большие руки в замок, однако при том лицо его было светло. Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Ах, Эдмунд приехал! – раздался сверху голос Вивианы. Эдмунд поднял голову и увидел, что она стоит, высунувшись из окна почти по пояс. И эта ее никуда не девшаяся дикость – фамильярное обращение, вольное поведение, распушенные волосы... все это осознанием прокатилось, как горячая вода, от макушки до ног Эдмунда, сначала согревая, затем охлаждая на ветру.

Эдмунд поклонился с улыбкой, хоть и подумал, что Вивиана бы не стала возмущаться, если бы он помахал ей рукой и крикнул что-то не менее вольное, чем то, что только что произнесла она.

Они вновь свиделись с Вивианой только спустя несколько часов, после того, как Эдмунд уладил дела первостепенной важности и, в том числе, засвидетельствовал почтение сестре. Мисс Тауэр спустилась по лестнице, одетая и причесанная. Эдмунд ожидал увидеть ее в черном платье, как вдову, или в чем-то темном, непритязательном, может быть, из

старого гардероба Марты, что дало бы понять, сочла ли наконец Вивиана себя все еще замужней. Но она была в легком платье салатного цвета, крайне модном и крайне легкомысленном. Эдмунд почувствовал, как сердце у него забилося – решив игнорировать неудобные вероятности, Вивиана из всех образов поведения выбрала тот, который дал бы ей возможность воображать себя девицей на выданье. И она была чудесно хороша в своем игривом наряде, с тщательно подобранными волосами... И Эдмунд подумал, что изменение в ее вкусах должно что-то значить. Но что? Для него ли она прихорашивалась? Или она уже, быть может, сговори-лась обо всем с Кингом или Уолтерсом, в таком случае, ее вид – негласное пояснение, что она уже больше не та, что теперь она обещана другому. Оставив ее ради Лондона, Эдмунд навеки ее потерял?..

– Доброе утро, мисс Тауэр, – нерешительно поприветствовал ее молодой человек, не зная, как и что еще он мог бы сказать.

Увидев его вблизи, Вивиана прижала руку к груди и негромко охнула, будто обожглась или наткнулась на невидимую стену. Щеки ее запылали, девушка сделала шаг назад, внезапно решив бежать, но тотчас же взяла себя в руки и поприветствовала молодого хозяина в самых вежливых выражениях. Неприязни в ее голосе и лице не было, только искреннее дружелюбие да некоторое смущение. И Эдмунд немного повеселел.

– Я очень, очень рада, что Вы приехали. Как Вам понравился Лондон?

Эдмунд открыл было рот и так замер на несколько секунд, не зная, что сказать.

– Там было... весело.

– Вот как. – Вивиана лукаво улыбнулась. – Встречали ли Вы там красивых женщин?

– Да, разумеется. Но почему Вас это волнует?

Конечно, Эдмунд пытался прощупать почву, раздираемый надеждами и разом подозрениями.

Вивиана пожалала плечами и, улыбнувшись, пошла в гостиную. Эдмунд молча последовал за ней, и когда девушка обернулась, почувствовав спиной его пристальный взгляд, она подумала, что, должно быть, молодой хозяин ждет от нее ответа.

– Почему это не может меня волновать?.. О, неужели Вы думаете, что если я Вам отказала, то это значит, что я не влюблена? Вовсе нет, я просто не могу выйти за Вас замуж, только и всего.

Эдмунд пошатнулся, изумленный этой простой прямоотой и откровенностью. Чего она начиталась, мелькнула в его мозгу мысль, кто и что ей подсунул такое, что молодая девушка так легко признается в подобных вещах?.. Он сам привез ей книгу из Лондона – роман, не слишком свежий и не слишком популярный, просто первый, что попался ему под руку в магазине. Однако, когда, забыв на время о своих тревогах,

Эдмунд вручил ей подарок, Вивиана прижала томик к груди, как величайшую драгоценность и прикрыла от удовольствия глаза.

Но Эдмунд даже представить себе не мог, какой литературой в его отсутствие была снабжена Вивиана и на какие шаги оказалась готова – в том числе, и из-за своей дикой природы.

Мистер Тауэр действительно оказался очень болен. Теперь он не выходил из своего кабинета не потому, что предпочитал одиночество ламтонскому обществу, а исключительно по причине недостатка сил. Он даже исхудал – и чудовищно, так что заглянувший в его комнату Эдмунд сперва подумал, что кровать пуста, а больной внезапно обрел силы и покинул комнату. Однако немедленно осмотреть мистера Тауэра Эдмунду запретил Ретт. Старик спал, и молодые люди сошлись на том, что было бы дурно будить его, и без того истерзанного не прекращающимися надолго болями.

Эдмунд спустился в гостиную, где встретил Вивиану. Девушка собирала в стопку книги, которые кто-то принес из библиотеки. Молодые люди заговорили об Уолтерсе. Эдмунд посетовал, что еще не видел его.

– Он в другом крыле, – сказала Вивиана, не поднимая глаз. – я писала, что он не в себе в последнее время. Много пьет, не знаю уж, где только берет алкоголь... думаю, он посылает кого-то из слуг, жаль, не могу отследить, кого. Если бы мистер Тауэр был в порядке... А так у нас просто нет

сил и времени. Но когда он трезв, то становится апатичен и соглашается посидеть с больным, пока мы с Реттом можем отдохнуть немного. Ваша сестра приехала, чтобы составить мне компанию, но на данный момент они с Рэндаллом проводят почти все время. Когда он не в себе, она утишает его.

Эдмунд почти не слышал, что говорила девушка, только следя за движениями ее губ. Они, казалось, обрели еще большую перламутровую розовость с того дня, когда на робкие надежды эти губы ответили отказом. Словно это только они были повинны в столь огорчительных словах...

Покуда Эдмунд предавался воспоминаниям, Вивиана говорила о том, что скоро подадут обед, рассказывала, что было в поместье интересного в то время, пока молодой хозяин отсутствовал, но путалась в словах и запинаясь, будто на деле считала все это неважным и единственно только хотела отвлечь собеседника от мрачных мыслей. Но вот она вовсе умолкла на полуслове, бросила книги, что держала в руках, и всмотрелась в лицо молодого человека. Эдмунд как раз внезапно почувствовал слабость, голову будто овеяло холодным ветром. Захотелось сесть, ноги пронзила предательская слабость.

– Что с Вами? Вы больны? – Вивиана склонила голову набок и прищурилась, будто одним своим взглядом могла бы рассмотреть то, что Эдмунд собрался от нее утаивать, распознать все его уловки, постигнуть все тайны...

И он пожал плечами обреченно: поднял и расслабил, так

что от резкого их падения, будто они были переломаны, повеяло какой-то неземной безысходностью.

– Да, можно и так сказать, болен. Но, на самом деле, нет. – Эдмунд запустил руки в волосы, встопорщил их, не зная, как объяснить свое состояние. – Нет, хуже, чем болен.

В следующее же мгновение он упал навзничь.

В следующий раз, когда Эдмунд открыл глаза, в слабом свете свечного огарка он увидел стоявших у его постели Вивиану и Ретта. Трепетавшее пламя красило их лица в нездоровый желтый цвет, глазницы утопали в тени, и молодые люди казались парой призраков. Эдмунд слышал их негромкий разговор: они боялись его разбудить.

Несмотря на то, что, в отличие от него, у Вивианы и мистера Кинга не было медицинского образования, они откуда-то знали, что он так болен из-за морфия.

– В конце концов, он мог достать листья коки, – раздраженно сказала Вивиана, так яростно комкая в руках платок, что он негромко трещал под ее сурово стиснутыми пальцами. – а это было бы намного хуже. Я не знаю, какое они оказывают действие на организм.

– А о морфии Вы имеете представление?

– Небольшое, – Вивиана опустила лицо, так что оно потонуло в тени. – благодаря мистеру Тауэру, разумеется.

Тут они заметили, что Эдмунд не спит, но скрывать это он и сам уже не мог – его начала бить дрожь, пот градом полился

по лицу. Одновременно с этим наверху что-то гроыхнуло, Ретт и Вивиана одновременно посмотрели на потолок.

– Нужно проверить, что там с мистером Тауэром. – сказала девушка, не зная, остаться ей с одним больным или бежать к другому.

А в то время лихорадка Эдмунда сменилась настоящим припадком. Он не мог ни на чем задержать взгляд, бился на постели и задыхался, как рыба на песке. Он совершенно лишился рассудка – как и несчастный Уолтерс, – кожа его горела огнем, кровь же заледенела. Эдмунд готов был расцарапать всего себя, только бы избавиться от этой страшной боли.

– Господи Иисусе! Что с ним такое? – Растерянно пробормотал Ретт. – Чем мы можем помочь?..

– Я знаю, знаю, – прорычала Вивиана. – и что, и чем.

Она прыгнула на постель, оседлала Эдмунда, словно коня, так что ее юбки накрыли его до груди, схватила запястья несчастного доктора и прижала их к подушке.

– Не вырывайтесь же. Морфия Вам не дадут – сами знаете, у нас его попросту нет. Но я не позволю шуметь и волновать весь дом. В особенности – мистера Тауэра.

Эдмунд затих, будто бы вняв увещаниям. Но только Вивиана замолчала, как он рванулся, силясь освободиться из ее рук – и одно запястье он выдрал из ее захвата, победно потрянул им... Вивиана, не меняясь в лице, ударила Эдмунда по щеке, так что, казалось, звук отдался эхом в коридоре. Ретт

замер, склоненный над чашечкой с компрессом, боясь разогнуться. Застыл и Эдмунд на постели: он все еще дрожал от озноба, но больше не вырывался.

– Хотите Вы того или нет, но Вы излечитесь – просто потому, что в город мы Вас не отпустим, а тут вредить себе нечем, – Вивиана соскользнула на пол. – разве что будете напиваться вместе с Уолтерсом.

Она обернулась у двери, и Эдмунд увидел в глубине ее зрачков все, что она не сказала: и то, что если он уподобится Уолтерсу, она его не простит, и что сейчас он ей, пожалуй, менее противен, чем Рэндалл – да, в силу незнания природы его зависимости, вероятно, в ее понимании смешивающейся с болезнью, – и что, несмотря ни на что, она верит, что вскоре он станет таким, как прежде.

Эдмунд знал – не станет. Но, потому, что они с Вивианой были все же знакомы не слишком тесно, он мог бы сделать вид, что она оказалась права в своих чаяниях.

Закинув руки за голову, Зоя лежала поверх одеяла рядом с Айкеном в кровати, одетая в халатик. Молодой человек только проснулся, и она несколько минут назад подошла к нему, чтобы спросить, не хочет ли он кофе. А вместо этого оказалась затянута на постель для поцелуев (раз уж имела неосторожность сболтнуть, что Хэвен и Симонетта отправи-

лись на прогулку). Но ласки не получили продолжения – Айкен неосторожно спросил, что снилось его возлюбленной в эту ночь. И она начала рассказывать. С самого начала. Проговорила почти час, так что чайник на кухне, должно быть, успел остыть. Но Зоя не могла остановиться, излагая свои сны молодому человеку. Как будто просто больше не могла выносить их в одиночку.

– Думаешь, я действительно был своим собственным прадедом? О, или как сказать... Двоюродным...

– Не важно, – Зоя убрала со лба Айкена вьющуюся прядь, слишком короткую, чтобы действительно мешать, да и для того, чтобы повиноваться и лежать иначе. – я вижу мужчину, который выглядит и ведет себя так, как хозяин Ламтон-холла. Если даже это не он, то для меня нет никакой разницы. Я не знаю, могу ли сказать, верю в переселение душ или нет, однако я чувствую, что твоя суть такая же, как у Эдмунда.

Айкену не понравились ее слова.

– А что, если ты ошибаешься? Я говорю сейчас не об общих ошибках, а о достоинствах.

Зоя пожала плечами.

– Ничего катастрофического. Разочарование – одна из наименее болезненных причин, по которой люди расстаются. Смерть гораздо страшнее.

Это была плохая тема, и Айкен, внутренне поморщившись, заговорил о более приятных вещах:

– Так значит, тебе всегда нужна была разлука, чтобы осо-

знать свои чувства к кому-либо?

Зоя покачала головой.

– Дважды неправ. Не разлука, а время. И – не к кому-либо, а к тебе. Только к тебе. Я люблю твою душу, в каком бы веке это ни случилось, в чьей бы оболочке она ни оказывалась. Мне ли не знать, что дух – единственное, что важно!

– Вот как, – Айкен усмехнулся, принимая ее толкование событий прошлого. – раз так все и обстояло... а я-то думал, почему нас так тянет друг к другу...

Зоя пожала плечами.

– Кто знает. Когда я встретила тебя в Халле, то пошла с тобой не потому, что вспомнила тебя такого, каким ты был в прошлой жизни. Скорее, это было такое человеческое чувство... Наверное, тебе оно знакомо: ощущение, что если в мире и случается что-то плохое, то только не с тобой. А мне после стычки с броллаханом это чувство было нужно как воздух. Даже если бы оно было ложным.

– Но оно таковым не оказалось.

– Да. Хотя могло. – Зоя повернулась на бок и потрепала любимого по щеке. – Твое неухоженное холостячко-наркоманское жилище должно было меня насторожить!

Айкен нахмурился и саркастически заметил:

– Вероятно, ты была слишком очарована хозяином, чтобы обращать внимание на квартиру!

– Да, это так. В глубине души, – Зоя ответила без улыбки и малейшего намека на насмешку. – так и было.

Она поднялась с постели и вышла из комнаты, но вскоре вернулась с подносом. Аккуратно поставила его на кровать рядом с Айкеном и отошла. Молодой человек сел, приготовившись приняться за еду, но его рука замерла над бутербродом, когда он увидел, что на полу комнаты стоит раскрытый чемодан, наполненный вещами. Зоя тем временем присела на корточки и продолжила его укладывать. Айкен непонимающе кивнул на чемодан.

– Мы уезжаем?

– Нет, – Зоя выпрямилась, посмотрела на напарника через плечо. – ты уезжаешь. Обратнo в Халл. Или еще куда-нибудь, куда захочешь. Только подальше от меня.

Молодой человек вздрогнул, рванулcя вперед, скатился с кровати, чудом не уронив поднос, схватил девушку за плечи и попробовал обнять, но она уперлась руками ему в грудь, мешая.

– Прекрати. Одумайся.

Он тяжело дышал, сердце колотилось о ребра, и Зоя чувствовала это ладонями.

– Я думал, мы теперь вместе. Так то, что было позавчера... Твой прощальный подарок? Конечно, как я мог подумать иное.

Она облизала губы, зажмурилась и отвернулась.

– Ты должен уехать ради твоей же безопасности. Я боюсь, что Габриэль пошлет своих слуг, чтобы убрать тебя – свидетеля, как очевидно. Я не ненавижу тебя. О, Богиня, – она

всплеснула руками. – да если бы это было возможно! Я бы хотела, чтобы ты всегда был рядом со мной. Но будет лучше, чтобы ты уехал. Я в не меньшей степени хочу, чтобы ты был жив. Не говори о какой-то неземной любви, пожалуйста. Я не настолько идеальна, Айкен! Ты уже переспал со мной – так чего еще хочешь?

– Тебе было так плохо? – Он поднял на нее взгляд. Зоя смотрела уже не в сторону, а прямо на него, и глаза ее блестя, готовые наполниться слезами.

– Просто ответь на вопрос.

– И ты.

Она нахмурилась и снова отвернулась, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Мы теперь прекрасно осознаем, что наша тяга друг к другу – не плод ведовства Клариссы. Ты сама рассказала мне, как мы расстроили ее козни. Если бы ты сейчас была с Уолтерсом...

Зоя негромко иронично рассмеялась.

– Даже если допустить возможность нашего союза, надо помнить, что сейчас он бы был давно мертв.

– Да, но ведь и мой прадед тоже не дожил до наших дней. Уолтерс бы также переселился в чье-нибудь тело, помоложе.

Зоя вздрогнула. Она сбросила с плеч руки напарника и отступила на несколько шагов влево, к чемодану. Айкен вздохнул, все так же глядя в пол, запустил руки в волосы, как всегда в моменты растерянности.

– Я не смогу жить без тебя. Во всяком случае – теперь. Я пробовал этим летом, но не смог. – Он закрыл глаза и заговорил торопливо, даже как-то жалко, морщась и поднимая брови: – Моя жизнь состоит либо из казино и наркотиков, либо из броллаханов и магии. И я так больше не могу. Ты знаешь, что было со мной все это лето? Ломка. Стоило тебе уехать, как магия во мне уснула...

Зоя накрыла его губы пальцами.

– Молчи.

Айкен вздрогнул. Он не слышал, как она вновь шагнула к нему, не ожидал прикосновения ее прохладной кожи.

– Я виновата, я забыла, что каждый, слишком близко знающийся с сидской магией, не может больше жить без нее. – Зоя обняла напарника, прижалась щекой к его острым ключицам. – Если мы разлучимся, ты умрешь. Если останемся вместе – также можешь погибнуть...

– По крайней мере, шансов у меня больше именно рядом с тобой.

С тех пор, как Эдмунд, на чьи медицинские знания Вивиана и Ретт так рассчитывали, тоже оказался в постели (и, не считая буйства в первый вечер, впал в забытие), молодые люди почувствовали себя работниками больницы. Ежедневно они трудились, не покладая рук и не имея времени лишней

раз приклонить голову: то и дело им приходилось следить за Уолтерсом, отнимая у него выпивку (Марта только визжала в эти моменты, якобы опасаясь, что Рэндалл ее ударит), все же остальное время они проводили в бдениях у постелей. Однако же мистеру Тауэру оказывалось гораздо большее почтение и внимание, чем Эдмунду. Вивиану это злило, но признательность и дочерний долг не позволяли бросить отца – пусть и ненастоящего – ради того, чтобы сидеть у ложа вздорного вертопраха, как отозвался о нем Ретт, обменявшего здоровье и спокойствие близких на низменные удовольствия. Хотя в глубине души Вивиана страдала от страха за жизнь их обоих в равной мере. Все валялось у нее из рук, наперсток то и дело падал с пальца на колени и терялся в складках платья... Девушка раздраженно вытряхивала его на пол, снова надевала и пыталась продолжить прерванное занятие. Однако, стоило мистеру Тауэру беспокойно вздохнуть, или порыву ветра – колыхнуть огонек свечи, как девушка снова отвлекалась от работы. Читать она не могла, строки прыгали перед глазами, и совладать с ними было сложнее, чем с иголкой.

Порой Вивиана впадала в полусон, воскрешавший в ее памяти образ Эдмунда, и в такие мгновения она была готова бежать к нему, забыв обо всем. Но тут она каждый раз натыкалась пальцем на иголку, охала и освобождалась от плена мечтаний. Хоть и, как правило, ненадолго. Сморил ее непрощенный сон и в тот вечер... И, по обыкновению, руки девушки, скованные сонной судорогой, сжали рукоделье. Очнув-

шись, Вивиана дважды дернулась, сперва – немного, из-за того, что укололась. Затем содрогнулась всем телом и нахмурилась, рассматривая ярко-алые капли, сбегавшие по пальцу.

– Кровь..? – изумленно произнесла девушка.

Она сунула палец в рот, с удивлением отметив непривычный вкус, затем поднесла руку к глазам и рассмотрела место укола. Но палец был чист и цел... Или же ранка мгновенно затянулась – а как иначе? Пустяк, уколола палец... Вивиана озадаченно покивала головой.

Тауэр беспокойно завозился, девушка поправила ему подушку. Дверь в комнату бесшумно отворилась, на пороге возник Ретт со свечой. Вивиана не слышала, как он вошел, но обернулась, увидев отсвет пламени на одеяле и бледных руках мистера Тауэра.

– Он спит, – сказала девушка.

Кинг кивнул, подошел ближе, поставил свечу на столик рядом с кроватью, затенил ее и замер, вглядываясь в лицо больного. Лицо молодого человека посуровело и застыло, как у каменного изваяния. Ретт пытался не выказать страха – определенно, за жизнь мистера Тауэра.

– Я не знаю, почему ему так плохо. Нормально это и ведет к выздоровлению... или, напротив, к смерти. – Вивиана бросила рукоделье на колени и закрыла лицо дрожащими руками. – Я не знаю.

Она хотела сказать, что ей страшно, но стыд подобного

признания несколько отвлек ее, унижительные слезы отступили. Несколько мгновений прошли в молчании, прежде, чем Вивиана спросила:

– Как там мистер Купер?

Ретт вздрогнул и потер лоб, как будто вопрос девушки застал его врасплох.

– С ним была леди Марта, но недолго, потом я. Думаю, к утру ему будет уже лучше. Пойдите, посидите лучше с ним. Вам обоим это будет приятнее.

Вивиана хотела было возмутиться, но по бледному лицу Ретта поняла, что его слова не были оскорблением или иронией, только искренним дружеским советом человека, который удосужился понять больше, чем остальные. И все же, тем не менее, покинуть свой пост у одра одного больного, чтобы сменить его на стул возле постели другого, Вивиана так легко не могла.

– Возвращайтесь к мистеру Куперу, Ретт, пожалуйста. Я останусь здесь. В конце концов, я все-таки дочь сэра Тауэра. Во всяком случае, зовусь ею.

Кинг глубоко вздохнул.

– Да, это так. А я, в свою очередь, не зовусь его сыном, хоть и доподлинно известно – пусть немногим, – что я им являюсь.

Вивиана опешила. Ретт закрыл глаза рукой, потер их и сказал надтреснутым голосом.

– Будем же правдивы хоть раз в жизни. Я надеюсь на луч-

шее, но ничего не могу утверждать наверняка. Единственный из нас врач сам сражен недугом. Так идите же, – он повысил голос и сам испугался того, опасливо взглянул на мистера Тауэра. Но тот не проснулся. Кинг продолжил уже тише: – когда бы ни наступила его последняя минута, думаю, было бы лучше нам ее видеть. А мистери Куперу будет приятно в минуты тяжелой болезни лицезреть Вас, если взор его прояснится.

Вивиана встала.

– Что ж, Вы правы. Оставляю мистера Тауэра на Ваше попечение. Надеюсь, и он будет счастлив видеть Вас, когда придет в себя.

Она покинула комнату, когда Ретт вполголоса пробормотал: «Сомневаюсь...»

Эдмунд открыл глаза и тут же снова их плотно зажмурил – ладонь Вивианы лежала на его боку, почти на груди. Она была с ним в одной постели! Молодой человек почувствовал, как прокатилась по его телу волна жара. Но в следующий же миг, когда он снова открыл глаза, в трепещущем свете догорающей свечи он увидел, как жестоко ошибся: Вивиана не лежала рядом с ним, она сидела на стуле у кровати, просто, сморенная сном, наклонилась вперед, извернулась и подтянула к себе, как могла, подушку. На полу, довольно далеко от кровати, тускло поблескивал оброненный наперсток.

Эдмунда так умилила эта картина, что он поддался иску-

шению и протянул руку, желая коснуться волос своей дорожкой сиделки, однако Вивиана открыла глаза и встрепенулась.

– Вы очнулись, – ахнула она. – который сейчас час?

– Не знаю, – Эдмунд кое-как сел на кровати, подняв подушку повыше. – я только что проснулся, часы еще не били.

Вивиана просияла. Она улыбнулась, но тут же наклонила голову, смущенно пряча взгляд.

– Вы голодны?

Молодой человек пожал плечами.

– Я прикажу подать обед... или ужин.

Конечно, Эдмунду было приятно, что Вивиана так за ним ухаживает, однако обед только навредил ему: едва проглотив несколько ложек супа, больной тотчас же вернул их обратно и свалился на постель в страшных судорогах. Сквозь шум крови в ушах он слышал, как Вивиана приказала принести мокрые полотенца. А потом потерял сознание. Его нежная сиделка осталась бдеть на том же месте и дальше. Эдмунд не осознавал, когда Вивиана действительно сидела у его постели, а когда только виделась в горячке. Но в краткие мгновения, когда он мог различать сквозь дымку болезни смутные очертания предметов, увидя перед собой силуэт девушки, почувствовав неповторимый ее аромат, он думал, что почти счастлив.

Зоя вышла, а Айкен начал разбирать вещи и снова складывать их в шкаф. Молодому человеку пришлось несколько раз останавливаться, чтобы перевести дух – он столько времени ждал, безропотнейше, смиреннейше, что они с Зоей будут вместе. И вот теперь, хоть она и не сказала этого вслух, эта комната стала их общей, у них появились отношения... Да, разумеется, все было бы проще, если бы они оба являлись людьми. Если бы не приходилось противостоять Дворам. Но и в этой ситуации была определенная прелесть. Печальные события прошедшей ночи почти изгладились из памяти экс-полицейского, и теперь он даже жаждал новой схватки с Габриэлем и его приспешниками. Зоя, несмотря на перенесенное ранение, казалась ему теперь совершенно неуязвимой и бессмертной, война с сидами мнилась развлечением. Казалось, все можно решить колдовством, которое доступно – только руку протяни. Точно в супермаркете для выбора чар. Молодой человек чувствовал, как горят у него жаждущие движения мышцы.

Разложив все вещи, Айкен вышел из комнаты. Он нашел Зою на кухне, овеваемую теплым ветром, так что на секунду могло показаться, будто на улице не осень, а весна... Девушка стояла к нему спиной, чуть-чуть развернув плечо, так что он мог видеть ее ухо и часть щеки, не прикрытую распущенными волосами. Красное узкое платье, сменившее халат, на фоне льющегося из окна света казалось бордовым, темно-рыжие волосы – каштановыми. В одной руке, согну-

той в локте, Зоя держала истлевшую до половины сигарету. По тому, как девушка дышит и вздрагивает, молодой человек сперва подумал, что она закашлялась от дыма, но потом понял – она плачет. Подошел ближе, бережно взял за плечи и развернул к себе.

Слёз на зоином лице не было, но по щекам, как от пощечин, расплзлись красные пятна.

– Очень по-человечески, правда? – спросила девушка.

Айкен не ответил, только попробовал обнять ее, но Зоя вывернулась из-под его руки. Не только ее щеки, но и губы стали ярко-красными от сдерживаемых рыданий.

– О, прекрати. Тебе не идет терзаться от жалости к себе. Что сделано, то сделано. Я тоже этого ждал. И ты – попробуй захотеть немного пожить в свое удовольствие.

Молодой человек улыбнулся, но Зоя не поддержала его ироничный тон. Она насупилась, сложила руки на груди, так, что зажатая между пальцев позабытая сигарета чуть было не прожгла ей рукав, и в упор взглянула на напарника.

– Хорошо удовольствие, на мушке у Дикой Охоты.

Айкен взял с подоконника пачку Winston, закурил, нагнувшись к груди Зои, чтобы зажечь свою сигарету от ее. Девушка не шелохнулась – она все еще продолжала держать молодого человека на расстоянии. Не потому, что не была уверена в своих чувствах – она просто боялась, что связь с ней навредит ему больше, чем можно предугадать. Его могут счесть ее слабым местом. И небезосновательно. Но притво-

ряться Снежной королевой становилось все сложнее – каждую секунду. Какое все-таки у него лицо, в очередной раз мысленно поразила Зоя, то строгое и суровое, то нежное, доброе. И подкупающее. И выглядит он лет на пять-шесть младше своего реального возраста – просто удивительно.

Не отрывая взгляда от возлюбленного, Зоя щелкнула кнопкой электрического чайника. Айкен заметил ее движение, стрельнув глазами вбок, это переплетенье взглядов словно стало ментальной щекоткой, и молодые люди несколько нервно рассмеялись. Зоя затихла первой, прижав руку ко рту, чтобы скрыть, что веселье закончилось жалким всхлипом, и Айкен схватил напарницу за плечи, притянул к себе. На несколько секунд они замерли, слушая, как бьются вразнобой их сердца – дико, оглушительно, будто звук доносился извне. Но это длилось недолго.

– Пусти, – грозно прошипела Зоя. – мне не страшно и я не нуждаюсь в твоей жалости!

– Конечно, – согласился Айкен. Но продолжал крепко держать девушку.

– И в твоих объятиях – тоже!

– Нет, – неожиданно тихо сказал он. – нуждаешься.

Руки его расслабились. Зоя могла уйти, если хотела, сбросить их с себя резким движением плеч и лопаток.

– Я же нуждаюсь.

Она не отстранилась. Подняла покрасневшее лицо.

– Тогда не так. Не это.

Медленно поднялась на цыпочки. Положила руки Айкену на плечи. Закрыла глаза и осторожно поцеловала его – очень невинно. Только коснулась теплыми губами, задержалась не дольше, чем сердце успело дважды простучать, и отстранилась, чтобы развернуться и заняться чаем. Через минуту Айкен взял у нее из рук кружку: горячая, так что ладони мгновенно заболели. Зоя нервным движением сбросила волосы с плеча, заправила за ухо длинную прядь.

– Болит?.. – Айкен кивнул на бок.

– Немного, – ответила девушка. – Терпеть можно.

Айкен сделал крошечный глоток, обжигая язык. Отставил кружку, взялся рукой за шею девушки, чуть притянул к себе и наклонился. Зоя не сопротивлялась, сама поднялась на цыпочки, подставила губы. Сейчас желание отослать Айкена прочь казалось девушке смешным и кощунственным. Мысль о том, что в эту минуту они могли бы быть разлучены, отдавалась в груди ноющей болью.

– Эй, голубки!

Айкен обернулся, Зоя нахмурилась, глядя у него из-за плеча – все еще не опустившись на полную стопу. На кухне кроме них теперь находилась еще и Кларисса.

– У вас что, работы поубавилось, вы тут милуетесь? – Сида раздраженно потерла висок.

Айкен задохнулся от возмущения. Он помнил не только то, что Кларисса в недавно минувшую ночь спасла его возлюбленную, но и то, что Зоя пострадала в том числе из-за

нее.

– Ну? – нагло протянула Кларисса. – Не слышу слов благодарности. А ведь, между прочим, всем тем, что вы сейчас имеете, вы обязаны мне. Вы вместе, куколка жива. Хэвен скоро вернется со спасенной девчонкой – как считаете, разве не идеально?

Молодые люди молчали, сверля гостью взглядом. Наконец, Айкен процедил, опустив глаза:

– Не знаю, силой или обманом ты похитила Хэвена, но те беды, что с нами случились... не ты ли их подстраиваешь, а потом с таким героизмом спасаешь нас от них? Я вот уже почти полгода задаюсь этим вопросом.

Зоя кинула на возлюбленного взгляд: непонимающий в первую секунду, и затем, суровеющий, холодеющий от осознания.

– То есть, – от волнения девушка могла говорить только вполголоса. – меня ранили из-за тебя?

Кларисса раздраженно дернула плечами.

– Разумеется, нет, деточка, ведь тебя ранил Габриэль. Что это вы тут удумали? Поймите, отказаться от моей помощи было бы крайне непрактично...

Со сжатыми кулаками Зоя рванулась вперед, но Айкен удержал ее, не давая наброситься на сиду. Кларисса испуганно вскрикнула и исчезла, шелкнув пальцами.

– Она могла узнать так быстро только одним путем – если говорила с самим Габриэлем. Кроме его и нас это виде-

ли только шестерки, до которых бы Кларисса не снизошла. Верить ей стало скорее вредней, чем полезнее, – все еще негромко пробормотала Зоя, но в ее голосе слышалось такое напряжение, такая злость, что Айкен предпочел отпустить ее. Он не чувствовал страха или гнева, во всяком случае, в той степени, чтобы оправдать то, что у него дрожат пальцы. Он заметил это, когда закуривал. Бешенство напарницы передалось ему – перелилось через кожу.

Зоя стояла, закаменев. Все мышцы у нее напряглись, левый уголок рта опустился вниз. Айкен даже побоялся ее коснуться – казалось, наощупь она будет холодной, как мрамор.

– Нужно дождаться Хэвена и Симонетту из магазина, – Зоя потерла лицо, чтобы убрать с него выражение неудовольствия. – а потом я сделаю такое, что ни Кларисса, ни Габриэль к нам больше не сунутся.

Глава вторая

Чувства не ошибаются, но не потому, что правильно судят, а потому, что не судят вообще.

Иммануил Кант

Хэвен и Симонетта вернулись к полудню. Девочка выглядела абсолютно счастливой, начала с большим энтузиазмом разбирать покупки, прикладывая к себе каждое платье, но, не вынув из пакетов и половины вещей, вдруг ушла в ванную. Никто не последовал за ней. Видимо, Хэвен рассказал ей про смерть брата. Симонетта держалась, а шопинг отвлек ее, но теперь воспоминания пересилили хорошее настроение.

– Пусть выплачется, – кивнула Зоя. – а у нас пока есть другое дело.

Они выпачкали руки до черноты пастой маркеров, пока расписывали оконные рамы, стены и дверь рунами. На всю квартиру им понадобилось несколько часов. Все это время Симонетта провела в ванной со включенной водой. Но вышла оттуда посвежевшей и бодрой. Даже следов слез на ее лице не было. Хэвен и Зоя увели ее на кухню, чтобы напоить чаем, а Айкен отправился отдохнуть в гостиную. Он устро-

ился с книжкой на диване, но вскоре понял, что не может читать: над ним нависла Зоя. Он не видел ее тени, не слышал дыхания, только слабо ощущал запах табака и фруктов.

– У Хэвена там предвидится долгий разговор с Симонеттой, кажется, – сказала девушка. Айкен на секунду поднял на нее взгляд и снова опустил его на страницу. Из-за позы он казался беззащитнее, чем обычно, насколько вообще может выглядеть беззащитно высокий широкоплечий мужчина. Зоя забралась с ногами на диван, не сбросив тапочки, устроила голову на плече Айкена.

– Я тебе не мешаю?

– Нет.

Он не оторвался от книги, но Зоя почувствовала, как он напрягся – по-хорошему напрягся, как любой мужчина от близости любимой женщины. Она не стала спрашивать его, что он читает и нравится ли ему, молча принялась рассматривать лицо, шею, волосы возлюбленного. Это было так удивительно: видеть каждую пору его кожи, впитывать глазами каждую черточку, касаться его взглядом...

– Не знала, что ты раньше носил сережки.

Девушка усмотрела крошечную точку на ладьевидной ямке. Айкен усмехнулся – и это прозвучало как-то по-особенному, не так, как раньше. Теплее, может быть. Или счастливее. Глаза молодого человека застыли, перестали двигаться по строчкам.

– Знаешь, с тобой я чувствую себя потрясающе живой.

Никогда раньше не было такого ощущения! – девушка улыбнулась.

– Такой, какой тебя хотел видеть Габриэль? – Айкен посмотрел на нее. Зоя подняла голову с его плеча.

– Нет, думаю, о ТАКОМ он даже не помышлял. Его сил слишком мало, чтобы создать такое подобие настоящей жизни – чтобы я не только выглядела, но и чувствовала себя человеком. Чтобы на меня накатывали такие эмоции. Это как волна, как прибой, даже если убегаешь от него, на кожу попадет миллион брызг. Миллиард. Это... странно. Тебе, наверное, не понять, каково это – однажды начать чувствовать все гораздо острее, чем раньше, в сотню раз. Наслаждаться своим телом, едой, боем, сексом.

Айкен задумчиво покусал губы.

– Ну, наверное, это немного похоже на то, как ощущаешь себя под наркотиками.

Она ударила его по плечу. Ощутимо, но не сердито – и не перестала улыбаться.

– Давай больше не возвращаться к этой теме.

Айкен отложил книгу, взял ее лицо в ладони и целомудренно поцеловал. А отпустил только спустя несколько секунд, как оторвался от ее губ.

– Я хотела бы научиться у тебя только одному, – Зоя опустила голову, перевела дух и несмело взглянула на Айкена из-под ресниц. – научи меня жить моментом. Любить – прямо сейчас.

Мужчина усмехнулся.

– Тебе ведь, кажется, уже говорила Кларисса – просто по-ступай так, чтобы было как можно меньше больно.

– Не совсем в этих словах, но смысл ты передал точно.

Айкен склонился над девушкой.

– Мне она сказала то же самое.

И он вновь поцеловал ее. Больше никто не прерывал их.

В тот вечер у постели мистера Тауэра сидел Уолтерс (трезвый и раздраженный, но и пристыженный своим беспутным поведением, готовый искупить его помощью). Ретт провел вечер, ухаживая за Эдмундом, а Вивиана с облегчением – и, одновременно, тревогой, – поняла, что у нее выдалось время на полузабытые невинные увлечения. Девушка села в гостиной в кресло с книгой. Она нашла ее незадолго до возвращения Эдмунда: кто-то (впоследствии можно было подозревать, что это был Уолтерс) оставил в гостиной на столе потрепанный томик. Вивиана несколько раз открывала его, читала пару строк, но оставляла там же, где взяла. Однако за неделю, вероятно, кроме нее никто больше к книге не при-трагивался, и потому девушка забрала ее к себе в комнату. Но теперь у нее в руках было не то же произведение: потер-тый роман устроился на коленях девушки, как кот, а паль-цы ее сжимали подарок мистера Купера. Вивиана щурилась, глядя в строчки, но полностью отрешиться от своих проблем, погрузившись в чтение, она не могла: на ум посто-

янно приходил бедный молодой хозяин дома, терзавшийся в постели этажом выше. Вивиана изо всех сил старалась внимательно читать книгу, привезенную Эдмундом, но вскоре с негодованием бросила ее на стол. Губы ее напряженно сомкнулись. «Подумать только, какие мелкие, жалкие проблемы у героев!» – девушка прижала руку к горлу, чувствуя, что ей не хватает воздуха. Удивительно, но в душной комнате рядом с Эдмундом ей было гораздо легче дышать.

Вивиана вздохнула, отвернулась к окну, будто это могло ей чем-то помочь. В голове ее роились мысли, но ни одна так и не успела четко осознаться: как ей быть, что делать? Как убежать от этой тоски, этой тяжести, навалившейся ей на плечи? О, как просто животным! Смерть для них – естественный процесс, а долгая, тяжелая болезнь – не более, чем ее предвестник. Для зверей все во много раз проще. Ешь, спи, люби, не отвлекаясь ни на что, пока твое тело еще способно двигаться, пока ты еще можешь что-то чувствовать...

Вивиана прижала пальцы к губам. Живые, теплые. Она никогда раньше не ощущала себя так и ей казалось, что впереди у нее вечность. Она то и дело одергивала себя – подожди, откажись, у тебя будут годы и годы на то, чтобы пережить это. Ей было просто держать себя в руках, в том числе и с мужчинами: даже смутное воспоминание о некоем светловолосом молодом человеке было достаточной причиной для ее целомудрия, длившегося веками. Но теперь, рядом с Эдмундом, Вивиана вдруг осознала, что время проходит и че-

рез ее тело, медленно, но все же влияя на него. И ей захотелось жить. Быстро, отчаянно. Да, время, которое Эдмунд провел в Лондоне, показалось ей невыносимо долгим, она была готова умереть, если бы знала, как. И если бы уверилась, что он не вернется.

Но он вернулся. Он сделал ее еще более живой, еще более алчущей. Ради него, в качестве благодарности и – да, да, пусть так! – уступая своим желаниям, Вивиана была готова пойти на любой грех. Потому что Эдмунд был смертен. Она боялась потерять его. Поэтому ей было ничего не жаль. В конце концов, ее существование продолжится и без него – а тысяча лет, отведенная на сладкие воспоминания, все-таки несколько веселее, чем годы пустых сожалений. Даже если она не права в своем решении, у нее будет время на то, чтобы забыть.

Вивиана взяла с колен другую книгу. Раскрыла, но вновь не смогла читать еще долго: ей все казалось, что пламя свечи пляшет, смазывая буквы. На самом деле, просто дрожали ее пальцы.

Несколько дней прошли в напряженном ожидании: Хэвен ухаживал за ослабевшей и разбитой известием о смерти брата Симонеттой, ежечасно опасаясь, что из-за нервного и физического истощения она разболеется так, что придется вызывать скорую помощь, Зоя и Айкен ждали Габриэля с Дикой Охотой или Клариссу. Но ничего страшного так и не про-

изошло. И все они расслабились.

– Кажется, Неблагодой Двор выжидает, – Зоя одевалась, чтобы выйти на улицу, – но днем наступает время благих, а я еще ничем, кажется, не успела насолить Медб. Так что, сейчас мы можем выйти за покупками, никого не опасаясь.

Айкен недоверчиво хмыкнул – из-под пиджака девушки топорщился пистолет в кобуре. И сам молодой человек был вооружен, хотя они всего лишь собрались в магазин за продуктами и, может быть, парой воздушных шаров. Их спокойную жизнь было бы неплохо отпраздновать: она совершенно определенно началась, но вот закончиться могла в любой момент. Следовало торопиться.

Чтобы покинуть квартиру, пришлось нарушить рисунок рун на двери, но как только молодые люди ступили за порог, Хэвен исправил знаки, восстановив защиту. Чтобы войти обратно, Айкелу и Зое нужно было постучать в дверь условленным образом. Хэвен заговаривал было о мобильных телефонах, но поднявшийся с приездом Айкелена уровень магии делал эту идею смешной. Их всех уже и так утомил телевизор, включающийся и выключающийся, когда ему вздумается, а работающий с чудовищными помехами.

И все же... Казалось, наступило счастливое время.

Они устроили небольшое уютное торжество: опустили жалюзи, зажгли свечи и, на всякий случай, настольную лампу в углу, разложили еду как можно красивей, настолько, что есть ее было жалко, выставили на стол лучшую посуду и при-

боры. Потом – оделись так, словно их маленькая победа, выторговавшая лоскут спокойной жизни, была окончательной и бесповоротной, будто Дворы подчинились им... И в тот миг, когда Хэвен, Зоя, Айкен и Симонетта уселись за стол, они действительно верили в это – и в свое всесилие. Мир словно сузился если не до их гостиной, то уж до расписанных рунами стен квартиры – точно. Было уютно, как никогда раньше.

Зоя встала и воздела бокал. Айкен поднялся вместе с ней, приобнял за плечо... Они засмеялись одновременно, так ничего и не сказали, только несколько секунд смотрели друг на друга, не отрываясь, пока Хэвен не отвлек их:

– Ну хватит, мы же хотим пить! – он тоже поднял бокал, вслед за ним – Симонетта, и все выпили.

– За спокойную жизнь, – запоздало сказал Айкен.

Симонетта ела мало, практически ничего – только слегка поковыряла вилкой фруктовый салат, прежде чем подпереть ладонями надутые щеки; Зоя и Айкен сидели вполоборота к столу, не отрывая друг от друга влюбленных глаз; при этом, все, включая Хэвена, чувствовали, что не просто не одиноки – их четверо. Они будто представляли какой-то вариант настоящей, нормальной семьи, немного сумасшедшей, но милой. Только у Зои это чувство отдавало холодком страха – она единственная не была на все сто процентов уверена в рунах, которыми они исписали квартиру.

Девушка даже вздрогнула, когда часы пробили полночь,

тем не менее, входная дверь не скрипнула, не хлопнуло окно, небо не прочертил силуэт призрачных всадников Дикой Охоты, сердце не екнуло, отзываясь на чью-то чужую магию – ни-че-го. И Зоя расслабилась.

Хэвен лег в гостиной, обещая с утра убрать посуду со стола, уставшая Симонетта устроилась в его комнате, а так и не расцепившие полуобъятий за весь вечер молодые люди направились в комнату Зои.

Айкен прижал возлюбленную к двери, как только она закрылась за ними, и осторожно поцеловал. Он еще не до конца верил, что имеет на это право, будто Зоя могла в любой момент оттолкнуть его и вернуть их отношения на стадию простого сотрудничества, как три месяца назад. Но нет – она обняла его, приподнимаясь на цыпочки и прижимаясь, полностью расслабленная и доверившаяся. Во всяком случае, так казалось молодому человеку. Внутри же у нее кипел пожар не только страсти, но и страха, такого сильного, каким только может быть ужас перед медленной мучительной смертью.

Способна ли я, думала Зоя, делать вид, что мы в безопасности, а я могу полностью увлечься своими чувствами, любовными переживаниями и рефлексиями? Будет ли это с моей стороны по праву положенный отдых или же непростибельная беспечность?..

Но прижавшиеся под ее ухом губы Айкена проецировали в ее мозг мысль, что сейчас не лучшее время задаваться по-

добными вопросами. И лучше отложить их на утро.

– Раз уж теперь мы вместе... – протянула Зоя, легко касаясь лица Айкена кончиками пальцев. – я хочу все-все потрогать.

Он усмехнулся. А руки девушки огладили его лицо, шею, спустились на грудь.

– Я люблю, когда ты улыбаешься, или сердишься, или недоумеваешь. Когда показываешь эмоции, в общем, – Зоя никогда не умела говорить ласковые слова и теперь только училась этой непростой, но приятной науке. А Айкен стал ее нежным великодушным учителем: она робко звала его, медленно произнося непривычные языку трогательные слова, будто читая букварь, а молодой человек неизменно награждал ее, вне зависимости от того, как у нее получалось.

– Я тоже люблю, когда ты показываешь свои эмоции. Но чаще ты делаешь это не лицом. Никогда не замечала?

Он потянул ее за собой.

– Только вскидываешь брови или дергаешь уголком рта, когда недовольна.

Они мягко опустились на кровать, Зоя подняла руки, чтобы Айкен мог раздеть ее – кажется, он хотел сделать это, не требуя ее помощи.

– Зато твое тело всегда говорит крайне правдиво. Ты скрещиваешь ноги, щиплешь себя за плечи и всячески... – он наклонился, целуя ее в губы, затем в подбородок, шею, под ключицей. – всячески демонстрируешь свои истинные чув-

ства и намерения.

– Это очень плохо для воина, – рассмеялась Зоя.

Айкен был не просто страстный – он весь состоял из эмоций, он жил ими, нуждался в них, и даже когда старательно и небезуспешно скрывал их проявление на лице, Зоя чувствовала по напряжению его рук, взгляда, биению жилок на шее и тыльных сторонах ладоней, зол он или подавлен. Он, казалось бы, так же легко читал настроение возлюбленной. Она перевела дух, не зная, как прозвучат ее слова: слишком смело, обидно или трогательно. Облизала губы, странно-сладкие – видимо, из-за ее полустершейся помады и выкуренной Айкеном пары сигарилл.

Единственные минуты, в которые Зоя добровольно подчинялась и не видела в этом ничего постыдного. Ничего дурного не видела она и в их громадных аппетитах.

– Будь моя воля, я бы от тебя не отрывалась. Никогда.

Они старались вести себя тише, чтобы не будить и не смущать Хэвена и Симонетту, но получалось не всегда.

– Я надеюсь на их понимание, – ухмыльнулся Айкен и подмигнул, когда молодые люди чуть ослабили объятия. Он поискал рукой сигареты на тумбочке, но не нашел. Вставать же с постели, чтобы поднять брюки и проинспектировать их карманы, было слишком лень. Лежать с Зоей на смятых влажных простынях ему казалось более приятным занятием.

– Знаешь, о чем я думаю? – сказала девушка. – Что будь на твоём месте другой человек, я тоже изменилась бы в другую

сторону. Я стала бы похожа на него. Это как влияние учителя, даже, скорее, родителя, хотя в свете только что произошедшего, это звучит... странно.

– Кровосмесительно, я бы сказал, – Айкен рассмеялся, прижавшись потом к углу подушки, чтобы не разбудить Хэвена и Симонетту. – прости, наверное...

– Нет, все в порядке, – Зоя ощутила, что неловкость уходит, и понадеялась, что на этот раз – навсегда. Она ощущала себя с Айкеном немного смущенно практически всегда, если не считать того дня, когда они бежали с тренировки домой и попали под дождь. Между напарниками всегда была ложь – крохотная или большая, на ту или иную тему. Иногда они сами верили в то, что говорили: я не люблю тебя, у меня нет зависимости, я знаю, что делать дальше, все будет хорошо. Но это все равно была неправда, какой бы стороной они ее не поворачивали. А еще между ними было сексуальное напряжение без шанса его сбросить. Первый раз, срежиссированный Клариссой, только отдалил их друг от друга, молодые люди открывались друг перед другом только теперь, и Зое казалось, что она почти физически ощущает этот процесс – как стремительно расцветающую прямо в кулаке розу, как движение шелка по коже или дуновение пляжного ветерка.

Зое хотелось разговаривать, но она боялась, что неосторожной фразой сломает то хрупкое чувство, возникшее между нею и Айкеном, которое она не решалась назвать любовью, отчасти потому, что не хотела навешивать банальные

и затертые ярлыки, отчасти потому, что – с некоторой толикой стыда – не могла низвести такое светлое понятие до того, что происходило между ними. В их отношениях была даже не страсть и не похоть, это было какое-то удивительное слияние, при этом, ни капли не возвышенное, скорее – порочное. И совершенно необходимое. Зое казалось, что их чувства похожи на кормежку. Друг другом. Их секс в большей степени был насыщением – они пожирали друг друга, как алхимические змеи, как сера и ртуть, и это был процесс, не имеющий конца. Как было бы прекрасно, подумала Зоя, если бы так оно и длилось до последнего вздоха вселенной.

– Как думаешь, что между нами? Любовь? – словно прочитав ее мысли, спросил Айкен. Он лег на живот, чуть приподнялся, подсунув под подбородок сцепленные в замок руки.

– Ты же говорил, что это «судьба», – Зоя с улыбкой повернула к нему голову.

– Нет, это иное, перст судьбы в том, что мы встретились, а я спрашиваю... – он замолчал, медленно закрыл рот и еще медленней зажмурился. – не знаю, как это объяснить. Мне двадцать семь, ты понимаешь, но никогда до этого...

– Понимаю, – она постаралась вложить в это слово все свои объяснения – она больше, чем просто понимала, что он хочет ей сказать. Она чувствовала то же, что и он. Да, воспоминания об Эдмунде давали ей ощутить нечто схожее, но все же не до конца то же самое, а Карл, Габриэль... Она совер-

шенно точно спала с одним из них, хотя бы раз – в Румынии, со вторым, вероятно, имела чуть менее близкие отношения, но все же ненамного. Но самым главным было то, что обоим венценосным сидам она говорила, что любит их. Однако то чувство, что она испытывала к братьям, бледнело при сравнении с тем, что пылало и искрило между нею и Айкеном.

– Это настоящее? – спросила она скорее у самой себя, нежели у возлюбленного.

– Не знаю. Надеюсь. Во всяком случае, у тебя – точно. Не примешь же ты гастрит за волнение страсти! Ты, кажется, этим не страдаешь.

Они захихикали, зажимая рты руками – себе и друг другу. Наконец, оба умолкли, несколько мгновений полежали в полной темноте и тишине, затем рука Айкена двинулась вверх по талии Зои, огладила грудь... Девушка тихо вздохнула, прикрыла глаза.

– Послушай.

Ладонь молодого человека замерла, готовая в любой момент покорно исчезнуть, но Зоя не собиралась говорить ничего неприятного:

– Прошло три с половиной месяца – но с тобой... Гораздо меньше, – девушка неверяще хмыкнула, – странное ощущение. И будто бы мы были друг с другом все это время, и будто – прошло едва ли полторы недели.

Айкен пожал плечами.

– Если ты часто меня вспоминала, то, разумеется, все по-

НЯТНО.

Зоя покивала. Она не собиралась признаваться, но слова вырвались сами:

– Да. Часто.

Глава третья

Слезы-зеркала,
Отражение вселенной в глазах.
Потерялась мечта
В наших искалеченных снах.
Элизиум – «Слезы-зеркала»

Следующее утро было одновременно похоже и не похоже на предыдущие. Зоя не пошла на кухню, чтобы приготовить кофе: отчасти потому, что не хотела показываться перед Хэвеном и, в особенности, Симонеттой, с вероятными отметинами на шее, которые, судя по ноющей коже, точно у нее были; отчасти потому, что ей просто хотелось подольше полежать с Айкеном, дождаться его пробуждения и сказать «Привет.»

Она смотрела на его лицо: да, какое-то время она ошибалась насчет его реального возраста, но теперь видела, что даже во время сна морщинки в уголках глаз, на лбу у Айкена не разглаживаются до конца. Ему было чуть меньше тридцати – а это уже не двадцать. В первое мгновение это осознание вызвало в Зое прилив нежности: она складывала все мысли, все факты об Айкене в некую небольшую копилку у себя в голове. Но тут же оно больно ударило ее под дых, заставив

затылок совершенно по-человечески похолодеть.

Айкен жил, он был человеком. И рано или поздно она должна была его отпустить. Зоя вздохнула. Разумеется, страсть не оглушила ее настолько, чтобы она перестала трезво оценивать ситуацию – и осознавать, что ей не стоит долго играть с этим молодым человеком, ради его же безопасности, но даже если б у них на хвосте не сидела Дикая Охота, после нескольких лет ей было бы милосерднее его оставить. Даже если бы он продолжал говорить, что она для него как наркотик. Оставалось молить всех известных богов, что зависимость от сидской магии он выдумал...

Тут Айкен открыл глаза, почувствовав то ли солнечный лучик на лице, то ли взгляд любимой.

– Доброе утро, – пробормотал он, спросонья едва ворочая губами. – у тебя такой задумчивый вид...

Он усмехнулся. Зоя покивала.

– Я думала о том, что когда нам нужно будет расстаться, я начну вести себя так, чтобы ты сам меня бросил, – честно озвучила она свои мысли. Айкен нахмурился и мгновенно начал выглядеть на свой возраст.

– Зачем бы нам понадобилось расставаться? Я никуда тебя не отпущу, – Зоя хотела было привести свои аргументы, но мужчина положил палец ей на губы, и она промолчала. – если ты выдержишь вид меня – старого и больного, то оставайся навсегда, пожалуйста.

Зоя рассмеялась, поцеловала руку возлюбленного.

– Надеюсь, однажды я это уже пережила.

– Вот видишь. А потом я воплощусь в ком-нибудь еще.

Теперь рассмеялись уже они оба, не в силах сдержаться, такое нахлынуло на них счастье! Они могли быть вместе вечно – даже после смерти Айкена! Им нужно было только постараться сохранить свои чувства, пронести их сквозь многие и многие годы.

Утонувшая в нахлынувшем на нее блаженстве Зоя даже забыла спросить – а есть ли у Айкена брат или сестра...

Наконец, Эдмунд нашел в себе силы подняться с постели. Он не знал, исчезла ли его пагубная привычка без следа, но молодому человеку казалось, что он еще никогда не чувствовал себя так хорошо. Отчасти, быть может, потому, что спокойствие и здоровье остались в далеком прошлом, но то, что он испытывал теперь, было все же лучше, чем тяжелый недуг, иссушающий тело дьявольским огнем.

Эдмунд кое-как оделся, пригладил волосы рукой и вышел из комнаты. Ему пришлось идти по коридору, касаясь рукой стены – ноги еще были недостаточно тверды для привычной уверенной походки. Молодой человек направился в гостиную. Пусть он и не знал, какой час пробил, и не мог быть уверен, что найдет в доме хоть кого-то бодрствующего, он надеялся на то, что ему повезет, пусть за окном и клубилась едва рассеянная лунным светом тьма. Молодому человеку впрямь повезло: из-под двери гостиной выбивался свет. Кто-

то зажег свечу.

Это была дочь мистера Тауэра, впервые после долгих изнурительных дней выкроившая время на невинные радости.

Вивиана сидела в кресле. Волосы ее не были накручены на папильотки, а свободно падали тяжелыми локонами на плечи и спускались почти до талии. Сорочку девушка задрала до колен и, вытянув ноги, положила их на стоящий рядом стул. Эдмунд собирался подойти тихо и незаметно, но слишком ослаб после болезни, чтобы красться бесшумно – пошатнулся, оперся со стоном на скрипнувшее кресло. Девушка вскинула голову, нервно одернула подол, заметив молодого человека, глаза ее испуганно заметались. Встать, уйти? Вместо этого Вивиана задула свечу и гостиная погрузилась во мрак.

Эдмунд ждал, что девушка скажет что-нибудь, считал удары сердца, молясь, чтобы ее голос заглушил этот нестерпимый грохот, заполнивший уши, но вместо слов Вивиана вдруг обняла его во тьме, крепко, прижимаясь теплой щекой к его груди.

– Мисс... – голос недавнего больного едва прошелестел, не громче, чем шаг призрака.

– Хочешь есть?

Девушка отстранилась, но Эдмунд видел в лунном свете, что она все еще стояла к нему ближе, чем позволяли приличия, почти вплотную. Бледные лучи ночного светила озаряли удивительный абрис Вивианы, позволяя увидеть, что она, однако же, выглядела хуже, чем обычно: бледное, исхудав-

шее лицо, темные круги под глазами, заострившиеся скулы. Да, Вивиана провела не одну ночь у его постели... Эдмунд смолчал, но она полушепотом бестактно заметила:

– Ты еще так плохо выглядишь, щеки впали... – и засмеялась, прижимая пальчики к губам. – но я рада, что ты встал.

Эдмунд вдруг ощутил, что чертовски голоден. И это была хорошая новость.

Зоя чувствовала, как меняется. Ей казалось, что с каждым днем она только хорошеет и расцветает. Айкен был с ней согласен, а вот Хэвен... Всегда молчаливый и спокойный воин стал неожиданно резок с ученицей. Он тоже чувствовал, что она все больше и больше становится человеком. И это его бесило. В то утро, когда Зоя, запахнувшись в халат, выбралась на кухню, чтобы приготовить кофе, учитель решил, что с ней нужно поговорить. Хэвен схватил ее за локоть, развернул ее руку и прищурился, осматривая внутреннюю сторону предплечья.

– Что это?

Зоя непонимающе переводила взгляд со своей кожи на учителя.

– У тебя появилась родинка.

Зоя улыбнулась.

– Прелестно. У людей они ведь время от времени появляются, я права?

– Нет, это не прелестно! – рявкнул Хэвен, неосознанно

дернув на себя руку девушки. – послушай, ты срочно должна уехать. Или Айкен. Можете договариваться и выбирать, но, так или иначе, это должно случиться. Я прошу... ради безопасности.

– С каких пор тебе жаль Айкена? – Зоя грубо вырвала руку из захвата учителя и встряхнула ею, будто могла испачкаться.

– Не его. Тебя. Чем больше ты человек, тем больше уязвима.

Зоя с едва слышным свистом вдохнула через стиснутые зубы, словно перебарывая боль.

– Нет! Ты не понимаешь. Мои эмоции и чувства не имели смысла, пока я не была человеком. Это была игра в любовь, в боль, в гнев. Только теперь все по-настоящему.

Хэвен потер виски.

– Это катастрофа. Тебе нельзя становиться такой.

– Но мне нравится, – Зоя пожала плечами. Ей вспомнилось, как она отчаянно бросилась в объятия Айкена, пока обдающее нещадным жаром пламя разрушало дом Хэвена. – теперь мой гнев будет просто невообразимым. Мы победим Габриэля, непременно.

– И что же ты будешь делать потом?

Она пожала плечами. Хэвен шумно втянул носом воздух, стараясь вложить в этот звук все свое презрение к ее меняющейся природе. Он ненавидел себя за то, что был человеком, он тосковал по тому времени, когда состоял в воинстве

Сияющей страны. И в то же время он бы никогда не предал Зою, хотя сейчас он взаправду злился на нее.

– Мы счастливы, разве нет? Ты упрекаешь меня в том, что я люблю Айкена, но ты сам нашел счастье в Симонетте. Ты не собирался жениться, будучи дини ши, не надумал и когда стал человеком. А она разве не видится тебе как дочь, которую ты иначе не смог бы получить? Разве ты не чувствуешь рядом с ней себя иным, более нудным, чем раньше?

Хэвен скривился, словно в рот ему затолкали пол-лимона, ткнул в ученицу пальцем:

– Надеюсь, ты испытываешь удовлетворение каждый раз, когда прокручиваешь у себя в голове эти детские доводы. Ах как мило, я настоящая девочка, черт побери, счастливый конец у сказки!

Зоя глубоко вздохнула, пальцы ее сжали плечи. Она была оскорблена так тяжело, что скорее простила бы Хэвена, если бы он ее ударил. В конце концов, это было бы привычно.

– Хочешь знать, что я чувствую ежедневно? Удовлетворение? – она издевательски хохотнула. – как бы не так. Страх.

Хэвен отступил на шаг, изумленный: и без того изогнутые его брови взметнулись вверх, становясь домиком, рот напряженно сжался, будто мужчина ощутил на губе пушинку и пытался не проглотить ее.

– За тебя, за Айкена, за Симонетту. И за себя. Потому что в сказке Габриэль бы хотел поймать меня и заточить в темнице, как дракон или черный рыцарь – принцессу. Но он вы-

рвет из меня камни, сделает новую игрушку, более стоворчивую, а вас всех – уничтожит. И, знаешь, мне вскоре станет все равно.

Зоя тоже отступила на полшага, с вызовом глядя на учителя. Он не смел поднять голову, уставившись на носки туфель девушки. Она была права... во всем, кроме одного.

– Твоя душа в камнях. И твоя память там же. Габриэль может налагать заклятия, позволяющие перекрывать воспоминания, но не стирать их. Он будет знать, что ты рано или поздно все вспомнишь.

– Значит, меня он тоже уничтожит.

– Не знаю, – Хэвен опустил голову. – он думает не так, как я.

– «Ценно только хрупкое».

Хэвен обреченно кивнул. Он не мог не капитулировать, тем более, что в гостиной засмеялась Симонетта, зовя его.

– Да, ты права. Но я хотел бы видеть тебя скорее каменной, чем живой.

– Этого не будет никогда.

Хэвен проглотил слова, которые хотел сказать: «к сожалению...»

Тем же вечером в ванной, все еще прокручивая в голове слова учителя, Зоя сняла халат. Сбросила его с плеч легко, однако поднять взгляд на себя в зеркало не смогла.

«Я думала каждый раз, что это осознание себя ненастоя-

щей – оно скоро пройдет. Нельзя же постоянно думать не только о том, что происходит вокруг тебя, но и о том, что ты, кто ты... А кто, в сущности?»

Зоя медленно, противясь сама себе, все же подняла голову, но чтобы открыть глаза, ей понадобилось еще несколько секунд – и несколько вздохов.

«Ни на минуту ты не отвлекалась от осознания, что ты не человек. О, как это жалко звучит!»

Она приблизилась к зеркалу, провела по лицу рукой. Едва заметные наметившиеся в уголках глаз морщинки, на переносице проступили веснушки. Тут и там на теле – не считая отколотого куска – проступили родинки. А также шею и плечи покрывали следы проведенных с Айкенем ночей.

Зоя улыбнулась. Она стала человеком настолько, насколько вообще могла, и, хоть ей этого и было мало, она благодарилась Судьбу и Богиню. Если она не могла вернуться во Дворы с Карлом, то остаться здесь и провести свою жизнь как миссис Купер было совсем неплохо. Прожить жизнь, как человек, а потом, может быть, состариться и умереть. Если она будет на это способна.

«Я даже не помню, сколько мне лет. Даже примерно! Я вполне могу ошибиться на несколько десятков, прикидывая свой возраст. Ужасно, наверное, – Зоя опустила взгляд, но зеркало манило ее, как магнит, заставляя снова вскидывать голову. – это должно меня пугать. Тем не менее, не пугает. Еще я должна быть счастлива... Ах, нет, я счастлива, конеч-

но же. Я люблю Айкена... Наверное. Или это эгоистичная страсть, иначе я бы ни на секунду не прекращала думать, как позволить ему жить без меня. Однако, кажется, если я умру, прямо сейчас, в данную минуту, не будет ничего, о чем бы мне стоило пожалеть.»

Вода с тихим звуком капала из крана каждые две секунды.

«Или это хорошо? Готовность умереть в любой момент – это-то и маркирует счастье?»

Она задумалась настолько, что в ушах у нее остался один только звон, как бывает на неработающем канале телевизора, и Зоя сама не поняла, как и почему это делает: она взяла маникюрные ножнички, поднесла их к волосам, отрезала тонкую прядь и растерла ее между пальцами. Но раньше, чем все волоски высыпались в раковину, ее руку накрыл своей Айкен.

– Что ты делаешь?

Она вздрогнула от неожиданности.

– Не знаю, задумалась.

Он улыбнулся – одновременно напряженно и недоверчиво, но все же ободряюще, вынул из ее пальцев и прядь, и ножницы и вышел из ванной. Зоя снова посмотрела на себя в зеркало, пригладила встопорщившиеся на месте отреза волосы.

«Ты слишком много думаешь.»

Эдмунд вскоре вполне поправился, так что на его лице

вновь заиграли прежние краски. Как только выздоровление стало очевидным, Марта заговорила о том, что неплохо было бы устроить прием, посвященный приятному событию. Когда она объявила об этом, в гостиной повисла неловкая тишина. Мистер Тауэр все еще продолжал болеть, напомнил Ретт, но Марта только махнула на него рукой:

– Ну так подите и спросите у него!

Кинг опустил голову. Он считал недопустимым проведение приемов или балов в доме, где лежит больной, но одновременно с тем не сомневался, что мягкосердечный и сентиментальный мистер Тауэр, жестокий лишь по отношению к нему, Ретту, горячо поддержит инициативу Марты. И молодой человек замолчал. Он всматривался в лица Уолтерса и Марты: порочные и развращенные, затем переводил взгляд на Эдмунда и Вивиану. Их невинные лица были совершенно иными, но тень, отголосок творившегося между гостями греха уже легла на лбы доктора и молодой девушки некоторым сомнением. Ретт опасался, как бы не оказалась дурной кровью Куперов. И как бы Вивиана не восприняла дурной пример.

Глава четвертая

Было страшно от силы твоих тонких рук
Когда ты развела кошмар бытия
В стороны, как половинки кулис
И встала на моей сцене, стройна и горда.
Василий К. – «Монотеизм»

После ранения Зоя продолжала тренироваться, но так самозабвенно и усердно, как прежде, отдавать себя делу уже не могла. Бок ныл, перед глазами очень быстро появлялись черные точки. Зоя стыдилась своего состояния, предпочитала тренироваться в одиночестве и в своей комнате, но это не всегда ей удавалось: Айкен нередко предлагал ей позаниматься вместе или просто посмотреть на нее в эти моменты. Ему нравилось наблюдать, как перетекают под кожей гладкие мышцы, как скользят по коже капельки пота. После этого Зоя всегда была тихой и податливой, ее можно было обнимать без страха, что она отстранится или вырвется – несмотря на то, что девушка любила его всем сердцем, она продолжала смущаться от слишком явных проявлений нежности и кипятиться, если какое-то движение Айкена казалось ей посягающим на ее свободу.

В тот день Зоя отжималась, надеясь, что присутствующий

в гостинной Айкен не смотрит на нее. Но он только прикрылся журналом – на самом же деле, молодой человек не сводил глаз с возлюбленной. И к счастью!

Внезапно Зоя почувствовала, как перед глазами у нее все поплыло и упала сначала на локти, затем просто ничком, уткнувшись лбом в пол. Айкен мгновенно отбросил журнал, подскочил к ней и бережно приподнял.

– Голова закружилась?

– Да... – слабо произнесла Зоя. Она была изумлена – вот уж чего она никак не ожидала, так это того, что не сможет отжаться больше двадцати раз.

– Тебе рано еще тренироваться, – Айкен опустил глаза и охнул, увидев, что меж пальцев его руки, придерживавшей Зою, заструилась кровь. – тебе вообще будет лучше прилечь.

Он бережно приподнял ее, положил на диван и задрал блузку, чтобы рассмотреть рану.

– Вытри, пожалуйста, – Зоя бледной рукой указала на салфетки, стоящие у телевизора. Айкен кивнул.

«Должна ли я проклинать свою способность любить? И любовь ли это наконец? – Зоя вздрогнула, вспомнив, как она под именем Вивианы Тауэр самозабвенно любила своего Эдмунда. – А что же было с Габриэлем? Непреходящее желание угодить, выслужиться, получить его одобрение... А с Карлом?...»

Она снова содрогнулась всем телом и потерла плечи, делая вид, что просто замерзла, потеряв немного крови.

«Можешь ты вспомнить, любила ли Карла – и сильнее ли? И сдашься ли ты теперь? Или продолжишь его искать?»

Девушка повернула голову к окну. Повернувшийся с салфетками в руках Айкен увидел, что у Зои едва заметно подрагивают пальцы.

Он присел рядом, осторожно коснулся раны. И Зоя вздохнула, но не успокоенно, не сдерживая боль – возбужденно. Она каждую минуту была «в настроении». Отчасти, думала она, это потому, что они с Айкеном так долго ждали, когда же наконец будут вместе. Отчасти потому, что примотанный к ней ремнями кусок болел, не переставая. А боль напоминала о насилии. Ничто так не возбуждало, как память о крови и жестокости, пусть и коснувшейся ее самой. Пусть даже виной был Габриэль. Зоя старалась об этом не думать, иначе это приводило ее к мыслям о том, нравилось ли ей на самом деле в Неблагом Дворе. И не слишком ли она порочна для экс-детектива Купера, оступившегося, но доброго в душе. Зоя вспомнила их первую встречу с Айкеном, и сразу за тем – их разговор в прихожей, когда он выдохнул ей прямо в лицо: «Когда у тебя последний раз был секс?»

Она не могла сообразить, фантазирует об этом сейчас, или и впрямь в тот момент желала его, хоть и скрывала это? Действительно ли она думала о том, что хочет броситься к нему – на него? Схватить за воротник, прижаться губами к губам?..

– Знаешь, о чем я сейчас подумала? Я никогда не делаю первый шаг, – Зоя пожала плечами, задумавшись вдруг, от-

чего. И так ли неизбежно это «никогда» или еще полтора века назад она была не прочь затянуть в свои сети молодого доктора.

– Никогда не замечал в тебе стеснительности или стремления четко следовать так называемым женским правилам. А с другой стороны, ты мне не позвонила...

Зоя шутливо хлопнула возлюбленного по плечу. Он улыбнулся, не поднимая головы и не убирая руки от трещины на ее боку.

– Не в этом дело. А в том, что я считаю себя большим злом, и не хочу никого затягивать в свои сети. Только если человек сознательно идет в разверстые ворота ада...

– Ты показала мне, что сказочный мир существует. И сама будто пришла из сказки, – Айкен наклонился и поцеловал Зою в уголок губ. – спасибо тебе за это. Надеюсь, у нас все закончится так, как это всегда и происходит в сказках – счастливо.

Девушка улыбнулась.

– Иногда, когда я нахожусь рядом с тобой, мне хочется плакать.

– Почему? – озадаченно спросил Айкен. Зоя не ответила, опустила взгляд, покачала головой.

«Потому, что это не навсегда».

– Пусть даже мы живем в плохое время.

– Нет. Нет плохого времени, а люди – не знаю, может быть, до шестнадцатого века они были вполне милы, но за все то

время, что я их видела, они ничуть не стали лучше. Что изменилось за века? Ничего. Придумали автобусы, микроволновку, да в воздухе стало меньше пахнуть нечистотами, больше – выхлопными газами.

Айкен засмеялся и зарылся носом в волосы Зои, благоухающие корицей и яблоком, с тонким оттенком табачного дыма.

– Ты говоришь очень печальные вещи.

Девушка мягко отстранила возлюбленного.

– Ты просто... ох, как Питер Пен. К двадцати семи годам можно было повзрослеть. Помоги мне сесть, – как можно мягче попросила Зоя. Айкен приобнял ее за плечо, помогая удобнее расположиться на диване. Сам молодой человек сел рядом, устроил голову у нее на коленях, Зоя обняла его сверху обеими руками, а Айкен положил свои ладони поверх ее. Удивительно, подумала девушка, как при том, что его руки полностью закрыли ее, до самых запястий, этот жест выглядел таким трогательным.

– Прости, но я в последнее время в напряжении. Не знаю, закончится ли это когда-нибудь.

– Меня пугает одно только это слово – «закончится».

Зоя смотрела на полудетское лицо Айкена, смешно нахмуренные брови, отметила сосредоточенно закушенную губу... С кем она связалась, очертя голову? Влечение ли ее вело, память, идущая сквозь века, или настоящая любовь? Айкен не был идеалом в представлении большинства деву-

шек. Даже, скорее, напротив, изрядную их часть он бы испугал: своими пристрастиями, своей жаждой быть до смерти привязанным к чему-то, желательно, смертельно опасному – наркотикам или женщине, подобной Зое, – своими внезапными вспышками гнева и ревности. . . Эти мысли крутились в голове Зои, но она даже не моргала, несмотря на то, что ее сердце сжималось от страха, словно живое. Они с Айкеном взаимно повязали себя крепчайшими узами, вплелись друг в друга, как инь-ян, и разорвать эту связь уже не представлялось возможным.

Во всяком случае, до конца их жизней. Впрочем, могло бы случиться и так, что их единство продлилось бы и дольше.

– Ты уже больше не думаешь о своем долге перед Карлом.

– Думаю. Но теперь уже ничего не попишешь. Думаю, он не хранил мне верность. В какой-то мере я на это даже надеюсь – это бы извиняло меня. Немного.

Молодой человек насмешливо фыркнул.

– Когда ты последний раз поступала так, как действительно хочешь?

Зоя задумалась. Улыбка ее угасла, рот озадаченно округлился.

– В прошлой жизни, Айкен. А ты?

– В прошлой, позапрошлой, этой – всегда. И тебя я тоже этому научу.

Он потянулся, чтобы ее поцеловать. Пока Зоя наклонялась в ответ, Айкен успел ощутить резкий запах крови,

успевшей впитаться в блузку девушки. Иногда он ловил себя на мысли, что хочет снять с Зои ремни, чтобы снова посмотреть на срез ее тела, которое наощупь ничем не отличалось от человеческого, дышало дымом, поглощало пищу и совершало все, что положено живому организму, но внутри имело лишь ярко сияющий рубин. Иногда молодой человек не мог отделаться от мысли, что под его рукой или щекой на самом деле нет пульса, то, что он слышит, чувствует – только магическая иллюзия. Из чего же была сделана Зоя? Дэйв говорил, что это «какой-то полимер», она сама уверяла, что фарфор, а Хэвен в ответ на вопрос Айкена сравнил ее с Блодведд, сотворенной из цветов. Возможно, все они были неправы: девушка целиком состояла из магии, которой в какой-то мере могла управлять. Заживали же на ней раны и... чего смущаться, за неделю сходили засосы.

Но он даже не заикался на эту тему. Боялся, что если снимет ремни, то рубец разойдется, снова начнет хлестать кровь, а помочь уже будет некому. Клариссу они прогнали, обычному врачу не по силам что-то сделать, единственный человек, имевший хоть какое-то представление о природе Зои – Дэйв – давно мертв. И Айкен оставлял все, как есть, даже старался не задерживать взгляд на темнеющей полосе стыка, тянущейся от ремня до ремня. Она в любом случае показалась бы ему красивейшей из всех на свете, даже если бы вовсе не была привлекательна – она вела его. Она была его личной Марианной и Жанной д'Арк.

Вивиана все еще не танцевала. Она стояла у стены, чуть наклонив голову набок, и наблюдала за кружащими по паркету парами. Эдмунд видел ее с противоположной стороны зала. Он сам уже вальсировал за вечер несколько раз: с сестрой и какими-то другими девицами, ни лиц, ни имен которых он не различил, словно пребывая в тумане... или под воздействием неких чар. Будто болезнь еще не до конца оставила его тело. Но это было не так – причина рассеянности и слабости молодого человека крылась в ином.

– Жаль, что Вы не танцуете, – пробормотал Эдмунд, когда подошел к Вивиане. Он не смог бы объяснить, как это случилось – не сами ли ноги его принесли к ней, не советуясь с остальным телом и разумом?

– Что ж, ради Вас я готова сделать исключение.

Ладонь Вивианы только легко дернулась – и оказалась в руке Эдмунда.

– Странно ощущать себя рядом с Вами, леди, – улыбнулся молодой человек, когда они закружились в вальсе. – кажется, я столько раз воображал себе это, и тут...

– Это всего лишь танец, – оборвала его Вивиана, глядя куда-то мимо уха партнера. Затем медленно перевела взгляд на его лицо и, помолчав, спросила: – Вы все еще любите меня?

– Всем сердцем.

– Я рада, что Вы сказали, что не «больше всего на свете». Это было бы ложью. Может быть, неосознанной, но...

Эдмунд опустил голову и сбился с шага, разволновавшись, отчего смутился до крайней степени. Другая пара чуть было не столкнулась с ними.

– Пожалуй, не стоит продолжать, – хором сказали оба: и Вивиана, и молодой мистер Купер. И оба же расстроились оттого, что танец не удался. Сразу же после этого происшествия девушка куда-то пропала, Эдмунд только много после обнаружил ее в саду, в тени лип.

– Вам не холодно? – спросил молодой человек с крыльца, и Вивиана вздрогнула, но лишь от легкого испуга.

– Мне здесь нравится больше, чем внутри. Я не против приемов, правда, но вот уже второй раз недовольна... ничем. Я устала от этого поместья, от этого тягучего, скучного времени. Каждая мелочь, которая тут случается, возводится в ранг великого события. Только на пороге ночи я чувствую что-то настоящее вокруг себя.

– Мне казалось, Вы не любите сумерки, – сказал Эдмунд. Вместо ответа Вивиана закрыла глаза и глубоко вдохнула холодеющий воздух. Только когда молодой человек спустился с крыльца, приблизился и коснулся ее плеча, она повернула голову и произнесла:

– Да, верно, не люблю. Но я будто обязана стоять тут, слушая, как внутри меня все тянет и гудит, как мне больно, не оттого, что этому есть какая-то причина, а потому, что она могла бы быть...

Эдмунд вздохнул, хотел было рассмеяться, сказать, что

все это тоска, что надо ехать в Лондон, но разумно промолчал. Впрочем, Вивиана, казалось, и без того знала, как он отнесся к ее словам.

– Вы ведь не понимаете, о чем я. Должно быть, что-то подобное, как я сейчас, испытывают верующие в церкви, только в несколько раз сильнее. Как будто есть что-то прямо у тебя над головой, и рядом тоже, и ты можешь раскинуть руки и упасть в него, а оно тебя примет, но ты стоишь и не двигаешься с места, потому что тебе не дают этого сделать твои земные желания.

– Грешные, – подсказал Эдмунд.

– Да, – Вивиана вновь ненадолго закрыла глаза. – как, наверное, хорошо осознавать, что ты сотворен по образу и подобию Божию.

– Не уверен.

Эдмунд приглушенно и нервно рассмеялся, а Вивиана повернулась к нему лицом, теперь она улыбалась, нежно и насмешливо коснулась его носа и сказала:

– Просто Вы врач.

Вдалеке заухала сова, будто дав понять молодым людям, что они не одни даже там, где людские взоры не могут их достичь.

– Какое же здесь все-таки дикое место.

Молодой хозяин не понял, что хотела сказать девушка и неловко пробормотал:

– Я хотел привезти Вам мопса из Лондона...

– Молчите, пожалуйста, – Вивиана, поддавшись непонятному ей самой порыву, схватила голову Эдмунда руками и поцеловала его горячо, но кратко, затем отшатнулась, раскаиваясь, и потонула во тьме под деревом. Ошеломленный доктор Купер ощупал лицо, не веря, что оно принадлежит ему, обласканное так пламенно и долгожданно.

– Ничего больше я не могу Вам дать, – произнесла Вивиана. Голос ее рассеивался, словно несся со всех сторон сразу.

– Я не мечтал и о такой малости.

– Но ведь это Вы принесли в мою комнату сушеную ветку жимолости?

– Я только хотел сделать Вам приятное.

– За что Вы меня любите?

Эдмунд помолчал, облизывая губы.

– Я мог бы сказать, что за то, что Вы добрая, умная, заботливая, и в то же время свободная и дикая. За то, что губки у Вас выдаются вперед, словно Вы постоянно чем-то немного недовольны... Но этим я бы только оправдал свои *desideria carnis*¹. Не скрою, – Эдмунд залился краской. – Вы достаточно начитаны, чтобы понять, что в моих чувствах к Вам есть... и толика низменного. Впрочем, нет... довольно большая часть.

Вивиана вновь выступила на свет. Лунные лучи осветили ее до пояса, оставив в рамке тьмы, словно портрет. Руки ее, сложенные у груди, белели – сильные и спокойные, как у ка-

¹ Лат. «плотские желания».

риатид перед входом в Ламтонское поместье.

– Это как во сне. Тебе кажется, что это – самое важное, что у тебя есть в жизни, а потом – бум! Ты просыпаешься и даже вспомнить не можешь, о чем думала минуту назад.

Эдмунд опешил, почти отшатнулся, изумленный. Он подозревал в Вивиане необузданную животную свободу – и вдруг наткнулся на, как ему показалось, столь крепкую стену нравственности, что почти почувствовал боль от ушиба.

– Простите, мисс, я не хотел Вас обидеть, – смутился молодой человек.

Девушка негромко рассмеялась.

– Я не обижена.

– Что ж... Вы спрашивали, почему я люблю Вас и, должно быть, ждете, что я отвечу, отчего так уверен в крепости своих чувств. Просто... это судьба. Нет никакой причины и никакого объяснения. *Sic fata voluerunt*².

Вивиана опустила голову, раздумывая. Слова молодого человека тронули некие струны ее души, которые не позволяли девушке молчать и далее.

– Я лишена ложного стыда. И если Вы хотите слышать, то я повторю – да, я люблю Вас, несмотря ни на что. Но говорю это только оттого, что мое признание сделало бы Вас чуть более счастливым, нежели отказ или молчание. Вы понимаете, что я не могу стать Вашей по закону, но, быть может, и столь крохотный глоток правды...

² Так было угодно судьбе (лат.).

– Счастья, – он схватил ее за руки. – счастья, мисс Тауэр.

Я ждал этих слов от Вас.

И вдруг все показалось ему наигранным, фальшивым. Руки девушки были холодными и вялыми.

– Мы должны будем и после этих слов жить так, как и до них, – сказала она.

– Да, Вы правы, – Эдмунд потупился и отступил на шаг. Пальцы Вивианы выскользнули из его захвата.

Но на ничтожно малую толику Эдмунд и впрямь стал счастливее, чем несколько минут назад.

Глава пятая

Что? Где добро, а где зло? Да откуда мне...

Знаю лишь то, что вижу сейчас

Во Вселенной нет, не будет и не было

Ничего прекраснее твоих глаз

Василий К. – «То, что здесь»

Айкен и Зоя сидели в своей комнате на кровати. Зоя читала книгу, положив ее на скрещенные «калачиком» ноги, Айкен ковырял все еще неисправный пейджер.

– Наверное, скоро он вовсе мне не понадобится, – вздохнул молодой человек. – имеет смысл все-таки приобрести мобильный телефон...

– Зачем? Связываться с кем-то из нас? Мы все равно постоянно вместе – вчетвером. – Зоя улыбнулась, не подняв головы. Только ее зрачки на мгновение метнулись к возлюбленному.

"Я каждый день открываю в нем что-нибудь новое. Как мягко движутся его губы, когда он говорит или сосредоточенно хмурится!"

Они украдкой взглянули друг на друга искоса и одновременно улыбнулись.

Из окна, от соседей, доносилась музыка. Некоторое время

молодые люди молча слушали песню, затем посмотрели друг на друга и улыбнулись. Поддавшись порыву, Айкен встал с кровати, подал девушке руку, помогая также подняться и одновременно продолжая – привлек к себе, приобнял, закружил. Они двигались с полным чувством, но, в то же время, настороженно, точно так же, как поступали в отношениях: опасаясь и вести, и полностью верить себя другому... Но в танце между ними не осталось недопониманий, а недоверие ушло еще раньше, как только Айкен приехал за своей возлюбленной в Оттаву. И, ровно как в их отношениях, молодые люди держались за руки, не давая друг другу упасть.

– Ты танцуешь так, словно у тебя не будет шанса сделать это еще раз. И еще.

Айкен набросил на Зою захват из их сцепленных рук, прижал ее к себе и шепнул в самое ухо.

– Просто это правда – я готов к катастрофе каждый миг. Девушка засмеялась, не вслушиваясь, заколдованная музыкой и движениями, попутно несколько недоумевая, где это экс-полицейский научился довольно неплохо танцевать...

И тут раздался громкий звук: словно что-то довольно тяжелое с силой ударило о стену или упало на пол. Та самая катастрофа, вопреки заверениям, застала их врасплох. Зоя и Айкен замерли на секунду, вслушиваясь, но никакого иного звука больше не последовало. И молодые люди бросились к двери со всех ног. Ненапрасно: в гостиной на полу в неестественной позе лежала Симонетта. Айкен поднял голову де-

вочки и прижал пальцы к ее шее.

– Она жива. Просто в обмороке.

– Мы должны вызвать скорую, – пробормотала Зоя. Она была полностью обескуражена: девушка чутко ждала нападения от Габриэля, но никак не думала, что беда настигнет их без его вмешательства.

Впрочем, уже после, когда Симонетту взял на руки выскоквивший из ванной полуодетый мокрый Хэвен, Айкен начал истязать непокорный телефон, испорченный магической атмосферой квартиры, Зоя пришла к выводу, что все же без Габриэля не обошлось. Просто он оказался достаточно умен, чтобы нанести удар изнутри.

Пока Айкен спускался к подъезду с бесчувственной девочкой на руках, Зоя осталась с Хэвеном. Мужчина сидел на диване, смотрел в одну точку и, кажется, не понимал, что вода с его волос течет на обивку.

Зоя встала перед ним, нервно покусала накрученную на палец прядь, не зная, как начать, но понимая, что избежать этого разговора не удастся.

– Послушай. Это же Габриэль. Его рук дело. Но и мы виноваты. Увлечлись мирной жизнью, обрадовались, расслабились... Какое там, к черту! Ну, Айкен – ладно, но мы с тобой... Стал бы Габриэль таскать пленнице, которую все равно собирался убить, пищу из человеческого мира?

Хэвен покачал головой.

– Я думал, она вообще ничего не ела. Она была такая ху-

дая. Да и тут... я же видел, она только поклует, как птичка, запьет стаканом газировки и выходит из-за стола.

Зоя вздохнула, сдерживая слезы обиды. Конечно, случившееся с Симонеттой было неприятно, но Зоя верила в людскую медицину. Впрочем, это было суеверное, ирреальное знание, похожее на то, каким обладают мистически настроенные люди относительно всего магического. А вот то, что король Неблагого Двора снова разрушил ее счастливую жизнь, мучило Зою. И это знание, судя по всему, собиралось еще долго отравлять ей жизнь.

– Надо было сразу сообразить, что они не могли ее не кормить. Я плохо помню, как что устроено во Дворах, но Габриэль сам пытался заставить меня поесть, чтобы я стала его... Ох, какая же я дура, просто уму непостижимо!

– Нет, это я виноват. В отличие от тебя, я должен был сообразить, что к чему. Мне-то никто память не стирал.

Хэвен схватился руками за лицо, провел по нему пальцами: ровно там, где некогда были шрамы. Они с Зоей одновременно вспомнили, что Хэвен был изгнан дважды – один раз даже не через казнь, а будучи просто убитым Габриэлем. Хэвен растер щеки, словно пытался заставить исчезнуть призрачное ощущение рубцов под ладонями.

– У меня появился второй повод мстить королю Неблагих, – пробормотал он. Зоя устало кивнула, обессиленно облокотилась на спинку кресла и опустила голову. Когда она вновь заговорила, ее голос звучал предельно устало:

– Симонетта не могла не есть того, что ей приносили. И я не думаю, что кто-то порывался доставать специально для нее еду с Земли. Скорее, даже наоборот. Габриэль мог привязать ее к себе, к Двору, чтобы в случае, если мы ее освободим, она привела нас обратно к нему. Или чтобы тоска изъела ее изнутри, как, видно, сейчас и происходит.

– Ты думаешь, Габриэль настолько умен, чтобы продумать столь долгий план? – раздался за спиной Зои насмешливый голос Айкена. Девушка не вздрогнула, она слышала его шаги. – я уверен, у Симонетты просто что-то подростковое. Или начиталась модных журналов и начала худеть, бывает.

– Не надо недооценивать короля, – пробормотала она, не оборачиваясь. – любого врага не стоит недооценивать.

– Так что же, значит, и нас тоже? – Айкен обошел Зою и сел на диван рядом с Хэвенем. Девушка кивнула, и молодой человек слабо улыбнулся.

Так уж вышло, что в один из славных осенних дней, когда в воздухе уже веяло преддверием веселой зимы, Эдмунд и Вивиана вновь остались в гостиной одни. Совершенно случайно: Ретт отправился на ночное бдение над постелью отца (как только правда о их смущающем родстве открылась, никто не смел удерживать его), леди Марта и Уолтерс также удалились... И это вызывало определенные подозрения.

– Им весело вместе, не так ли? – задумчиво произнесла Вивиана, провожая неверную жену и невоздержанного пове-

су взглядом. – но, по крайней мере, Рэндалл перестал пить. И чахнуть.

Эдмунд смущенно засопел, не поднимая взгляда от книги. И куда только подевалась строгая невинность Вивианы?

– Вы не одобряете их поведения, я вижу, но ничего не говорите. А между тем, Марта – Ваша сестра. Лондон перевернул Ваше мировоззрение, не так ли?

– Вы тоже изменились.

– Да, за время Вашего отсутствия. Жаль, что Вы не знали о том.

Эдмунд напрягся.

– Роман, что я привез, оказался скучен?

– Не хочу показаться неблагодарной, но эта ханжеская книга утомила меня не хуже беспрестанно исподволь поучающего Дидро... Послушайте, Вы читали "Опасные связи"?

Эдмунд закашлялся.

– Наверняка читали, ведь я взяла эту книгу из Вашей библиотеки. Личной, той, что в кабинете. Ретт охотно одолжил ключ, уж простите его. Знаете, меня поразила эта книга. Больше, чем чопорные романы о рыцарях или... другие французские произведения, где распутство преподносилось с беспечной веселостью, – Вивиана бросила вышивание, руки ее расслабились, устроившись на коленях, словно две крохотные кошечки. – Де Лакло хватило смелости не осуждать и не превозносить, изображая одну лишь естественную закономерность подобного поведения. Знаете, литература,

безусловно, делает людей умнее.

Потрепанный томик невинных стихов выпал из руки молодого человека, едва не угодив в камин.

– Эта книга, – произнес дрожащим голосом Эдмунд. – должна была убить в Вас всякую нравственность.

Вивиана качнула головой, лицо ее не выражало ничего определенного, и в неровном свете угасающих поленьев Эдмунду показалось, что ее нарочито невинный взгляд на самом деле полыхает адским огнем.

– Если бы у меня была нравственность, – лениво обронила Вивиана. – если бы кто-то взрастил ее во мне... Если бы во мне было, чему пропадать... То оно, вероятно, пало бы жертвой чтения.

Она негромко рассмеялась, поднялась на ноги – и Эдмунд тоже вскочил.

– Вам не терпится услышать, что же я узнала? Что каждая женщина может иметь любовника, но, благодаря своей скромности, скрывать это, – речь Вивианы зазвучала громче и быстрее, словно слова торопились сбежать с языка, пока он не окажется заперт за смутившимися губами. – Вы столько отсутствовали, может быть, потому сможете понять меня лучше. Сидеть целыми днями в комнате, пропахшей жимолостью, мучительно ждать хотя бы крохотной записки, какой-нибудь весточки... И убеждаться, что Вас забыли, притом – ненапрасно, чувствовать вину, раскаянье, досаду. Упущенные возможности – что может быть горше? Да, я не могу

быть Вашей женой, Эдмунд...

Он замер, зажмурился, страхась тех слов, которыми мисс Тауэр должна была продолжить – и одновременно оцепенев от мысли, что она скажет нечто совершенно иное или не продолжит вовсе. Девушка замялась на мгновение, потупила глаза, тяжело дыша. Когда Эдмунд взял ее руки в свои, она вздрогнула всем телом, но не вырвала своих пальцев из его захвата. Зачарованные друг другом и сковавшей их надеждой, смешанной со страхом, они молчали, и, вероятно, могли бы провести подобным образом время до рассвета, но тут часы пробили трижды, и молодые люди вздрогнули от неожиданности. Оба они восприняли эти звуки как знак, однако поняли они его по-разному. Эдмунд отстранился, собираясь уйти, но Вивиана метнулась за ним, схватила за воротник и прижалась лицом к груди, не отпуская. Молодой человек застыл, даже дышать стал реже, не зная, чего ждать от девушки. Она закинула руки ему за шею, прижавшись еще больше, и в первое мгновение Эдмунду показалось, что из-за переживаний Вивиана затаила дыхание, даже сердце ее перестало биться. Впрочем, в следующую же секунду он почувствовал, что напротив, пульс у девушки взволнованно-част.

– Я тебя не отпущу, – сказала она. – останься. Я хочу быть обманутой.

Эдмунд взял девушку за плечи и не без труда оторвал ее от себя.

– Не верю своим ушам, – сказал он. Вивиана ждала, что в

его голосе будет слышно облегчение, радость, но он, однако же, был сух, как земля в жаркое лето.

Эдмунд был в ужасе. Он помнил, что оставлял Вивиану в Ламтон-холле непорочной и наивной, как дитя или прелестное лесное животное, но теперь же дурные книги – а возможно, и речи Уолтерса – развеяли все те милые заблуждения, наполнявшие ее душу, и, прихватив с собой крупницы этикета и морали, уступили место черной развращенности...

Или же нет?

Эдмунд чувствовал, что голова у него идет кругом, как от опия, а душа наполняется трепетом – безусловно, любовным, а не вызываемым наркотиком, но по силе превосходящим все чувства естественной природы, что он ощущал когда-либо прежде. Бледное лицо Вивианы, казалось, светилось в темноте, из глубины зрачков блестела луна.

– Не отказывайтесь от того, чего добивались, – сказала девушка. Ее рука сжала запястье Эдмунда и, управляя им, заставила его пальцы устремиться в лиф ее платья. Молодой человек напрягся, почувствовал, как кровь прилила к голове, заревела водопадом, но не отдернул руки. Он вспомнил, как до своей поездки в Лондон мечтал увлечь мисс Тауэр в лес и сделать своей нимфой-женой, не открывая этой связи миру, досадовал на ее холодные речи...

Вивиана вздохнула, догадываясь, в какую взаимную кабалу попали они оба в этот момент. Если еще существовал путь назад, в этот миг он стал навеки недостижим для них. Рай

небесный они променяли на земной – этим движением его и покорным дозволением ее.

Эдмунд и Вивиана укрылись в комнате последней, чтобы продолжить свой беспрецедентный разговор, одновременно в душе будучи уверенными, что итог у подобного обмена мыслями может быть только один.

Мистер Купер метался между восторгом и отчаянием, запутавшись в своих желаниях – пусть он думал о том, чтобы соблазнить миловидную рыжеволосую дикарку, но никогда не рассматривал свои мечты всерьез, и теперь, когда добыча буквально была у него в руках, Эдмунд медлил, раздумывая, насколько опасен тот шаг, на который они с Вивианой собрались решиться.

– Я хочу быть с Вами. Миссис Купер или не миссис Купер... Я готова скрываться всю жизнь или занимать положение содержанки, если у нас нет другого пути, – в волнении шептала девушка, прижавшись к Эдмунду и вытянувшись в струнку, чтобы ее слова попадали ему прямо в пылающее от смутнения ухо. – *In fraudem legis et honestatis*³, если Вы допустите...

– К чему такие жертвы...

– Вы были расстроены, что я отказала Вам... и, признаться, я тоже. Очень расстроена.

Руки молодого человека дрогнули на талии Вивианы.

³ В обход закона и вопреки совести (лат.)

– Одумайтесь!

– Я не могу, ведь Вы удерживаете меня, – Эдмунд не дал девушке изобразить покорность обстоятельствам. Он отступил на шаг, пусть и не отпуская ее, но устанавливая некоторую дистанцию между ними. Он ждал, что мисс Тауэр действительно придет в себя, оттолкнет его и, прижав руки к пылающим щекам, выгонит вон, но она не двигалась с места, только алые губы подрагивали в нерешительной улыбке. Эдмунд боялся, что его мечта исполнится – он подозревал, что за столь откровенное счастье его постигнет жестокая расплата. Но и держать оборону дольше был не в силах.

– Я вижу только один путь, – молодой человек не мог оторвать взгляда от лифа Вивианы, ладонью еще ощущая тепло и мягкость того, чего недавно касался. – мы просто сделаем вид сейчас, будто мы могли бы быть уже женаты.

– Вы прелестны в своем смущении и нерешительности. В старину, в праздники солнцестояния и равноденствия любой мужчина мог увлечь девушку старше четырнадцати лет в лес, – едва слышно прошептала Вивиана. – я вспоминаю Ваши пламенные речи в беседке и не могу поверить, что передо мной тот же самый человек!

У обоих закололо руки от волнения.

– Мне хочется плакать от знания, что я сейчас растопчу эту красоту, – произнес Эдмунд глухим голосом, но Вивиана очевидно не разделяла его упаднических настроений в подобный момент. Она, покачив головой, строго приказала:

– Берите же то, что Вам предлагают, черт возьми!

Молодой человек смущенно засмеялся и поцеловал Вивиану, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног.

А потом все закрутилось в сумасшедшем вихре чувств и прикосновений. Тяжелые рыжие пряди водопадом рухнули вниз, разбрызгивая шпильки, пальцы Эдмунда пробежались по застежкам одежды девушки, легли ей на плечи и со шнуровкой освободили леди от платья. Затем настал черед кружевного лифа... Эдмунд сперва находил в процессе раздевания возлюбленной некую игривую прелесть, но стоило девушке избавиться от корсета, как он позабыл от деликатности, обнял Вивиану так крепко, словно она была зачарованна сидами Дикой Охоты: едва отпустишь – потеряешь.

– Во время одной из наших прогулок, Вы рискнули обмолвиться, что хотели бы себе в мужа человека бесчестного...

– Да, – выдохнула Вивиана. – и Вы уверенно движетесь к этому определению. Только посмотрите – я ни разу не заметила, чтобы Вы ходили в церковь, теперь же собираетесь...

Но тут губы молодого человека прижались к теплой коже под ухом девушки, и Вивиана забыла, что хотела сказать.

Она так и осталась в нижней сорочке, как приличествует, словно они и впрямь уже были женаты, однако Эдмунд ни на секунду не забывал о том, что мог бы увидеть под легкой белой тканью: порой молодой человек зажмуривался, чтобы воскресить в памяти моменты, когда он подглядывал за Вивианой в дверную щель.

Девушка обвинила возлюбленного за шею, удивляясь, насколько вновь ей испытываемые ощущения и эмоции. Словно из мира обыденного ее тайной тропой провели в мир волшебный. То, что Эдмунд делал с ней, казалось каким-то фокусом. Оставаясь все еще в определенном неведении относительно того, чему надлежит происходить между супругами, мисс Тауэр невольно вообразила себя ступающей на землю, никем не изведанную. Но вскоре она ощутила себя – напротив – самую этой *terra incognita*, впускающей в себя первопроходца, нежного завоевателя, намеренного основательно исследовать представшие его взору холмы и равнины.

Молодые люди сплелись в тесном объятьи – и прижались друг к другу еще теснее, когда за окном прокричал ворон. Они разом замерли – напряженный Эдмунд и расслабленная Вивиана. Девушка улыбалась, чувствуя, что будто стала еще более живой, чем прежде – сердце колотилось, как сумасшедшее, по виску, щечка, сбегала капля пота, а легкие будто начали вмещать в себя вдвое больше воздуха, чем раньше.

– Приличные девушки так не поступают, – расслаблено улыбнулась Вивиана. – но я ламия, если верить слугам, так что вправе рассчитывать на извинение своего поведения.

Голова ее безвольно лежала на плече Эдмунда.

– Уже глубокая ночь, – сказал он, и девушка села, отчего перед глазами заплясали разноцветные всполохи. Вивиана положила руку себе на лоб и снова рухнула на подушки.

– Я и не заметила.

– Я, до этой минуты – тоже.

– Надо принести еще одну свечу.

Молодой человек кивнул. Он отстранился, готовый смущенно привести себя в порядок и спешно распрощаться с Вивианой до следующего утра – Эдмунд чувствовал, что должен подумать, крепко подумать...

Девушка тоже почувствовала, что ей нужно время и пространство для того, чтобы хотя бы осознать случившееся. Она встала, оправила сорочку и взяла с тумбочки гребень. Вивана успела провести по волосам не более трех раз, прежде чем ее окликнул Эдмунд. Обернувшись, она увидела, на что смотрит молодой человек – на темнеющее посреди белоснежной простыни пятнышко, размером не превышающее ногтя на мизинце, но очень красноречивое.

– Вы... Вы... У Вас...

– Что?.. Это исключено, – шепотом ответила девушка, сама пораженная не менее его. В первую секунду Вивиана отвела взгляд, стараясь об этом не думать, но, обуянная смешанными чувствами, все же взглянула на свою испачканную простынь. Ей вспомнилась капля крови, выступившая на ее пальце после укола иглой.

– Мы грешники, – сказал Эдмунд, поднялся с кровати и обнял Вивиану.

С течением времени Симонетта, хоть и находилась под

тщательным присмотром, только побледнела и исхудала, она практически всегда дышала через рот, тяжело, со свистом, даже во сне. Иногда ей становилось лучше, пару раз врач даже прогнозировал скорое выздоровление, но бедняжка никак не поправлялась: в ночь перед выпиской случился рецидив, сопровождавшийся каждый раз еще более жестокими симптомами, чем предыдущий, и Симонетта оставалась в больнице. Айкен, Зоя и Хэвен по очереди навещали бедняжку. Иногда кто-то один из них троих оставался в квартире, другие же двое шли в больницу. Часто приносили девочке книжки и журналы, фрукты и конфеты, но она так и не начала есть... Ее питали через специальную трубку. Интересы к книгам и журналам она с течением времени проявляла все меньше и меньше, к октябрю перестав интересоваться ими вовсе. Хэвен, казалось, худел и бледнел вместе с девочкой. Зоя и Айкен тоже переживали, но меньше – они не оставались в одиночестве, к тому же, в отличие от Хэвена, уже привыкли терять.

– Мы должны понимать, что Симонетте не выжить. Сияющая страна так просто не отпускает тех, кто попал в ее сети, – сказала Зоя будничным тоном, хоть это и далось ей нелегко. Она, Хэвен и Айкен сидели на кухне, девушка разливала чай по кружкам и ее руки даже не дрогнули, когда она заговорила. – мы не должны забывать и о себе самих. Когда она умрет, Габриэль узнает об этом. И тогда придет к нам. А ее тело, которое мы заберем для погребения, выпустит

его, несмотря даже на руны.

Хэвен впился руками в стол так, что дерево заскрипело.

– Я не знаю, что мы можем сделать в этой ситуации. Что делать дальше, я имею в виду.

Хэвен встал. На столешнице остались следы от его пальцев и ногтей.

– Я знаю. Мы можем – и должны – ждать Йоля.

Айкен переводил взгляд с девушки на мужчину.

– Праздник, во время которого вся магия станет доступна для каждого, кто только умеет ею пользоваться. Габриэль не упустит эту возможность... Если не предположит, что мы тоже черпнем немного волшебства, – Хэвен попробовал многообещающе ухмыльнуться, но вместо того скривился, как от ревматизма.

– Почему не Самайна? И если так рассуждать, почему ничего не случилось в Мабон?

Зоя умолчала кое о чем: для них с Айкеном Мабон стал действительно настоящим праздником.

В ответ на слова ученицы Хэвен затряс головой. Было в этом движении что-то нервное, почти старческое, и от осознания всей "человечности", "людскости" поведения учителя Зое стало на секунду горько. Он с таким отвращением говорил о земной природе – и, только взгляните, насколько очеловечился сам.

– Клариссы с нами больше нет, так что можно не опасаться, что кто-нибудь расскажет ему, что мы планируем. Поэтому-

му мы будем ждать не Йоля и не Самайна, тем паче, что последний уже на носу. Мы будем ждать только пока Симонетта... – Зоя закусила губу. "Вы понимаете" как бы говорили ее нахмуренные брови, зрачки, направленные на стену.

– Боюсь, в таком случае, леди Кларисса была бы нам только на пользу со своими советами, талисманами и доступом в Сияющую страну. Без нее мы слепы и слабы, – пробормотал Хэвен. Он поднял на Зою взгляд, и Айкен, наблюдавший со стороны за кратким немым поединком между учителем и ученицей, подумал, что точно не будет вмешиваться – ни сейчас, ни когда-либо еще. – в их дела. Потому что оказаться под перекрестным огнем этих запутанных сильных чувств было подобно прыжку между несущимися друг на друга локомотивами. Раздавят, расшибут в лепешку – и не заметят...

– А я думаю иначе, – прошипела Зоя. Айкен не знал и даже предположить не мог, почему сидская стерва вызывает у его девушки такую незамутненную, ослепляющую ненависть. Он сам был порой зол на Клариссу, но помнил и все добро, что та сделала для них. – мы ждем до смерти Симонетты, потом уезжаем. Куда глаза глядят. В местность, где нет холмов.

Хэвен вздрогнул. Его резануло незавуалированными, прямыми словами, как острейшим ножом. Но он понимал, что сходящая с ума от тревоги и угрызений совести Зоя – не лучший собеседник. Нет смысла рассчитывать на ее милосердие. Но ее вспыльчивость потом могла немало пригодиться.

В бою. Который, Хэвен чувствовал нутром, уже не за горами. Как и смерть полюбившейся ему как дочь Симонетты.

После произошедшего между нею и Эдмундом, Вивиана каждое утро смотрелась в зеркало, ожидая, что как-то неуловимо изменилась, при том, внезапно – настолько, что все сразу поймут, что произошло. Но она выглядела ровно так же, как раньше.

Однако через неделю она услышала от мистера Кинга комплимент, что стала более женственной и живой.

Живой.

Все стали так говорить.

Вивиана начала читать книгу, подаренную Эдмундом. И она больше уже не казалась ей такой глупой, как раньше. Напротив, девушка с трепетом следила за героями, порой даже негромко шепча:

– Ну же, глупенькая, стой на своем, не иди замуж за того, кого не любишь. Никогда-никогда!

Она нередко читала в постели, когда утомленный Эдмунд спал рядом, а его рука покоилась на ее груди, животе или бедре, когда ее распущенные волосы обвивали его, словно лозы.

Эдмунд задавал себе вопрос – так же ли поступают те, кто их окружает? Пусть даже если смотреть лишь на тех, чья любовь легитимна. Так же ли они жаждут прикосновения друг друга, сходят с ума, используют каждый темный угол и каж-

дую свободную минуту?.. Или они с Вивианой единственные в своем роде распутники, словно звери, позабывшие уже всякий стыд?..

А Марта и Рэндалл?.. Те тоже все свободное время проводили в обществе друг друга и не всегда – в гостиной. Эдмунд с Вивианой не обращали внимания на их проступки, не смея осуждать того, кого они не превосходили в нравственности. Не оставался в одиночестве и мистер Кинг, продолжавший бдеть у постели отца. И его внимательный уход (срежиссированный советами мистера Купера) внезапно возымел действие.

– Мистеру Тауэру тоже заметно лучше, – улыбнулся Ретт, стоя посреди полной гостиной и осматривая всех домочадцев, не считая своего (и, в некоторой мере, Вивианиного) недужного родителя, – думаю, мы можем это отпраздновать. Я пригласил его присоединиться к нам за ужином, но он сказал, что предпочтет выйти только поздним вечером, когда мы соберемся у камина. Он хотел бы, чтобы Вы, Вивиана, что-нибудь почитали.

– Я? – девушка растерянно улыбнулась. – но что?

– Он просил передать, что предпочел бы, чтобы Вы прочли ему что-нибудь из Писания.

Произнеся это, Ретт ухмыльнулся.

– Он верно, и над нами издевается, и над собой, – пробормотал молодой человек себе под нос, так, что его никто не услышал. Он имел лишь примерное представление о том,

что происходит в поместье, но охотно делился своими догадками с отцом при всяком удобном случае.

Мистер Тауэр давно не был в кругу своих молодых друзей. Этот вечер должен был стать первым за долгое время. Но не стал: когда Тауэр вошел в гостиную, он не смог сделать и шага к камину. Отсветы пламени озаряли не его добрых друзей, а демонов. Птицеголового инкуба, змееголового беса, щелкающего зубами гоблина с лицом ящерицы... Тауэр задохнулся от ужаса, царапнул ворот, тщетно ища застежку, и упал на пол, задыхаясь. Дьяволы бросились к нему, но мужчина нашел в себе силы сотворить крестное знамение.

– Прочь, прочь, нечисть! – кое-как смог выдать он.

– Ему плохо, – послышался голос Ретта Кинга. – дайте место! Вивиана, откройте окно! Расступитесь!

И над Тауэром склонилась самая отвратительная бесовская рожа из всех, что Тауэр мог себе вообразить.

– Как Вы? – спросил демон голосом Кинга, щелкая зубами. Тауэр приподнялся на локтях и попробовал собраться с силами, чтобы произнести молитву или хотя бы плюнуть в отвратительную харю, но на следующем же вдохе потерял сознание.

Глава шестая

Ничто не помогало: кто чувствует грозу, тому не надо видеть молнии, не надо слышать грома, чтобы страдать от нее.

Александр Амфитеатров, «Зоя»

Ретт Кинг поднял голову, когда в гостиную ворвался Эдмунд, что-то с энтузиазмом намурлыкивая, словно тот гул, производимый им сквозь сжатые зубы, обязательно должен свести окружающих с ума. И Ретт, потеряв висок, решил, что мистер Купер близок к успеху.

– Эдмунд, Ваш энтузиазм паразителен. В чем причина? – поинтересовался он, сложив газету.

Молодой хозяин перестал оглядываться и улыбнулся.

– Я просто ищу... одну книгу. Мисс Тауэр забыла ее сегодня утром. Она ждет меня в библиотеке, – Эдмунд взял со стола крохотный томик и показал его собеседнику, как бы говоря «видишь?». – а теперь прошу меня извинить...

– Постойте, – Ретт указал рукой на пустующее кресло подле себя. – задержитесь на мгновение, уделите мне минутку.

Эдмунд пожал плечами и сел, закинув ногу на ногу. В нетерпении он похлопывал себя книжкой по колену.

– Вы и мисс Тауэр. В последнее время вы общаетесь друг с

другом чаще, чем кто-либо в Ламтон-холле. Это становится неприлично.

Эдмунд дрогнул губами, глазами – всем лицом словно разом моргнул и вернул на него беспечное выражение.

– Что ж, я знал, что это долго не останется незамеченным.

– Вот именно, – Ретт поднял палец. – и если пока в курсе только наш тесный круг, безмолвный, это я обещаю, то вскоре к нам прибудет компаньонка миссис Купер, леди Кларисса... э-э-э, я забыл ее фамилию.

– Не важно.

– Действительно. В любом случае, я хотел сказать, что ваше общение, Эдмунд, нужно прекратить.

– Что? – молодой доктор засмеялся. Звук был такой, какой слышен у насмерть перепуганного ребенка, взлетевшего на качелях выше собственной головы, – как бы Вы и леди Кларисса не смотрели на это, но я не могу ограничить общение с собственной невестой.

– Эдмунд, Вы вовсе потеряли разум! А что, если она не вдова?

– О, разумеется, она не вдова! Я знаю это точно.

– Тогда Вы вдвойне умалишенный. Как можно жениться на женщине, уже кому-то принадлежащей по закону?

– Она никогда не была замужем. Я могу поклясться.

Мистер Кинг откинулся на спинку кресла, словно внезапно захотел оказаться подальше от Ламтон-холла.

– И как же, позволь спросить, ты узнал об этом? Разве

что... – Кинг в ужасе закрыл рукой рот.

– Да, Ретт. *Ob turpem causam*⁴. Мы любовники.

– О Господи, – теперь Кинг схватился за сердце. – я знал, что вас опасно оставлять вместе...

– Еще разразись тирадой насчет благочестия, Ретт, – насмешливо заметил мистер Уолтерс, войдя в комнату. – я слышал конец разговора, уж простите.

Эдмунд смущенно потупился.

– Ах, чопорная Англия! Давно ли женщины этой страны мечтали отдаться королю? Давно ли девицы позволяли увлечь себя в лес на Самайн?

– Не будь вульгарен, – отмахнулся Кинг. – дело-то серьезное.

– Да неужели? – поднял одну бровь Рэндалл, сев в кресло. – ну, утешил Эдмунд молодую вдовушку, что с того?

– Она не вдова, – снова произнес Эдмунд, на этот раз – с какой-то ноткой отчаяния в голосе. – она была девицей.

Рэндалл остался все так же невозмутим, разве что плечами пожал.

– Того проще. Женись на ней, как собирался. Благословляю вас, как грешник грешников.

Зоя с Айкеном испытывали друг к другу что-то удивительное, они боготворили друг друга и старались не разлучаться ни на минуту, и в то же время их отношения не по-

⁴ Из-за постыдной причины, повода (лат.)

ходили на лихорадочную, маниакальную страсть, которую можно было бы предположить, зная о пылкой натуре обоих. Казалось, они уверены в своем будущем – счастливом и таком долгом, что почти вечном. Айкен действительно в это верил, а Зоя только делала вид. Ради него. Чтобы не портить настроение своими дурными предчувствиями. Ведь последние полгода они были вместе и так близко, как никогда раньше. Никогда – и ни с кем.

А прогулки после посещения Симонетты в больнице были будто бы каким-то подтверждением того особенного нереального бытия: словно, если бы молодые люди находились всегда только дома, за расписанной рунами дверью, можно было допустить мысль, что они сами себе выдумали это счастье. Беда с Симонеттой отрезвляла и удручала их, заставляя еще глубже погружаться в свой маленький рай, едва выходя из больницы. Как правило, на путь «туда» молодые люди тратили немногим больше сорока минут, путь же обратно занимал более часа. А порой – и нескольких часов. Если Айкен и Зоя возвращались не слишком поздно, то делали крюк, проходили через парк и покупали или цветы, или каждый – по мороженому, или сигареты... Даже когда им не хотелось есть или курить.

А в тот день, поймав себя на мысли, что, подобно Симонетте, с которой они распрощались едва ли десяток минут назад, ничего не хочет, Зоя все равно попросила Айкена завернуть в парк. Был предпоследний день октября, довольно

теплый для канадской осени, и, надеясь, что тени от крон деревьев скроют их, молодые люди расстегнули куртки, не стесняясь ножен с мачете и наплечной кобуры. Впрочем, в парке было не так много людей, все из них были заняты своими делами и на Айкена с Зоей никто не обращал внимания.

– Хочешь мороженого?

– Нет, спасибо, мне уже не жарко, – Зоя застегнула молнию до самого подбородка и села на скамейку. Айкен пригнулся рядом. – даже прохладно.

Она улыбнулась, помолчала немного, затем открыла рот, подумала пару секунд, и выпалила, будто стесняясь своих слов:

– Знаешь, иногда я думаю, что никогда не любила никого, кроме тебя. Потому что любить могут только живые. А до тебя я такой не была.

Айкен коснулся пальцами щеки девушки.

– Глупости, – но он был польщен. При этом, он сам чувствовал, что готов нести романтическую чушь. Не потому, что обстановка располагала, как раз наоборот: на душе было гадко. Но вид изможденной, угасающей девчушки, еще недавно хихикавшей вместе с ними, напоминал молодому человеку, что он сойдет в могилу раньше, чем его возлюбленная. И кто знает, когда точно?

Скатывалось за горизонт оранжевое солнце – казалось, можно было протянуть руку и погрузить в него палец.

– Я хочу провести эту зиму с тобой, – Айкен провел ла-

донью по лицу Зои. Она скривилась, не зная, как удержать рвущиеся из груди рыдания. Она не являлась бедной девочкой Мэнди Данте, которую ей еще предстояло встретить, однако так же томилась предчувствиями, как и она. Но Мэнди⁵ повезло больше: уж о ком она не знала видений, так это о своем возлюбленном. И самой себе. Зоя тоже не знала своего будущего, однако была слишком умна, чтобы не предполагать, на что пойдет Габриэль, если уж оставил ее столь надолго, выжидая только удобного момента для атаки. Не в его вспыльчивом характере было ждать даже день, если выдался шанс нанести удар.

– Я согласна. Весь этот мир пахнет тобой.

Они прильнули друг к другу, устраиваясь уже выверенно-удобно, выясненным опытным путем образом.

– Тебе не кажется, что начинается что-то новое?

– Нет, – Зоя покачала головой. – я чувствую, что продолжается старое.

Айкен улыбнулся и обнял ее, зарылся носом в волосы, пахнущие манго.

– Это лучшее, что ты могла бы... – он замолчал. Зоя задумалась, как же он хотел продолжить: "сказать", "почувствовать"?

– Кларисса сказала мне, что я с каждой жизнью все больше человек, – девушка криво усмехнулась. – видимо, она забыла

⁵ Имеется в виду героиня романа «Жестокие небеспричинно», разделяющего с «Живой» одну вселенную.

добавить, что я человек рядом с тобой. Эдмундом, Айкеном – не важно. Было ли у нас всего два шанса на счастье? Не слишком ли это много?

– Нет, не думаю. Думаю, мы можем быть спокойны, – Айкен улыбнулся. – шанса всегда дается три. А Судьба нас любит. Любит любовь.

– Не знаю, может быть, ты и прав. Что я, в сущности, знаю о любви? – Зоя со смешком пожала плечами. – из своих воспоминаний о том времени, когда я была Вивианой, а ты... Твой прообраз был в Эдмунде. Вот и весь мой опыт, ни больше, ни меньше, ровно столько.

– А Габриэль, Карл?

Зоя расхохоталась, покачала головой, с нежностью взяла руки Айкена в свои.

– Ты весь – особенный, не такой, как любые другие люди на земле. Твои ладони особенные, твои губы особенные, твой взгляд особенный, каждое твое касание если не прожигает меня насквозь молнией, отмечается и отпечатывается, как нечто безусловно уникальное.

Айкен поднял брови.

– Ты не понимаешь, наверное, – Зоя облизала улыбающиеся губы. – но ты же догадываешься, между Ламтон-холлом и Халлом я была в тысяче мест, прожила множество жизней, находила и вновь теряла Карла, утешалась другими мужчинами... И мне есть, с чем сравнивать. Я начала с необыкновенного и не успокоилась, пока не вернулась к тому же.

– То есть, теперь ты успокоилась?

Зоя рассмеялась.

– Ты, похоже, слышишь немного из того, что я говорю, – она вздохнула и отвернулась. Пальцы их с Айкеном рук сплелись.

Так, не отнимая их друг от друга, взаимно потираясь ладонями, они встали и пошли домой. На парк опускались тепло-холодные, как вода в душе дешевого отеля, мерцающие сумерки. Вдалеке начали зажигаться первые фонари.

Внезапно Зоя остановилась, вздернула подбородок, прикрыла глаза и расплылась в нежной задумчивой улыбке. Айкен чувствовал бьющийся в ее руке учатившийся пульс. Зоино сердце, уже полностью воплотившееся в настоящий живой орган, затрепетало.

– Какая погода! Только чуть холоднее... ты помнишь, помнишь?

– Помню что? – молодой человек чувствовал сумерки всеми клетками тела, дышал ими, наполняясь пониманием. – я могу вспомнить только одно. В такой же вечер, хоть и весной, но похожий – мы встретились с тобой.

Зоя открыла глаза.

– Да, это я и имела в виду.

Они обнялись, растроганные этими внезапными воспоминаниями, пронзившими их насквозь, размягчившими сердца. Их встреча, битвы с броллаханами, наркотики, казино и Кларисса – все осталось в прошлой весне, будто в каком-то

ином веке, а то и измерении. Хорошо, что это было, подумал Айкен, но слава Господу, что прошло.

– Слушай, – неожиданно тихо сказала Зоя, голос ее дрожал от напряжения. – ты ведь не порезался сегодня, когда брился?

Они отшатнулись друг от друга. Вопросы были излишни: этот запах они узнали с первого вдоха. Молодые люди мгновенно обнажили оружие.

– Мы не увидим его сейчас, вокруг слишком много людей, – Айкен покачал головой. – черт побери, как такое могло произойти, ведь солнце даже еще не село!

– Но сумерки уже наступили, – Зоя на мгновение закрыла глаза, досадливо хлопнула себя по лбу. – сегодня канун Самайна. Броллаханам и прочей нечисти не нужна темнота, чтобы явиться из Сияющей страны.

Айкен только кивнул и, схватив напарницу за руку, увлек ее за собой в глубину парка. Деревья будто смыкались у них за спиной, словно молодые люди попали в заколдованный лес. Нельзя было даже рассмотреть очертания ограды, домов, окружавших парк, подняв голову, невозможно было увидеть шпили правительственных небоскребов. Крошечный парк будто стал бесконечным.

Молодые люди резко затормозили, развернулись, одновременно вильнув в разные стороны. Броллахан пронесся между ними, едва не ударившись в дерево, тяжело повернулся назад, слишком медленно, будто сонный. Зоя встретила

его ударом ноги в челюсть, а Айкену оказалось достаточно одной меткой пули, чтобы завершить дело.

– И это все? – разочарованно протянул он, – раньше было намного веселее.

Зоя тронула труп монстра носком туфли.

– Он впервые вышел из Аннувна на поверхность. В этом дело. Ты же помнишь, многие броллаханы были сонными.

Айкен пожал плечами. И тут же вскинул пистолет, обернувшись на звук шагов. Зоя тоже посмотрела через плечо. К ним вышел...

– Хэвен?

Айкен сперва не понял, как Зоя могла принять запаянного в черные латы рыцаря за их старого друга, но потом понял, что, должно быть, в Сияющей стране воин учитель выглядел именно так. Но девушка быстро поняла свою ошибку.

– Дини ши. Воин Двора. Ты пришел с миром или нет?

Мужчина усмехнулся, и Айкену показалось, что из-за забрала выкатились не клубы дыма – сам этот презрительный звук.

– Что тебе до моих намерений, смертная?

Зоя поклонилась:

– Почту это обращение за величайший комплимент.

Дини ши снова фыркнул, вложив в этот звук все свое пренебрежение к жалким людишкам, посмевающим встать у него на пути.

– Я ищу здесь не вас, насекомые, возомнившие себя ма-

гами, едва узнав пару рун. Но за то, что убили моего зверя, вы ответите.

Зоя пожалела, что оставила меч в Сияющей стране, и мысленно помолилась Богине, надеясь, что та дарует ей победу в неравном бою. То, что Айкен не будет стрелять, чтобы не попасть в нее, она знала наверняка. Куртка спала с нее, как отмершая кожа, девушка выступила из своего смятого безжизненного кокона, словно бабочка.

– В таком случае, бейся со мной, рыцарь Неблагого Двора. – Зоя вытянула вперед руку с мачете, и ее от обнаженного плеча до самого запястья мгновенно покрыли черные полосы.

Дини ши не шелохнулся. Он не изменил расслабленной позы, но Зоя догадывалась, что он медлит не потому, что думает, будто их бой будет коротким и скучным. Он явно соображает, кто же перед ним.

– Та, кого я ищу.

– Верно.

– Во Дворах тебя звали Птицей.

Зоя склонила голову набок.

– Точно. Из-за маски. А теперь бейся со мной, раз обещал.

Дини ши церемонно поклонился. Раньше, чем он выпрямился до конца, в его руке уже сверкал обнаженный меч.

– Всегда к Вашим услугам, леди Вида. Раз уж, я подозреваю, этого не избежать. Ведь Вы не пойдете со мной по доброй воле.

– Никогда!

Она бросилась на него первой, ушла от удара кулака в шипастой латной перчатке, но и сама даже не успела коснуться, чуть не врезалась спиной в дерево, отскочила, раздраженно махнула рукой на растерявшегося Айкена: пистолет плясал в его руках, но взять на мушку хоть одно слабое место дини ши он никак не мог.

– Не мешай!

Дини ши лихо и хвастливо крутнул мечом и ринулся в атаку.

Они начали красиво – почти танцуя, подступались друг к другу, кружили, руки Зои летали, как крылья, мачете перетекал из одной ладони в другую. И в одно мгновение все великолепие движений сошло на нет, противники почувствовали, что нет времени и дальше играть друг с другом. Рубящие широкие движения дини ши перешли в короткие, колющие, от которых Зое с ее стилем боя стало тяжелей уворачиваться. Но она пребывала в том состоянии, сходном с берсеркерским, когда ее кожа покрылась черными стрелками, поэтому, уйдя от очередного тычка, припав к ковру из палых листьев, Зоя послала мачете умелым броском вперед (потом, сжимая дрожащие запястья трясущимися пальцами, она не понимала, как это сделала). Лезвие вошло в зазор между стальным рукавом и нагрудником дини ши, ровно в слабое место, защищенное только тонкой кольчугой. Воин выронил меч, попятился, ладонь его описывала круги над

раной, но не решалась вынуть мачете. Зоя медленно встала, деланно-аккуратно стряхнула с себя сор и листья, а затем направилась к противнику, прижавшемуся спиной к дереву и страдающе стонавшему.

– Кто же тебя послал? Его Величество или Ее Величество? Ты одет в доспехи Неблагого Двора, но явно к нему не принадлежишь. – полосы с кожи девушки испарились, и по мере их исчезновения ее голос из стервозно-стального становился постепенно обычным, только злым. – Габриэль предупредил бы тебя, что я единственная из обоих Дворов могу держать в руках железное оружие. То, что доставляет вам невыносимую боль.

– Ты права, – прохрипел дини ши. – мне так больно, что, не будь я рыцарем, просил бы у тебя смерти. Но, знаешь... ты не одна такая.

– Вот как. – Зоя выдернула мачете, второй рукой упираясь в шлем врага так, чтобы его голова оказалась достаточно запрокинута. – я учту невысказанные пожелания. Считай, что ты погиб в бою, если тебе это будет приятно.

И она перерубила воину шею, как цыпленку. Потом медленно разжала пальцы. Доспехи с грохотом рухнули на корни могучего дерева.

– Ты не будешь смотреть на лицо под шлемом?

– Нет.

– А если это твой знакомый?

Зоя покачала головой и отступила на несколько шагов.

– Вряд ли... Но все равно – именно этого я и боюсь.

Айкен привлек девушку к себе и попробовал поцеловать, но она отвернулась, чувствуя, что ей не хватает воздуха. Уткнулась лбом в плечо возлюбленному, зажмурилась, пытаясь успокоиться. Обычно она была в игривом настроении после каждой битвы, но сегодняшняя отличалась от всех прочих.

– Только что наступил Самайн. – прошептала Зоя, отняла лоб от плеча молодого человека и заглянула ему в лицо. – Хэвен предсказывал это, и вот теперь мы знаем, что никогда не иметь нам спокойной жизни, ни за наипрочнейшими дверьми, ни при помощи самых могущественных рун...

Они выскользнули из плена деревьев в густую темноту, хотя, казалось бы, с того времени, как они вошли в чашу парка, не могло пройти так много времени – почти четыре часа. Но Айкен уже больше года, как разучился удивляться. Молодые люди направились домой, едва ли намного больше взволнованные, чем обычно после того, как покидали Симонетту. Подсознательно они оба каждую секунду ждали нападения, и, может быть, только это их и спасло. Айкен был несколько удивлен тем, как спокойно воспринял появление тварей из Дворов, но понимал, что в глубине души знал наперед о том, что рано или поздно они снова встретят броллахана. Разве что дини ши его огорошил.

– Дикая охота не явилась за нами сегодня, хотя могла бы... Почти была бы должна! – Зоя потерла лоб. – Но брол-

лахан...

Девушка замолчала, кусая губы. Похлопала себя по карманам, ища сигареты, но мгновенно забыла о них, закрыла глаза и устало потерла побледневшее холодное лицо.

– Тебе страшно?

– Нет, но мне плохо. – Зоя пожала плечами. – на меня давит эта ситуация. Не хочу больше в ней находиться, честное слово.

Однако отчасти она была даже рада тому, что произошло. Она вновь была на мушке Неблагого Двора, но при этом теперь знала, за что бороться. То, что начинается, в итоге рано или поздно заканчивается. Она хотела начать войну! И Самайн был неплохим днем для того, чтобы подпитаться магической энергией.

Она не собиралась заниматься сегодня сексом, хотя бы потому, что руки у нее подрагивали от волнения, казалось, что, несмотря на руны, вышитые на подкладке одежды, за ними кто-то наблюдает, но в конечном итоге... это был Самайн. Преодолеть его зов было выше их сил.

Они шли в полном молчании, Айкен размышлял, что же случилось с Зоей, что драка ее не распалила. Исчезла какая-то лихость, удаль, с которой Зоя раньше побеждала даже самых опасных врагов, даже когда была серьезно ранена... Айкен вспомнил ночь, с которой начались их настоящие отношения: ведь Зоя тогда была почти при смерти...

– Тот рыцарь сказал, что тебя звали птицей. Так дело в

маске?

– У всех нас во Дворах было свое животное-символ. Не тотем, а, скорее, звание, прозвище, нечто близкое по духу. У Хэвена это тигр. Он и действует, как тигр, нельзя его винить. Он делает только один прыжок, никогда не преследуя жертву. Только один. Потом он забывает об этой цели.

Айкен понимающе покивал.

– У меня "тотемов" было даже два. Сперва – голубка. – Зоя ухмыльнулась. – ведь я должна была стать утешением разлученным Натаниэлю и Габриэлю, носила вести от одного к другому. Потом меня стали именовать просто птицей, как только я научилась драться и перестала быть безобидной. Когда маска мстительницы почти срослась с моим лицом в понимании народов обоих Дворов.

– Но ведь было и еще одно "потом"? – Айкен скользнул взглядом по рисункам на груди девушки, видневшимся в вырезе блузки: черный леопард, морда тигра, змея, паук...

– Было. Потом я стала зеброй. Я сама себя так назвала.

– Из-за полос? О, понимаю. Танец зебр... боевое искусство. И полосатая раскраска считалась признаком дьявола в то время, когда ты сбежала от Габриэля.

Зоя рассмеялась, но деланно, неискренне. В виске стучала боль то ли от усталости, то ли от сдерживаемого непрошедшего напряжения.

– Что это? – вдруг спросила девушка, подняв к небу лицо и подставив ладонь свободной руки. Айкен тоже задрал

голову.

– Дождь...

Крупные капли вдруг зачастили, моча одежду. Айкену вспомнилась их прогулка после тренировки, когда молодые люди бежали под дождем, счастливые, как никогда прежде, и близкие, как еще ни разу в этой жизни. Он хотел, чтобы сейчас все случилось так же... Но это было невозможно. Он схватил Зою за руку и увлек за собой, но темные холодные улочки Оттавы были вовсе не такими, как солнечные улицы Халла под "слепым" теплым дождиком. Зоя и Айкен бежали в молчании, пока в груди у обоих не заныло. Сделав крюк, молодые люди оказались у западных ворот того же самого парка. До дома было рукой подать.

– Как думаешь, там есть другие дини ши? – молодой человек ткнул большим пальцем себе за спину.

– Не знаю, – Зоя покачала головой. – но, думаю, они нас не прервут.

– Что?

Зоя толкнула Айкена к ограждению, впилась ему в губы, красноречиво демонстрируя, что имела в виду. Айкен никак не ожидал такого поворота, но в глубине души был рад: Зоя все-таки оставалась самой собою.

Она вцепилась руками и пальцами босых ног в решетку, сбросив полусапожки, поддернув юбку; он сдвинул в сторону ее трусики, подхватил под бедра. Странная поза, в иной ситуации она показалась бы им неудобной... Но не теперь.

Зарядил дождь, в секунду промочив обоих до нитки, но молодые люди даже не обратили на него внимания. Зоя шипела, словно каждое движение, с которым она придвигалась к Айкену, обжигало ее.

В их страсти было больше страха, чем желания, и только любовь не позволяла этому дикому, первобытному чувству перегореть.

А потом они побежали к дому, не обращая внимания на яростный ливень и блещущую в небе молнию – как дьявольский язык, облизывающий черные губы.

Вивиана столкнулась с Эдмундом, когда он выходил из комнаты мистера Тауэра. На секунду девушка замерла, чувствуя, что губы против воли расплываются в улыбке. Заходить в комнату больного с радостным выражением лица было бы неприлично, и мисс Тауэр задержалась у двери. Эдмунд тоже не поспешил уйти.

– Он идет на поправку. Медленней, чем я ожидал, но все же уверенно, – шепнул возлюбленной молодой врач. – не слушайте его пессимистичных рассуждений, если Вашему отцу вдруг взбрдет в голову поговорить о завещании или наследстве.

После этих слов они распрощались. Вивиана вошла в комнату отца. В ней было душно и темно, несмотря на открытое окно: ветви раскидистого вяза заслоняли собой солнце, некоторые, уже высохшие, тянулись внутрь, к кровати, как

костлявые руки.

Вивиана поцеловала отца в горячий лоб в знак приветствия и села рядом, разложив на коленях пядьцы. Девушка собиралась первой заговорить, поднять настроение больному, но мистер Тауэр, заметив, что дочь готова к нему обратиться, торопливо прервал ее на полувдохе.

– Я ошибся, сделав тебя своей наследницей. Это было весьма эгоистично с моей стороны. – видя, что Вивиана выдохнула и не перебивает, мистер Тауэр продолжил уже уверенней, хотя дыхание его все еще оставалось неровным после столь неожиданного в его состоянии старта. – ты хорошая, умная девочка, ты достойна лучшего.

– Благодарю, но у меня все есть, а Вам не следует волноваться...

– Мне страшно, страшно подумать, что будет с тобой в будущем. – дыхание больного на миг стало частым, поверхностным, но вскоре выровнялось.

Вивиана ласково погладила отца по плечу и, демонстрируя полную невозмутимость и отсутствие всякого беспокойства, вернулась к рукоделию.

– Вы не умрете, Эдмунд так сказал. Я верю ему.

Она и сама не слышала, как по-новому звучит эта фраза!

– Я думал о том, что ты могла бы выйти замуж. – медленно проговорил мистер Тауэр так, будто уже засыпал. – это неплохая идея, как мне кажется. Достойный человек обязательно найдется, я ручаюсь... Даже скажу больше, я лично

прослежу, чтобы...

Он осекся, наткнувшись на взгляд Вивианы. Она оторвалась от вышивания и замерла, сверля названного отца недружелюбным взглядом.

– Боюсь показаться неблагодарной и плохой дочерью... – Вивиана не без труда глубоко вздохнула, – но я сама найду себе мужа. И выйду замуж только тогда, когда полюблю. Не будете же Вы отрицать, что только истинная любовь способна обеспечить между супругами ту жизнь, что описана в Библии?

– Тебе ли говорить о Библии?.. Я все знаю. – в речи мистера Тауэра было больше хрипов, чем слов. – не отказывайся от моего благословения, порочная дочь.

Вивиана молча встала, бросив вышивание на пол, и вышла за дверь. Там она прижалась спиной к стене и надолго замерла, только грудь ее вздымалась взволнованно. Девушка чувствовала смятение, но не гнев на отца: он был с ней мягок, мягче, чем имел на то основания.

– Иду, иду! – сварливо пробурчал Хэвен, когда услышал, что кто-то неистово заколотил в дверь. Он думал, что это вернулись с прогулки Айкен и Зоя – промокшие и недовольные. Или, может быть, напротив, в благодушном настроении, но, так или иначе, страстно желающие поскорей пройти в дом. Хэвен вытер руки полотенцем и выключил воду в раковине. Ему оставалось домыть пару тарелок с обеда.

– Я уже иду, – повторил мужчина, когда в дверь снова неистово забарабанили кулаком. И в тот момент, когда он снял цепочку с двери и повернул ручку, то подумал, что забыл снять наговор, не позволяющий наделенной сверхъестественной силой сущности проникать в квартиру. И – уже распахнув дверь – порадовался этому.

На него, не мигая, смотрели глаза с очень знакомого лица. Белого, с выпирающими скулами и тонкими бескровными губами.

– Одна из банши... – ошалело пробормотал шокированный Хэвен.

– Не по твою душу, генерал, – улыбнулась гостья, показывая мелкие белые зубы. – однако, ты здорово придумал с рунами, дини ши. Впрочем, мне и без надобности заходить в дом для того, чтобы выполнить свою работу.

Банши запрокинула голову и завывла. Это было отчасти похоже на человеческий плач – отчасти на звук ветра в трубе, скрип перекатывающихся несмазанных огромных шестерней и шум водопада. Оглушенный Хэвен попятился от двери, гадая, чью смерть возвещала ужасная гостья. В первую очередь он с ужасом подумал, что Габриэль мог добраться до Зои, но тут же, леденея, догадался – Симонетта. Несмотря на то, что Зоя, Хэвен и Айкен пытались относиться к ее неминуемой смерти как к чему-то неизбежному, хоть и печальному, все равно казалось, что это событие еще нескоро омрачит их жизнь. Но человек предполагает, а боги распо-

лагают, с грустью подумал Хэвен, когда банши замолкла.

– Ну как, дини ши, понравилось? – ухмыльнулась она. – если не распробовал, то ничего страшного. Тебе еще предоставится возможность... Эта человеческая девочка – не последняя, кого ты теряешь.

Она рассмеялась – обычным и совсем не страшным, хоть и неприятным смехом много курящей злобной женщины – и пропала во вспышке голубого пламени.

И в двух шагах от того места, где она стояла, обнаружили Айкен и Зоя. Действительно промокшие до нитки, как Хэвен и предполагал на их счет. Хэвен подумал, много ли они слышали и когда именно поднялись по лестнице...

Зоя большим пальцем стерла из-под глаза то ли слезу, то ли каплю дождя.

– Ну, тебе нужно еще дополнительное приглашение? – сказала она. – бери сумки и вызывай такси.

Они поехали, куда глаза глядят. Взяли напрокат машину, расплатившись последними деньгами, и помчались.

– Куда мы? – спросил Айкен, с трудом понимая, что происходит.

– В безопасное место, – отозвалась Зоя, глядя в окно. Звезды как-то зловеще сияли с небес в ту ночь.

– На всей Земле больше нет такого места, – пробурчал Хэвен, не отрывая взгляда от дороги. Но он, как и его ученица, чувствовал давление света звезд, словно то были глаза, пялившиеся на них с неба.

– И я об этом, и я... – шепнула Зоя, зажмуриваясь. Она знала, что не заснет еще долго – пока в ушах не затихнет эхо от крика банши.

Глава седьмая

И не бойся, и не плачь, я ненадолго умру.
Ибо дух мой много старше, чем сознание и плоть.
Башия Rowan – «Сиреневое пламя»

Вивиана вскинула голову, когда Эдмунд ворвался в комнату с озаренным радостью лицом, губы его явно сдерживали то ли слова, то ли улыбку. Таким сияющим на ее памяти он не выглядел никогда, даже до болезни.

Он подхватил ее на руки и закружил по комнате.

– Я уже получил лицензию, – прошептал он в самое ухо Вивиане, когда поставил ее на ноги. – простите, леди, но я воспротивлюсь Вашему желанию более никогда не посещать церковь! Мне придется это сделать – и даже вместе с Вами. В первый четверг следующего месяца мы рано поутру сможем обвенчаться!

Лицо Вивианы при этих словах странно исказилось, словно она боролась с горькими слезами и проявлениями бурной радости одновременно. Губы девушки дрожали, решая, как им выгнуться.

– Я сделал что-то не так? – ошеломленно прошептал Эдмунд. Руки его невольно потеряли всякую силу и отпустили до того бережно стискиваемые ладони недовольной неве-

сты. – Со вчерашнего вечера я успел Вас чем-то обидеть? Объяснитесь.

– Я решила стать Вашей в обход закона лишь потому, что я не человек, – с невыразимой мукой простонала Вивиана и отвернулась, пряча лицо в ладонях.

Эдмунд не знал, как себя повести. Девушка находилась рядом с ним едва ли на расстоянии половины локтя – и все же мистер Купер не протянул руки, чтобы коснуться ее. На миг она и впрямь показалась ему не человеком, феей, о которой бредил Уолтерс, пока не сошелся с Мартой.

– Книги... Простите, они были не при чем. То есть, конечно, дурных идей я нахваталась и впрямь из "Опасных связей", но, будь я настоящей женщиной, никогда бы не решилась предложить Вам себя так бесстыдно. Это же очевидно, Эдмунд!

Он молчал, не зная, что может ответить на подобные заявления.

– Я не понимаю, – наконец Эдмунд решился тронуть девушку за плечо. Вивиана медленно обернулась, подняла раскрасневшееся, словно перед слезами, лицо.

– Сейчас объясню.

Она мягко вывернулась из-под ладони Эдмунда, отошла к столу, на миг застыла, выставив острые лопатки, натянувшие ткань платья – невольное движение беспомощности, мольба о защите, которую некому оказать.

– Прежде, чем Вы совершите что-то, о чем будете жалеть,

я должна показать Вам кое-что. Точнее, дать прочесть, потому как рассказать я это не смогу никогда в жизни. Язык не повернется, – стараясь как можно меньше касаться синего переплета пальцами, словно тот обжигал кожу, Вивиана бросила на стол и подвинула ближе к Эдмунду потрепанную книжицу. Дневник.

Молодой человек осторожно взял его, как будто со страниц мог сочиться яд, и медленно открыл. Но ничего ядовитого в написанных ровным почерком строках не было. Да, это было странно, но не страшно.

– Пожалуйста, не думай, что это мои фантазии, – прошептала Вивиана, внезапно отбросив учтивое обращение. – я не сошла с ума вдали от шума города, как можешь ты подумать, хоть и, видит Бог, пока ты жил в Лондоне, мне было очень грустно.

Эдмунд покачал головой.

– Я не могу ни верить тому, что Вы здесь написали, ни подвергать сомнению Вашу искренность... Так что, вероятно, Вам это все приснилось. Или же Вы слишком много сидели в беседке и солнце напекло Вам голову.

Лицо Вивианы, только что демонстрировавшее покорное и смиренное выражение, мгновенно ожесточилось, губы раздраженно изогнулись.

– Ну уж нет. Если ты хочешь на мне жениться, то должен будешь поверить и проверить. А иначе ничему не бывать! – Вивиана поддернула рукав и протянула жениху пред-

плечье. – ну же, удостоверься самым простым способом! Возьми иглу и проткни мою руку. О, уверяю тебя, пусть сперва и пойдет кровь, ты увидишь, что я внутри полая, как фарфоровая статуэтка.

– Ты же понимаешь, – Эдмунд, как и невеста, снизошел до простого обращения, уже понимая, что настоящее согласие между ними заключено, девушка всецело готова к браку, и последнее слово, в свете открывшихся обстоятельств, за ним самим. – я не сделаю этого. Я не причиню тебе вреда, не трону и пальцем, разве что в случае, если от этого будет зависеть твоя жизнь.

Вивиана опустила подрагивавшую руку, рукав расправился, скрывая бледную кожу предплечья.

– Ты не отступишься, даже если я скажу, что никогда твой род не будет продолжен? Если ты женишься на мне, то у тебя никогда не будет наследника... Не подвергай мои слова сомнению, прошу. Я знаю это и считаю своим долгом сообщить о том заранее.

Эдмунд не шелохнулся. Только глаза его распахнулись шире. Вивиане показалось, что сейчас он оставит ее, прозревший, но юный мистер Купер всего только расчувствовался – пытаюсь сдержать подступившие к глазам слезы, он застыл, неловким движением боясь продемонстрировать слабость, недопустимую при обсуждении столь деликатной темы. Молодой человек лишь спустя несколько секунд смог шагнуть вперед и обнять невесту.

– Если это единственная преграда, то, клянусь, она для меня – ничто. Я приму тебя, чем бы ты ни была, – Господи Иисусе, она отдала мне свою чистоту, даже зная, что я не смогу подарить ей ничего взамен, думал он тем временем, стискивая девушку в объятиях. – должна же быть и у нас какая-то трагедия.

Вивиана тихо всхлипнула.

– К тому же, не забывай, у меня есть сестра и двоюродный брат. Хоть они и не видятся, я отчего-то уверен, что Марта вскорости напишет мужу письмо, в коем объяснит, что, как дева Мария, в его отсутствие сумела зачать сына. Или дочку.

– Ей остается уповать, на то, что огромный нос Уолтерса не передастся по наследству.

Молодые люди тихо засмеялись, но напряженно, нервно. Не так, как следовало бы радоваться, успешно заключив помолвку. И если Эдмунд чувствовал только несильную тревогу, растерянный, обескураженный, то Вивиана холодела от страха, пусть и не знала о своем будущем ничего, равно как и ее суженый. Но ужас был вплавлен ей под кожу еще в Си-яющей стране.

На окраине Оттавы они в тот же вечер сняли квартир-ку – крошечную, закопченную, серую. Согласились на все условия, рассчитывая, что пробудут в городе еще несколько дней – и только. Сразу рвануть из Оттавы не дало чувство ответственности перед прежним арендодателем: Хэвен

предложил еще раз посетить покинутое жилище, чтобы собрать все брошенные там вещи, оттереть руны со стен и выплатить долг за испорченный телевизор. Зоя не возражала, догадываясь, что на деле воин хотел просто еще раз побывать в месте, где единственный раз в жизни, пусть и недолго, был абсолютно, безоглядно счастлив. О теле Симонетты и его погребении никто не заговаривал.

– Холмы открылись. Самайн празднуется семь суток и все это время твари из Сияющей страны и сиды будут шляться туда-сюда.

Зоя стояла, обхватив себя руками, и глядя в раскрытое окно. На улице бушевала гроза, в лицо девушке летели столь яростные брызги, что она вся намокла. Айкен бы подумал, что она таким образом прячет слезы, но он видел – девушка не плакала. Ее глаза выражали не печаль. Гнев. Пальцы впились в плечи так, что расцарапали кожу почти до крови. Красные полосы вспухли там, где еще недавно чернели следы от берсекерской силы.

Зоя была готова отшлепать себя по щекам – дура, забыла об опасности! Больше того. Ей стоило в этом себе признаться. Она допустила мысль, что другие – Хэвен, Айкен, должны разобраться с проблемами за нее.

– Я мечтаю все это, все недавние происшествия, просто забыть. А Хэвен, если хочет подставиться, пусть идет.

– Он знает, что делает, – Айкен положил руки на плечи девушке. – он генерал Сияющей страны, дини ши. Разве ты

когда-нибудь могла одержать над ним верх? А всех, кого направлял к нам Габриэль, убила без особого труда. Он справится с любой опасностью.

"Не все так просто."

Зоя подняла лицо вверх: на нее с неба смотрела огромная, идеально круглая и белая, как обнаженная кость, луна. Никогда раньше она не казалась девушке... такой. Ночное светило не только никогда прежде не было так ирреально бледно и холодно, но и не излучало столько дурной энергии. Никогда прежде луна не знаменовала собой такое бесспорное зло.

– Он – да. А я, наверное, слишком слабая, чтобы и теперь остаться прежней... Не знаю теперь, как мне отвлечься.

Айкен развернул девушку к себе и поцеловал – губы Зои дрогнули, отвечая. Но все равно что-то было не так. Молодой человек открыл глаза и отстранился. Зоя не шевельнулась. Ее задумчивый взгляд был устремлен куда-то вбок, зрачки беспокойно искали что-то на белой стене. Мыслями девушка, очевидно, была далеко.

– Мне не продолжать?

Зоя медленно перевела глаза на возлюбленного. Какая-то далекая красноватая искра мелькнула в глубине ее зрачков – магическая, может быть, не существующая в реальности.

– Тебя не смутит, что мы будем заниматься этим, хотя со смерти Симонетты не прошло и суток?

Айкен непонимающе поднял плечи.

– А что меня должно?... – и опустил их. Зоя кивнула.

– Так я и думала.

Ее саму ничего не смущало. Как бы ни была длинна твоя жизнь, учись брать от нее все, не тратя время – так ее научили в Сияющей стране. Делай это прямо сейчас – так, по ее же просьбе, убеждал Зою Айкен. А Хэвен – еще давным-давно, в Сияющей стране, объяснил ученице, что даже в Благом Дворе не принято скорбеть об умерших, если они ушли тихо. Только их боль, их сожаление имеют значение, а твоя грусть – всего лишь эгоистическое желание иметь рядом человека, который приводил тебя в приятное расположение духа. Зоя не понимала этого сердцем, еще пока остро нывшим, но неплохо постигла умом и, все еще ощущая себя неуютно, когда речь заходила о чувствах, просто приняла привычную позицию, за неимением альтернативы.

Леди Кларисса прибыла вскорости после объявления о предстоящей свадьбе Эдмунда и Вивианы. С тех пор, как только известие о том появилось, как полагается, в газете, мисс Тауэр занервничала, предполагая, не останется ли при ней ее ложная фамилия на более краткий срок, нежели ей бы хотелось? Не предъявит ли кто-нибудь права на ее свободу – словно на неживую вещь? В первые дни своего пребывания в Ламтон-холле она была не в себе от испуга и переохлаждения, но многим после, уже когда между нею и Эдмундом начали зарождаться чувства, Вивиана вспомнила, что так ее

обескуражило в тот день, когда ее обнаружили выехавшие на охоту Ретт и Уолтерс. Она не помнила, как забрела в чащу и откуда пришла, почему на ней неподобающие лохмотья и нет обуви... Но знание, что она – предмет, вещица, безделушка, неживая игрушка, не сотворенная по образу и подобию Божью, а только кое-как вылепленная неизвестно кем в насмешку над высшим промыслом... Это отравило ее, лишило сил и обескуражило настолько, что Вивиана впала в беспамятство, сутки металась в горячке, а после отвергла все свои знания как бред больного сознания и пошла на поводу у мистера Тауэра.

И теперь она с замиранием сердца вспоминала свое прошлое, но на ум ей приходили лишь обрывки ощущений, крупицы чувств, выцветшие, словно брошенные на солнце и забытые на все лето ленты. При мыслях о Боге она чувствовала странное томление, поднимавшееся из груди, никак не ассоциировавшееся у нее с Господом, Владыкой Церкви, и в то же время, Вивиана смутно чувствовала, что имеет некое подсознательное понятие о Творце и Дьяволе, извечном враге его, о том, кто истязает род, более близкий ей, нежели человеческий – если можно было бы говорить о некоей подлинной связи, ведь вещам таковые иметь не полагается.

И вот когда порог Ламтон-холла переступила леди Кларисса, Вивиана вспыхнула, как нашкодившая шалунья: казалось, взгляд гостыи впился в нее, пробуравил всю голову насквозь и испил от каждой греховной мысли. Кларисса усмех-

нулась так, словно знала о молодой мисс Тауэр все, и даже больше, чем она сама о себе полагала.

Вивиана надеялась, что это чувство не вернется, но, увы, оно возникало каждый раз, когда гостя бросала на мисс Тауэр даже мимолетный взгляд. И, что было всего хуже, Марта и Кларисса проводили теперь с невестой дни напролет, советуясь относительно цвета и фасона платья, деталей бракосочетания и списка гостей. По большей части они разговаривали между собой, не впутывая в это Вивиану (вот облегчение!). Ни один из приглашенных не был ей знаком, однако от имени Карл Грей Вивиана вздрогнула. Каждый звук, слетевший с губ Клариссы, прошел ее от затылка до пят, словно удар молнии, рассыпав горсть мурашек по коже и оставив после себя покалывание в затылке и кончиках пальцев. Внезапно выступивший на щеках девушки румянец не укрылся от глаз Клариссы. Она под села поближе к счастливой невесте и загадочно улыбнулась.

– Вы так заволновались, моя милая.

Вивиана открыла было рот, но только беспомощно вдохнула, словно рыбешка, не находя слов. Все мысли ее внезапно покинули. Тогда Кларисса кивнула, как бы говоря "я все понимаю" и сняла с шеи цепочку. Из декольте выскользнул небольшой медальон, в котором обычно носят изображения родителей или возлюбленных, а также прядь обожаемых волос.

– Смотрите.

Кларисса открыла медальон и протянула его Вивиане. Девушка взглянула на портрет в створках. Идеальное, надменное, чужое лицо, обрамленное нежными золотистыми локонами.

– Красивый. Кто это?

– Узнаете в свое время, – Кларисса потянула за цепочку и вернула себе медальон. – он не будит в Вас никаких чувств, я полагаю? Что ж, следовало этого ожидать.

Вивиана занервничала.

– Но кто это? И... я должна его знать?

Палец Клариссы лег на губы девушки.

– Нет, не должны. Пока, во всяком случае, не должны. Наслаждайтесь своими приготовлениями к свадьбе, милая. Пойдемте, поговорим с Мартой о платьях.

Когда Айкен набросил руку на повернувшуюся к нему спиной Зою, он почувствовал то же, что и во время их недавнего поцелуя. Какую-то напряженность, которой раньше не было. словно под ладонью он вдруг ощутил не привычный шелк человеческого (хотя бы с виду) плеча, а мех тигра, замершего перед прыжком. А Зоя понимала, как раздваивается внутри: она одновременно чувствовала бесконечное счастье от того, что наконец обрела своего Эдмунда – или Айкена. Имена в сущности ничего не значили. Если их встреча и любовь и впрямь была велением судьбы, желанием Богини – Зоя подчинялась беспрекословно и с радостью. Но с дру-

гой стороны, забыть о смерти Симонетты (и Дэйва) они были не в силах, Хэвен же был и вовсе раздавлен этим событием. Смотреть на него в тот день было страшно: глаза запали, возле рта залегли тени, губы остались сурово сжатыми. Зоя помнила его стойким суровым воином, но сейчас в учителе чувствовался какой-то надлом. И это тоже ее беспокоило. Возможно, стоило лишь немного подождать, говорил Айкен, чтобы дини ши пришел в себя, но Зоя слишком хорошо знала Хэвена, чтобы предполагать, что ему хватит и века оправиться от потери. При этом он был лихорадочно возбужден и жаждал действия. Ко всему прочему, оставался еще Габриэль. О нем тем более не стоило забывать, предаваясь бесплодной скорби. Да и не получилось бы: слишком серьезный враг. И он не спал. В чем девушка вскоре, к своему ужасу, убедилась.

Смерть Симонетты значила больше, чем казалось на первый взгляд. Все трое – и Хэвен, и Зоя, и Айкен – чувствовали свою ответственность за произошедшее. Если Дэйв был взрослым, ответственным за самого себя, то девочка осталась на их попечении. И они ее не уберегли. Зоя корила себя. Айкен – и себя, и возлюбленную. Его начали мучить мысли, что не будь негласным лидером их компании Зоя, все сложилось иначе. Молодой человек прокручивал в голове стратегию, которую применил бы он, стань командиром их трио. В голове звучал голос: ты мужчина, ты должен властвовать! Айкен не задавался вопросом, откуда вообще у него такие

несвойственные ему мысли. В ту ночь он был грубее с Зоей, чем обычно, и новизна ощущений ему понравилась.

Зоя не заметила, как Айкен встал, смущенный переменной в ней, ощущением, что лег возле незнакомой женщины. Флюиды волшебства от ее кожи были такими сильными, что едва замтно меняли освещение в комнате. Должно быть, подумал экс-детектив, так именно себя и должны ощущать люди, спящие с сидами. Неловкость, желание бежать. Если бы сама Зоя знала, что он чувствует, она бы испугалась не на шутку. В ней не должно было пробудиться столько магии.

– Я пойду посмотрю, как там Хэвен. Надеюсь, он держится.

Но на самом деле Айкен чувствовал, что должен заставить поработать свои легкие – успокоить их дымом и свежим ночным воздухом.

Он вернулся через полчаса и нашел девушку сидящей в кресле абсолютно обнаженной. Подтянув колени к груди и обняв их одной рукой, Зоя смотрела перед собой, ничего не замечая. Она была погружена в свои мысли. Айкен опустился перед ней на корточки, взял за руку, нежно погладил пальцы.

– Чудесно пахнет после дождя, верно? Я думала, что такой запах может быть только на природе, если ты в лесу или хотя бы в окруженной полями усадьбе. Но нет, – Зоя медленно вздохнула. – такой же. Такой же.

Айкен протянул руку к кровати, стащил с нее плед и

укрыл плечи Зои, но девушка даже не подняла головы. Волосы ее оказались мокрыми – кажется, она высовывалась в окно почти по пояс.

– Хотел бы я знать, о чем ты думаешь, когда идет дождь...

– Уверен? – глухо отозвалась Зоя, перебирая в мыслях недавние слова Айкена о Хэвене. Было ли Симонетте больно? Или изгнанный дини ши окунулся в человеческий образ существования глубже, чем хотел? – может быть, это вовсе не тот случай...

– Может быть, – Айкен поднялся с корточек. В нем глухо ворчало раздражение, разъедающее, как болезнь, на щеках, под самыми глазами, выступили красные пятна.

– Знаешь, мне страшно. Теперь – постоянно, без перерыва... Я думала, что смогу справиться, но ошиблась. Боюсь, я слишком слабая для этого мира. Надеюсь, нам не нужно утешать Хэвена. – пробормотала Зоя. Губы ее побледнели, сравнившись цветом с тыльной стороной ладони. Она смотрела в одну точку, капли то ли дождя, то ли слез блестели на ресницах.

В другой ситуации Айкен, должно быть, восхитился подобным зрелищем, но в тот момент в нем что-то сломалось... Должно быть, еще слабо видные на ее плечах полосы так подействовали на молодого человека.

– О, вот, значит, что. Ты собираешься сидеть здесь и жалеть себя, вместо того, чтобы возглавить наш отряд в войне со всем иным миром? – выскрикнулся экс-коп. – Что ж, уважаю

твое решение. Но, боюсь, не смогу тебе ничем помочь – я же всего лишь жалкий нарик, лишенный силы воли. Ты то и дело пытаешься защититть меня, невольно напоминая мне о том, насколько я ничтожен по сравнению с Хэвеном и тобой... Вы – представители удивительной бессмертной расы, а я...

– У тебя паранойя, – Зоя резко поднялась, вскинула голову. Айкен отпрянул, устыдившись: предъявлять такие претензии девушке, едва достающей ему до подбородка? Казалось бы, смешно.

– Хорошее ты выбрал время для выяснения отношений. О нет, правда, я не иронизирую, – Зоя потерла мокрый лоб, отчего отросшая челка смешно завилась. – напомнил мне об обязанностях, которые вы на меня возложили. Я не Кларисса, Айкен, я не околдовала тебя. Ты сам предпочел остаться, хотя я тебя отговаривала... Надеюсь, ты сказал мне все это не из-за беспочвенной ревности, потому что сейчас я возьму себя в руки и пойду утешать того, кому, в отличие от нас, действительно плохо.

Она закончила неожиданно резко и твердо, после сего тотчас вышла из комнаты, неосознанно женственно покачивая бедрами. Айкен рванулся к окну, распахнул его, высунул голову, чтобы подставить лицо холодным струям, но морось в считанные секунды сошла на нет, не остудив его кожи.

Когда он вышел из спальни, то обнаружил Зою, все еще обнаженную, как Ева, на диване. Хэвен спал у нее на коле-

нях, его длинный нос впивался в ляжку девушки. Зоя медленно перевела взгляд на возлюбленного, и синева ее глаз показалась Айкену как никогда холодной. Он несмело приблизился только ради того, чтобы задать один-единственный вопрос:

– Так ты любишь меня?

Зоя помедлила. Она понимала, что своим ответом она должна сказать только одно – Айкен прощен. Но стоило ли ради этого лгать? А ответить честно она не могла. Она просто не знала, что между ними.

– Мы связаны судьбой, ты сам это знаешь, – шепнула Зоя. Этот ответ, к ее облегчению, не был ложью. Но Айкен, в отличие от любимой, возможно, не понимал, что любить и быть связанным судьбой одновременно вовсе необязательно.

В утро своей свадьбы Вивиана проснулась оттого, что во сне увидела белокурого молодого человека из медальона Клариссы. Она села на кровати, ослепленная льющим из окна светом, потерла загудевший лоб и мысленно пожелала, чтобы свадьба каким-нибудь чудесным образом оказалась отложена на несколько дней. Или, может быть, месяцев. Девушку колотило от ощущения надвигающейся бури, от разъедающей, как ржавчина, тревоги. Любовь к Эдмунду была тут совершенно ни при чем, ведь брак в их случае случился лишь приличиям, долгу перед светом, в котором ни жених, ни невеста все равно не появлялись с прошлого года и

не собирались в обозримом будущем.

– Вы уже проснулись, моя милая? – в комнату вплыла Кларисса, наморщила носик. – как у Вас тут душно и пахнет увядшими цветами.

Вивиана бросила смущенный взгляд на засушенную жимолость, приколотую к изголовью кровати.

– Вы что-то не сильно походите на счастливую невесту, дорогая, – женщина присела на кровать рядом с девушкой, приторная и фальшивая, как старый торт в витрине кондитерской, взяла в руки прядь волос девушки и пропустила ее меж пальцев, чтобы утреннее солнце, заглядывающее в окно, высветило их бликами.

– Я не то чтобы волнуюсь, но... Чувствую нечто странное, – замялась Вивиана. – тот юноша, портрет которого Вы мне показали, он снится мне. Его образ теперь преследует меня.

– Быть может, Вам вовсе не стоит выходить замуж? – Кларисса ласково потрепала Вивиану по подбородку и звонко рассмеялась. – о, я не имела в виду, что Вы влюбились портрет моего друга, просто пошутила. Но, будьте честными с собой, Вы таите в себе большой секрет. Бедняжка Эдмунд, Вы же убьете его. Задушите одной своей сутью.

Вивиана возмутилась и собралась было дать Клариссе горячую отповедь, но тут в спальню вошла Марта, возбужденная настолько, что едва удерживала себя от нервных подпрыгиваний. Она вытянула невесту из постели и, подозревая слу-

жанок, начала помогать ей облачаться в свадебный наряд, не переставая слащаво щебетать.

– Прелестное платье, – то и дело повторяла она, не забывая при том добавлять. – конечно, у меня было лучше, но все равно, оно чудесное!

– О да. Я думала, Вы будете честной и купите зеленое платье, милая, – проворковала Кларисса, рассматривая невесту через лорнет. – он оттенит бы Ваши прекрасные волосы... И, в конце концов, это было бы справедливо.

Вивиана побелела. Она не поняла, что имела в виду женщина, о каком знании пыталась намекнуть: раскрыта ли тайна ее добрых отношений с Эдмундом или связь с Сияющей страной?

– Благодарю за совет, но Эдмунд предпочитал голубой, – едва ли не скрипнув зубами, пробормотала девушка, отведя взгляд.

Кларисса отошла к окну, взяв принесенный горничной бокал, а Марта захихикала, прикрывая рот рукой. Второй же она цепко держала шнурки корсета Вивианы. Той хотелось дернуть плечом и вырваться, но она сдержалась.

– Она ведь имела в виду, что вы с Эдмундом...

– Да-да, то же самое, что вы с Уолтерсом.

Марта отшатнулась, сама отпустив завязки платья Вивианы.

– Не равняй меня с собой, ты... ты...

Вивиана со вздохом потеряла гудящий лоб, тем не менее,

не поворачиваясь, и вскоре вновь ощутила, как Марта несмело затягивает на ней шнуровку.

– Непорочность до свадьбы, целомудренность после – не так ли говорят в проповедях? Вам лучше знать, ведь Вы посещаете церковь каждое воскресенье, и все же я неплохо разбираюсь в том, что обычно говорят священники... Послушайте, Марта, – Вивиана обернулась и зашипела, приблизив свое лицо к носу вновь глупо разулыбавшейся миссис Купер. – я знаю, что не нравлюсь Вам, а Вы не нравитесь мне и о том прекрасно осведомлены. Но не мешайте мне делать Вашего брата счастливой, если Вы им дорожите.

Марта засопела, обиженная. Кларисса, все еще стоявшая поодаль, не должна была слышать их разговор, но, однако же, она тотчас оставила бокал и приблизилась к девушкам.

– У меня французское отношение к любви, – бросила краем рта Вивиана, торопясь, чтобы Кларисса не разобрала. Но она все прекрасно услышала.

– "...француженки – рабы приличия не более, чем их соседки" – с усмешкой продекламовала Кларисса. – англичанки, "...холодные и надменные с виду, но на деле горячие, сладострастные и мстительные; они менее остроумны и рассудительны, чем француженки; последние любят язык чувств, первые предпочитают язык наслаждений; но в Лондоне, так же, как и в Париже, любят, расстаются, снова сходятся, чтобы опять разойтись."

Вивиана непонимающе вскинула ресницы на компаньон-

ку Марты. Женщина ухмыльнулась.

– Это из "Нескромных сокровищ". Тот самый Дидро, который Вас утомляет. Видимо, Вы заснули прежде, чем дочитали до этого места.

Хэвен уладил дела с прошлой квартирой. Его не было весь день, и Зоя чувствовала себя неудобно.

– Время заканчивается, – она сжала кулак, глядя, как напрыглись венки на запястье. – черт побери, как это паршиво.

– А ты чего-то ждешь? – поднял бровь Айкен, еще не забывший ночной ссоры, – только не говори, что своего коронованного безумца. Я уже привык, что он не крутится возле нас. И, поверь, мне нравится это положение дел.

Однако в гости все-таки кое-то пришел. Стоило двери закрыться за возвратившимся Хэвеном, как она распахнулась вновь. Вместо короля Неблагих к ним явилась Кларисса. Она была одета согласно моде девятнадцатого века, и, увидев ее, Зоя вспыхнула: вспомнились сны о прошлом, в которых гостя выступала в роли, ничем не благородней той, что исполняла сейчас.

– Надеюсь, Вы ждали меня, – с улыбкой произнесла Кларисса, сделав упор на последнее слово. – еще больше надеюсь, что вы скучали, милые детки. И ты, Хэвен.

Сидя обошла застывших посреди комнаты Айкена и Зою, рассматривая со всех сторон. По ее мнению, они сильно похорошели с их последней встречи. Оба напарника, по сути

своей, были схожи в том, что с точки зрения красоты, оба обладали если не сказать, что непримечательными, но уж во всяком случае не поразительными лицами, тогда как за счет выглаженных упражнениями тел их обоих можно было назвать привлекательными. Кларисса помнила, каковы они в бою – молодые звери, первобытно-дикие, прекрасные в своей выпущенной наружу хищности. И вот теперь, напитавшись магией, изменившись за полгода, они излучали такую энергию, которая невольно вызвала восхищение. Кларисса не могла дожидаться, когда же ее любимые игрушки снова схлестнутся с воинством Сияющей страны.

– Мы не ждали, после всего-то, что произошло... Но я чувствую, что должна извиниться, – с тяжелым вздохом Зоя протянула Клариссе руку. – я была во многом неправа. Теперь я понимаю, что Выше желание сблизить нас с Айкеном было продиктовано лучшими чувствами.

Женщины пожали друг другу руки. Кларисса при этом выглядела так, словно опасалась, что у Зои из ладони выдвинется острый шип и ранит ее. Но ничего подобного не случилось – только Зоя сжала руку Клариссы, не желая отпустить, и сказала сиде в лицо:

– Однако во многом, я уверена, мы угадали. Может быть, за то, что случилось в Ламтон-холле, Вы и испытываете вину, я не знаю, ведь узнала еще не о всем своем прошлом, но... то, что Вы играете и на нашем поле, и на поле Габриэля, очевидно.

Пальцы Зои разомкнулись, Кларисса прижала освободившуюся руку к груди, потирая отдавленные пальцы.

– Я бы не стала утверждать так безапелляционно, милочка, – несмотря на то, что ладонь женщины стремительно краснела, ее голос не выдал ни страха, ни обиды. Гостья осталась все так же насмешливо-благодарна. – особенно в лицо тем, кто пришел тебя облагодетельствовать.

Зоя с сомнением сложила руки на груди.

– Сперва покажи, за что мы должны быть с тобой любезны.

– Хм. Рада видеть, что все по-прежнему. А я боялась, что ты изменилась, – сида достала из-за спины тряпичный сверток, словно выудила его из воздуха. – смотри, что я принесла тебе. Кажется, это что-то случайно осталось в Аннунне и как следует испило волшебства.

Женщина протянула Зое... о, она уже догадалась, что. Девушка просунула руку под ткань так, чтобы ухватиться за рукоять, стряхнула тряпку, укрывавшую меч, на пол и с удовольствием коснулась лезвия ладонью. Знакомая, родная тяжесть, привычный металлический холод.

– Немногие выходцы из холмов способны коснуться железа и не обжечься. Тебе, кстати, полагается еще один дар, – небрежно уронила Кларисса. – от одного из герцогов Двора.

Она махнула кистью, в воздухе что-то блеснуло – Зоя скинула свободную руку и поймала подарок. Из ее кулака свисала, мерцающая, цепочка с кулоном-трикветром – тремя со-

единенными фигурами, называемыми "рыбьи икринки".

– Знак Богини, – пораженно выдохнула Зоя. – как это понимать?

Кларисса ухмыльнулась.

– Может быть, так, что ты снова принята Двором. Кое-кто об этом позаботился.

– Кто же?

Сида не ответила, только плавно повела плечами, как бы говоря – это не важно. И впрямь, назови она имя, Зоя бы не вспомнила его обладателя.

– Тот, кто приходит ночью, – наконец задумчиво произнесла Кларисса, больше для себя, чем для присутствующих: у нее было в тот момент слишком мечтательное лицо, будто их с неизвестным благодетелем Зои связывало нечто большее, чем просто знакомство... И, быть может, даже большее, чем дружба. – Впрочем, если б вы познакомились поближе, вряд ли понравились друг другу.

– Что ж, теперь у меня есть меч, маска и знак Богини. Я могла бы вернуться, если бы хотела. И Габриэль не имел бы права помешать мне, не нарушив при этом закон. Я могу пройти с боем, как мстительница или, напомнив ему стародавние правила Сияющей страны, как полноправная жительница Двора.

– Да, – сида расплылась в улыбке, будто добравшаяся до сливок кошка. – я подкину тебе еще пару милых поощрительных призов, чтобы ты не выглядела в тронном зале обо-

рванкой.

Едва заметное движение руки – и на спинке дивана образовались причудливые красивые туфли, корсет и бархотка.

– Сними ремни и замени их корсетом. Если собралась навестить старых друзей, не показывай слабости. Да, и не забудь бархотку! Нужно же тебе прикрыть то, что у тебя на шее. Я смотрю, вы не теряете времени даром, – взгляд сиды ненадолго задержался на оставленных Айкеном отметилах на шее Зои. Девушка невозмутимо перебросила отросшие за полгода волосы через плечо на грудь, как бы демонстрируя гостье, что, несмотря на благодарности, комментарии от нее не ждут.

– Можешь оставить себе, я не стесняюсь этого.

К этому моменту и Айкен, не понимавший ровным счетом ничего из разговора женщин, и Хэвен, напротив, понявший все до последнего слова, предпочли оставить их одних, но Зоя остановила их, махнув рукой – они с Клариссой пойдут на кухню, чтобы поговорить, не смущая мужчин. При этих словах губы сиды сложились бантиком – приторное подражание Мэри Поппинс, как в самую первую встречу, вспомнила Зоя. Эта ее личина была гаже всех прочих. Кларисса гораздо лучше смотрелась искренней. Железной леди, как бы двусмысленно это ни звучало применительно к сиде.

– Итак, девочка. У тебя тяжело на сердце, – на кухне гостья с удовольствием закурила. Мундштук у нее был новый, красивее и дороже прежнего.

Зоя не собиралась отвечать, но стоило шраму на боку отозваться глухой болью, когда она подняла руки, чтобы надеть кулон, как Зоя передумала. Кларисса заслужила толику откровенности. Хотя бы в том, что действительно без ее было бы маловозможно... Счастье, например.

– Мне тяжело. Боюсь, я сломала Айкену жизнь. И характер – без меня он чувствовал бы себя уверенней.

– Без тебя он бы спился, – махнула рукой Кларисса. – не думай, что ты сделала его тряпкой. Поверь, он будет убивать с таким же удовольствием, как и раньше.

Ноготь сиды царапнул Зою по груди, поддев кулон.

– У тебя будет шанс проверить это.

– Нет, его я не позову за собой. Это слишком опасно.

Кларисса засмеялась, вгоняя Зою в краску. Да, было довольно глупо печься о том, кого боишься выставить слабей, чем он есть... И все равно говорить о нем, как о предмете заботы. Девушка уже пожалела, что разоткровенничалась. На секунду она усомнилась в собственной искренности, но тут же обругала себя. Нет, на этот раз не было никаких чар – она сама сглупила, сболтнула лишнего. Слишком много всего произошло за последние сутки, что подорвало веру в себя у всех троих – Зои, Айкена и Хэвена.

Девушка прижала пальцы к виску, пытаясь унять пульсирующую в голове боль. Сейчас бы ей больше понравилось все еще оставаться вещью.

– Скучаешь по Симонетте? – Кларисса прищурилась, то

ли от сующегося в глаза дыма, то ли просто – по привычке.

– Я отучилась скучать по мертвым, – Зоя ответила резко, чем собиралась... подумала недолго и повернулась к Клариссе. – может быть, немного. И, возможно, потом будет хуже. Спустя некоторое время.

– Она была хорошей девочкой, ведь так? А ты лишила ее толики заботы только для того, чтобы потом твое сердечко болело не столь сильно, – сида нагнулась, так что перо ее шляпы защекотало лоб Зои. – ведь как только у тебя появился Айкен, ты захотела жить подобно человеку. Семья и прочие телячьи нежности. Но ведь всегда помнила, что нельзя. И ты отстраняла от себя крошку Симонетту, чтобы потом самой не страдать.

– У нее был Хэвен, – пролепетала побледневшая Зоя. – и я все равно знала с самого начала, что она умрет. Хотя бы подсознательно я знала, что она под чарами. Она почти не переживала из-за смерти брата, ей все было безразлично. Ей не было нужно мое участие. Как хорошо, что она не страдала, а теперь воссоединилась с братом и родителями.

Кларисса усмехнулась – так, будто знала что-то невообразимое.

– Думаешь? Значит, удалось себя убедить, чтобы избавиться от раскаяния?

И тут Зоя не выдержала. То есть – сперва она зажмурилась, глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться и дождаться, пока перед ее глазами прекратит проматываться желанное

видение: ее кулак, сминающий нос Клариссы набок. Но больших успехов Зоя не достигла: она так и не смогла успокоиться как следует.

– Ты просто гребаный вампир, – прохрипела она. – жрешь наши негативные эмоции. Выводишь на них, а потом поглощаешь.

Кларисса скривилась и оттолкнула девушку. Та пошатнулась и ухватилась за стол свободной рукой, но не упала. Только посмотрела на сиду несколько удивленно.

– Ты напрягаешься по пустякам. Смотришь не в ту сторону, – безмятежно улыбнулась Кларисса. – подумай еще об этом. У тебя осталось не так много времени. Сегодня и завтра – до того, как Дворы закроются до самого Йоля.

Глава восьмая

Эта девушка – не знаю, чем будет, но способна быть всем, чем захочет. Но, на свое горе, она сама не знает, чем ей быть... и, быть может, никогда не узнает.

Александр Амфитеатров, «Зоя»

– Дождь закончился, – сказал Айкен, присев на диван рядом с возлюбленной. Она кивнула, зябко повела плечом. На самом деле Зоя не замерзла: это по коже ударили тысячи магических игл, донесенных ветром. Кларисса явилась и ушла с дождем, оставив после себя запах свежих листьев и магии. Девушке невольно вспомнилось, как больше полугода назад они с Айкеном участвовали в ритуале, разделив волшебную силу на двоих. Может быть, если бы не это, они бы не были так крепко друг с другом связаны.

И тут Зоя вздрогнула: если она пойдет в Сияющую страну, она должна будет оставить Айкена. Ему нет законного хода в Дворы. Даже если она возьмет его с собой ненадолго, как помощь в бою, с наступлением утра он должен будет покинуть Аннуви, иначе умрет, как Симонетта. От одной только мысли о мертвом Айкене у Зои волосы зашевелились, ее всю пронзил ледяной ток от еще одной идеи, напрашивавшейся

следом – Габриэль не постесняется использовать Айкена как ее слабое место.

– Айкен, я... Должна идти сегодня же, – пробормотала она, глядя в стену. – иначе у меня не хватит духу. И все пойдет наперекосяк.

– Но ты же... не собираешься принести себя в жертву? – забеспокоился молодой человек. Зоя коснулась одной рукой его запястья, второй – серебряного кулона, висящего под ключицами.

– Нет, я ведь теперь в совершенно другом положении.

Девушка наклонилась и коснулась губами пальцев Айкена. Он чувствовал, что что-то не так, но не думал, что с ним прощаются. Зоя всегда вела себя настороженно и по большей части пребывала в упадническом настроении. Но неизменно побеждала и возвращалась к нему. И потому сцена, развернувшаяся в тот момент, не показалась Куперу отличной от тех, что были раньше.

– А потом мы поедем назад в Халл? Я бы хотел туда вернуться, хотя мне кажется, что мое ощущение, будто там безопасней, чем в Оттаве – лишь иллюзия.

– Да, – Зоя улыбнулась и встала. – твое место в Халле, ты прав.

Она вышла из гостиной, ни разу не обернувшись. Нет, Зоя не плакала – все слезы давно ушли. Бесплезная вода, ничем никогда не помогающая, твердила мысленно девушка. Лучше соберись для переезда в Сияющую страну, приказала она

себе, и в голове ее эти слова произнес саркастичный голос Клариссы.

Несколько позднее Зоя задумалась, легко ли ей будет сделать это, оставить Айкена? Они были вместе чуть меньше полугода, и в то же время, благодаря прошлой жизни – гораздо, гораздо дольше. Каждое утро Зоя просыпалась с памятью о бесконечных днях, наполненных взаимным узнаванием и участием. Потом, как бы между делом, она спрашивала Айкена и никогда не слышала ответа отличного от того, который в ее снах-воспоминаниях говорил Эдмунд. Теперь Зое было проще понять, как Айкен ощущал ее, незнакомую и родную одновременно, и ей стало стыдно за то, что она наговорила ему в Халле, за тычки и пощечины, не всегда соразмерные его прегрешениям. Она чувствовала себя так предельно виновной, такой бессильной – а какое бы было счастье вернуть время вспять и переделать прошлое! Не далекое, а те майские дни, от воспоминания о которых ныло живое сердце. Зоя ощущала себя в достаточной мере виноватой, чтобы расплачиваться за то вечной разлукой.

Казалось бы, это время было не так давно – и, однако же, годы и годы прошли с того мая. Все изменилось. Близилась беспощадная зима.

В церковь Эдмунд и Вивиана отправились в фаэтоне. Некоторые гости последовали за ними сразу же, некоторые, прибывшие в Ламтон-холл в самое утро церемонии, оста-

лись ненадолго, дабы успеть привести себя в порядок. Вивиана предполагала, что просто большинству из них не интересна церемония как таковая, в отличие от следующего за нею праздника, а также ее смущало подозрение, что все друзья брата и сестры Купер подобны им по сути – и потому не жалуют дом Божий.

Мистер Тауэр по случаю праздника встал с постели и теперь катил в коляске в середине процессии, поддерживаемый подушкой с одной стороны и Реттом с другой. Старик храбрился и обещал собрать все силы, чтобы отвести любимую дочь к алтарю, как полагается. В общем же и целом, на пути к церкви не произошло ровным счетом ничего, если не считать того, что чуть не была задавлена попавшаяся под колеса процессии свинья, тотчас резво бросившаяся прочь, спасая свою жизнь.

Ничего не предвещало бури, небо сияло чистой голубизной, воздух был свеж, лица гостей раскраснелись. Эдмунд счастливо улыбался невесте. И все равно – что-то беспокоило Вивиану. Стоило ей закрыть глаза хоть на секунду, даже просто моргнуть, как перед внутренним взором возникал неясный портрет белокурого молодого человека. О, проклятие, твердила про себя девушка, не в силах позабыть о навязчивом видении до самого того момента, пока не оказалась у алтаря.

Мистер Тауэр, надо сказать, держался блестяще, даже на скамью прошел и сел без помощи Ретта.

Священник начал церемонию. Он сказал все полагающиеся слова о священной роли брака, что в иной ситуации могло бы вызвать на лице Вивианы хитрую диковатую улыбку, но теперь спровоцировало лишь зевоту, с трудом подавленную усилием воли.

Наконец, священник громко спросил, может ли кто-нибудь назвать обстоятельства, препятствующие заключению брака. Сказал он это не слишком воодушевленно, явно привыкший к тому, что данная часть ритуала – не больше, чем рутина, дань старине. Он уже было приготовился читать дальше, как тут церковь содрогнулась от боя колоколов.

Вивиана закрыла глаза, прислушиваясь, готовая к тому, что сейчас в двери церкви войдет кто-то, кто сможет помешать ее браку с Эдмундом – сердце стучало громко, неровно, как катящиеся с вершины горы беспощадные камни. Но время шло, а в двери никто не входил.

– Думаю, мы можем продолжать, – шепнул Эдмунд священнику.

И тут двери все-таки открылись.

Вивиана в ужасе зажмурилась, но всего на мгновение: и посмотрела на вошедшую женщину. Это оказалась всего лишь Кларисса с безумным вульгарным пером на шляпке. Она присела вдалеке, полускрытая колонной и кивнула, будто посылая свое персональное благословление жениху и невесте.

Дальше все пошло своим чередом. Эдмунд и Вивиана во-

одушевленно обменялись клятвами и кольцами, и вот уже белый опал засиял на пальце новоиспеченной жены. Чудесное, явно дорогое кольцо, грозившее стать предметом зависти Марты.

Выходя из церкви и пригибаясь под дождем из риса, Вивиана непроизвольно сжала кулак, когда муж взял ее за руку. Опал жег ей палец.

Зоя надела корсет, принесенный Клариссой. Айкен напомнил ей о том времени, когда они только-только познакомились и выходили на охоту на броллаханов: как тогда она не хотела надевать предоставленную напарником одежду! Говорила, что это слишком пошло. А вот теперь, по его мнению, ее ничто не смущало. Айкен счел это забавным, Зоя же просто была опустошена, все ей стало на какое-то время безразлично.

– Разве я не была королевской шлюхой? И разве за мою связь со смертным обо мне не стали думать еще хуже?

Айкен вздрогнул, невольно выпрямился на кресле. Его обидело в особенности то, что Зоя даже его имени не произнесла.

– Кажется, за время моего отсутствия, мода в Аннунне несколько поменялась. Или же наоборот, не знаю, – Зоя расправила подол юбки, не достающий на целую ладонь до колен, с трудом нагнулась, чтобы застегнуть перемычку на туфлях. – но, по крайней мере, я ощущаю себя несколько проще,

чем с ремнями.

– Меньше болит? – Айкен поправил воротник, глядясь в лакированную дверцу шкафа вместо зеркала. Зоя подняла на него взгляд. Ей хотелось сказать ему сейчас, что это их последние минуты вместе, но, в то же время, она не могла в это поверить. Только не сейчас, стучал в ее голове лживый, малодушный голосок, ему же лучше, если он узнает как можно позже. И в тот миг Зоя словно впервые увидела Айкена. Несмотря на то, что за окном Оттаву сковывали первые заморозки, она ощущала себя в майском Халле, ее взгляд блуждал по чудесным чертам лица молодого человека. Зоя усилием воли заставила себя отвернуться. Если бы она этого не сделала, то наверняка бы распрошались с идеей идти во Дворы (и подвергла опасности их всех), схватила возлюбленного за пиджак, прижала к себе, увлекла в теплую, излучающую иллюзию надежности норку спальни...

– Вы готовы? – Хэвен вынырнул из ванной чисто выбритый и собранный.

Зоя и Айкен одновременно кивнули. Их взгляды скрестились на мгновение, и девушка ощутила подозрение, что Айкен все понял без слов.

Ноги в туфлях у Зои замерзли настолько, что она перестала их чувствовать. Знание это вызвало в ней странную тоску: о, скоро ты все свое тело так будешь ощущать, сказала она себе. Как только пропишешься во Дворах. Девушка

нервно стиснула рукоять меча. Мачете она отдала Айкену и все свои вещи оставила ему, словно Мария-Антуанетта, она шла в иное государство, не взяв с собой и нитки, относящейся к прошлой жизни.

Айкен и Хэвен едва поспевали за Зоей. Полы ее расстегнутого пальто плескались на ветру, как паруса, на поясе билась о бедро ножны с мечом и маска мстительницы. Они приближались к пустырю, с которого в прошлый раз попали в Сияющую страну. Зоя перепрыгнула через забор, подтянувшись на одной руке – немыслимое дело, учитывая, что она была в корсете, а бок ее все еще болел, – словно хотела раствориться в синем, под цвет ее глаз, безоблачном сумеречном небе.

– Хочу сделать это побыстрее, – Зоя надела маску и сбросила пальто с плеч. – не будем мешкать. Айкен! Забери.

Он покорно принял ношу с ее плеча, поборол желание зарыться носом в еще теплый кашемир. Айкен мелко дрожал, и далеко не от холода: он чувствовал, что Зоя неспроста даже не смотрит на него. Она боялась, что если обернется, бросится на шею возлюбленному и либо останется с ним, либо заставит пойти с ней в Аннун. Туда, где ему никак не место.

– Оставишь себе. А мы с Хэвенем пойдем. – Зое пришлось несколько раз перевести дух, чтобы сказать это. Она подняла руку, желая потереть уставший гудящий лоб, но пальцы наткнулись на ажурную холодную поверхность маски. Это ощущение ее отрезвило. У тебя есть долг, девочка, напом-

нила она себе. И положила на землю карточку с руной.

Меж жухлой травы и кучек мусора зазмеился сияющий разлом... Все было вовсе не так, как в прошлый раз. Дыра в земле расширялась, словно отверзающаяся рана, распространяя ослепительный свет и запах летних цветов. Айкен "козырьком" прикрыл глаза ладонью. Он думал, что им придется прыгать, но когда край трещины достиг их ног, вспыхнул ослепительный лучистый свет, отозвался болью в глубине черепа, словно прошедшие сквозь глаза раскаленные пруты, и когда Айкен проморгался, то обнаружил их в смутно знакомом по прошлому посещению зале.

– Вот и все. – Зоя с трудом вздохнула. Страх спазмом сжал легкие, и так передавленные корсетом. Девушка обернулась, посмотрела на растерянного Айкена. – Вот и все. Тут мы должны проститься. Я не думала, что все выйдет так.

Она достала из-за пазухи карточку с руной и протянула ее ему, удерживая ее двумя пальцами.

– Не думала, что ты тоже попадешь в Аннувн. Было бы лучше, если бы Сияющая страна тебя сразу отторгла. На, держи, – девушка встряхнула рукой, и руна дрогнула, словно лежала на картонке сверху, а не была на ней нарисована.

– Хочешь, чтобы я отправился назад? – Айкен схватил Зою за запястье и притянул к себе. И пальто, и карточка упали на пол, но ни молодой человек, ни девушка не обратили на это внимание.

– Да.

Он притиснул ее к себе, обвил рукой за талию, и Зоя даже с готовностью запрокинула голову, но последнего поцелуя не вышло: Айкен не мог попасть на ее губы под выдающимся вперед клювом маски. Зоя мягко вывернулась из ослабшей хватки.

– Не думай, что мне не больно, пожалуйста, – она направилась к лестнице, ведущей к огромным золоченым воротам. Айкен не помнил, чтобы видел, как они распахиваются. Что же там было?

Хэвен задел его плечом, когда проходил мимо, и это вывело молодого человека из оцепенения. Он шагнул к уходящим – раз, другой.

– Больно? Тебе – больно?! И ради чего же ты меня оставляешь? Ради какой-то высшей цели, всеобщего блага?

Он нагнал ее у подножия лестницы, протянул руку, но вместо зоинового предплечья ухватился за перила, чтобы не упасть. Она не обернулась и остановилась не сразу, только поднявшись на несколько ступеней – достаточно, чтобы не коснуться возлюбленного даже невзначай, и тихо пробормотала:

– Мой бой – тоже веление судьбы. Что ты хочешь понять? Очень мало, что имеет в этом мире вес. Действительно меняет нас. Только любовь и война, на самом деле. Все остальное не важно.

– А если это тебя не изменило, значит, это была похоть или пустячная ссора. Ничего примечательного.

Зоя вздрогнула, медленно развернулась, встав полубоком.

– Ты изменил меня больше, чем кто-либо, – девушка облизала губы. – я хотела сказать вовсе не это. Если любишь войну, просто не успеваешь любить что-то другое.

И тут Айкен сдался. Он покачал головой – сперва неверяще, надеясь в глубине души, что это сон, а потом – понимающе. Горько.

– Я принимаю твоё решение.

Она смотрела на него сверху вниз – впервые в своей жизни. Это было странно... волнующе и болезненно. Зоя не хотела уходить сейчас, и все-таки каждый шаг отдалял ее от Айкена. Каждый, что она несмело пятясь, совершала.

Экс-полицейский стоял у подножия лестницы, зная, что ему нет хода дальше. Он попробовал широко улыбнуться, но понял, что это выглядит неестественно, пугающе, как гримаса боли, и только оставил уголки губ чуть приподнятыми – ободряюще. Он легко кивнул возлюбленной, как бы говоря: иди.

Она повернулась к нему спиной. И ушла. Это далось ей легче, чем она боялась.

Айкен опустил голову и отошел от лестницы. Не глядя, на Хэвена, буркнул:

– Ну вот и все. Я возвращаюсь. А Вы? Тоже? Или Вы можете остаться, как и Зоя?

Воин рассмеялся: не так, как обычно это выходило у Хэвена, а раскатисто, громогласно. Будто в бывшего полковод-

ца влилась сила прежних дней, покинувшая его четыре века назад.

– Куда это ты собрался? Мы никуда не уходим. Напротив, мы следуем за ней, – Хэвен указал рукой на лестницу. – я пробыл в Сияющей стране куда дольше, чем ты или даже она. Я знаю Габриэля, как никто, пожалуй, за исключением его брата.

Айкен пораженно смотрел на собеседника. Он одновременно не мог поверить, что этот человек может так полыхать мощью и властью – там, на земле похожий на скучного бухгалтера, сейчас Хэвен больше походил на древнего вождя со старинных картин. А ведь на нем были все те же потертые джинсы и старая кожаная куртка... И одновременно Айкен не смел принять, что они не расстанутся с Зоей – он идет за ней. Чтобы помочь.

Потому что – о Господи! – она в опасности! И даже не представляет, в какой!

Весь медовый месяц они провели в постели, выходя только к обеду и игнорируя завтрак, ужин и чай. Никаких гостей они не принимали и сами никого не посещали.

– Должно быть, общество ропщет, – смеялся Эдмунд. Но, на самом деле, им обоим было наплевать.

Однако и после медового месяца, когда пришлось раздать соседям требующиеся визиты вежливости, взаимное увлечение Куперов друг другом не пошло на убыль. Эдмунд не

мог даже вечерами долго читать: Вивиана, в душе оставаясь все той же дикаркой, что и прежде, садилась рядом, обвиняла его руками и ногами так, что вскоре они отправлялись в спальню. Время шло мимо них, казалось бы, не касаясь, однако то была лишь уютная иллюзия, тешившая молодых Куперов. Вскоре оба они поняли, что их счастливая жизнь сперва сузилась до размера спальни комнаты, кровати, а потом – и вовсе пропала.

Вивиана заметила это первой. Время трещало и рассыпалось у нее в руках, как иссушенная солнцем старая газета. Марта и Кларисса уехали, Уолтерс снова начал пить, хоть уже и не так буйно, как прежде, мистер Тауэр все еще не вставал надолго, хотя и общался с навещавшими его домочадцами с оставшейся словно с незапамятных времен живостью. Эдмунд... зависимости и болезни его больше, на первый взгляд, не волновали. Со стороны могло показаться, что Ламтон-холл переживает свои лучшие годы, но каждую ночь Вивиана долго лежала без сна, размышляя, отчего же что-то невыразимое так ее беспокоит. Эдмунд все чаще начал просыпаться в одиночестве, хоть и не мог сказать, будто заметил, что в чувствах возлюбленной к нему появился хотя бы намек на прохладцу. Нет, она все так же была нежна и участлива, но по утрам выскальзывала из их супружеской постели, так рано, что простыни на ее половине успевали остыть к тому моменту, когда Эдмунд спросонья проводил по ним рукой в поисках жены.

Не успела наступить осень, как Вивиана решилась завести разговор, о котором помышляла уже давно. Август распрощался с двадцатыми числами, и мрачно мерцавшие вдалеке воды реки, волновали молодую миссис Купер. От них веяло холодом, казалось ей.

Девушка покачала головой, опустила занавеску. Они с Эдмундом стояли в спальне, готовясь ко сну. Вивиана медленно подошла к постели, кусая губы, размышляя, как начать разговор. До этой секунды она не думала всерьез о том, о чем собиралась сказать, но в тот миг вдруг поняла, что для них будет лучше обосноваться в Лондоне, а не пустить корни в поместье. Девушка ждала возражений, но муж с ней согласился.

– Я хочу уехать в Лондон хотя бы потому, что проводить свои дни в Ламтон-холле мне больше нет резона. Теперь мы неразлучны по закону, и нам обоим было бы вредно гнить в глуши.

Девушка бросилась на кровать, раскинув руки.

– Я уже перечитала половину библиотеки, а все равно ощущаю, что мне нечем заняться! Приемы, балы, все то, чем развлекает себя Марта – это так скучно! И как мужчинам не считать женщин глупыми, если все их интересны сосредоточены на нарядах и гостях? А ведь если бы у них было больше возможностей раскрыть себя... О, я хотела бы писать, как мисс Остин. Это, по-моему, так увлекательно!

Эдмунд подошел, наклонился и поцеловал жену в лоб.

– Помнится, когда я привез тебе ее роман, ты возмутилась его наивностью.

– Да. Но, дай угадать, ты купил книгу лишь потому, что одного из героев звали так же, как и тебя?

Он засмеялся, краснея своим невообразимым образом – ярко, как страдающий от чахотки.

– Может быть. Знаешь, что... Ты делаешь меня лучше. Я вдруг осознал, что вся моя жизнь до сего момента была потрачена впустую... ну, если исключить годы обучения, хотя и они, признаться, тоже не были так уж ценны. Я доктор, Вивиана, я хочу лечить людей. Теперь, когда мое собственное счастье будет устроено, я чувствую, что должен помогать и другим достичь его, если это, конечно, в моей компетенции!

Вивиана подняла руку. Ее пальцы дрогнули, чуть подавшись вперед, готовые лечь на губы Эдмунда, но все же она остановилась, не зная, стоит ли ей преодолеть и без того крошечное пространство между ней и возлюбленным. Вивиана восхитилась порывом Эдмунда, ее слова о дурном, но интересном муже позабылись уже ими обоими, но саму себя девушка представляла только похороненной в глуши то ли действительно дочерью, то ли принятой в семью мистера Тауэра побродяжкой. Никакого иного мнения о себе она не хотела, ибо не чувствовала себя вправе. Это ты делаешь меня лучше, подумала Вивиана, чувствуя, что готова расплакаться от нежности.

Уже засыпая, она прильнула к его груди, разбросав волосы

по плечам любимого, и слушая, как странно неровно бьется его сердце.

Хэвен и Айкен бросились в боковой коридор, петлявший и разделявшийся. Айкен не запоминал дорогу, практически сразу же решив, что это задача не для его смятенного сознания и положившись на своего спутника. Хэвен ощущал себя в сверкающем лабиринте, как рыба в воде. Впрочем, кто знает, сколько раз он ходил этим путем и как часто? Все-таки, он был – и отчасти оставался – дини ши, рыцарем Аннувна. Экс-полицейский же сбился со счета, сколько боковых коридоров, залов и оранжерей они уже проскочили и сколько времени потратили на то – полчаса или половину ночи. Но тут Хэвен резко остановился и обернулся к своему спутнику. Он сжал плечи Айкена, как следует развернул к себе, чтобы посмотреть молодому человеку в глаза.

– Что не так?

– Хм. Знаешь, я был бы рад, если бы ты возжелал, как настоящий рыцарь на белом коне, спасти Зою в одиночестве, – в голосе Хэвена не слышалось и тени иронии. – я укажу тебе путь, а ты сделаешь то, что должен.

Айкен нервно сглотнул. Все-таки он чувствовал себя тревожно в Сияющей стране, а уж тем более – без провожатого.

– Тебе нужно сделать какие-то посторонние дела? – Хэвен кивнул. – Это касается Симонетты?

– Да, – мужчина веско положил Айкenu ладонь на плечо. –

найди леди Клариссу. Она имеет ключ ко всему. И помни самое главное – ты должен выйти из Аннувна до рассвета, так что держи руку на пульсе. Один или с Зоей, но ты должен выбраться на поверхность. Если понадобится, мы еще раз сможем спуститься за ней.

Хэвен договорил, уже развернувшись и удаляясь. Айкен смотрел ему вслед несколько секунд. Очевидно, Хэвен был действительно шокирован смертью Симонетты (и что же он собрался делать? Мстить? Но Габриэль, по идее, сейчас был там же, где и Зоя!), а самое неприятное – он забыл указать Айкену направление. Молодой человек собирался было окликнуть Хэвена, но не решился: на звук его голоса могла сбежаться стража. К тому же, пока Айкен размышлял, диниши уже скрылся за поворотом.

Что ж, рассудил молодой человек, очевидно, ему следует просто двигаться дальше по коридору, и – в противоположную сторону от той, в которую ушел Хэвен. Он побежал, с удивлением отметив, что чувствует запах Зои – легкий, свежий, фруктовый, с ноткой табака поверх... Очевидно, просто игра мозга, чтобы ноги не так сильно ныли от усталости, чтобы еще оставалось хоть немного выносливости... Но Айкен настойчиво следовал едва уловимому флеру, словно его сознание внезапно разделилось надвое: одна часть твердила, что он обманывает себя, а вторая просто заставляла его двигаться в определенном направлении.

Айкен с опозданием понял, что готов распахнуть некую

дверь: куда она вела и откуда выросла перед ним, молодой человек не смог бы ответить. Ладонь крепко стискивала золотую ручку. Иллюзия запаха Зои развеялась, из-за двери чувствовались ароматы выпечки и карамели. Слышались и голоса: приглушенные и звонкие.

Айкен хотел помотать головой и приказать себе отпустить дверную ручку, но вместо того нажал на нее и потянул на себя. Он ощущал себя как во сне: тело перестало повиноваться разуму. Запах еды манил его. И внезапно настала секунда, в которую молодой человек смог сбросить с себя чары, его нога застыла над порогом, готовая отступить назад, но в решающий миг в Айкена вдруг вцепился добрый десяток рук, и его просто втащили в комнату.

Аппетитный запах вскружил голову, как наркотик, и молодой человек, не видя ничего перед собой, потянулся пальцами к ближайшему пирожному, однако... прохладная изящная ручка хлопнула нахала по запястью. Впрочем, околдованного незваного гостя это бы не остановило, если бы только он не оказался со всех сторон облеплен шелком, тафтой и газом, ласковыми, щекочущими ладошками.

Чувствуя себя, как внезапно разбуженный лунатик, Айкен ошалело смотрел на окруживших его женщин: благоуханных, тонкокостных, обнимавших его и легко лобзавших. Ему вспомнилась ночь ритуала, однако сиды вовсе не походили на разнузданных диких ведьм, пропускавших его тело сквозь свои пальцы в минувшем мае. На самом деле, женщины эти

не были даже сидами, но, не считая Клариссы, Айкен не видел ни одной настоящей представительницы сокрытого народа, а потому не смог бы отличить украденных человеческих женщин, напитавшихся магией, от уроженок Аннубна, хоть и почувствовал, что чем-то эти леди и напоминали ему Симонетту – такую, какой она стала после возвращения из Сияющей страны.

– Он из нашего рода, – пропела одна из девушек, белокурая и бледная. – Быть может, он пришел за одной из нас? Быть может, он спасет нас отсюда?

– Спасет?.. – Айкен пришел в себя. Он вспомнил, что Зоя предупреждала его: один только укус сидской еды, и ты пропал. – В общем-то, да, я хочу вызволить отсюда одну женщину...

– Меня, меня! – наперебой заголосили девицы.

– Я... Я говорил о другой женщине, – Айкен смутился. – Определенной.

Девы тоненько заныли, как тоскующие русалки.

– О, у него есть невеста, как жаль.

Айкен слышал их шепотки, передававшиеся от одной к другой, шелестевшие, как листва молоденьких осин: некоторые предлагали не выпускать из комнатки случайного гостя, а иные предлагали, напротив, не мешать, предоставив его своей судьбе. И только бледная блондинка, прижимавшаяся к его плечу, негромко шепнула:

– Пойдем, я проведу тебя к твоей невесте.

Айкен озадаченно посмотрел на девушку, не понимая, отчего она вдруг проявила к нему такую симпатию и как намеревается исполнить свой план, но она просто взяла его за руку и, подняв палец, вывела из комнаты. Другие девы расступались перед ней, чувствуя некую покоряющую силу. Никто ни словом, ни взглядом не выразил протеста. Когда же дверь за ними захлопнулась, блондинка указала рукой в конец коридора (странно, подумал Айкен, они словно бы вышли в совсем другое место, не то, по которому он бежал на запах).

– Если твоя невеста – не человек, значит, она сида. А все они сейчас там, на празднике. Пройди в боковую дверь и смешайся с толпой, тебя не сразу обнаружат, – блондинка потупила взор и стиснула в руках край передника. Она не спешила уходить, и Айкен понял, что должен как-то ее возблагодарить.

– Что ты хочешь за свою помощь?

– Только один поцелуй. Меня уже триста лет никто не целовал. Возлюбленный мой умер давно, никто не придет выручать меня, в отличие от всех тех девочек.

– А кто они?

– Краденые дети, выросшие в Сияющей стране, и девы, отлученные от женихов. Они будут жить здесь и готовить для сидов, пока их не вызволят люди с поверхности. Готовить так, как должно, они пока не умеют, слишком молоды, так что все те яства, что чуть не довели тебя до беды – дело моих рук.

И тут Айкен осторожно приобнял блондинку, и она замолчала, тревожно ожидая прикосновения его губ. Поцелуй не вышел ни кратким, ни долгим – но дева сама прервала его, вывернувшись из кольца рук экс-полицейского и отступила от него на несколько шагов.

– Мне жаль тебя. Если бы ты выбрал одну из нас, смог бы с ней уйти и жить счастливо. А если попытаться заставить сиду жить с тобой на поверхности – ничего хорошего из этого не будет.

Айкен усмехнулся.

– Она и не сида.

А затем бросился бежать в указанном блондинкой направлении. Оборачиваться и проверять, смотрит ли она ему вслед, он даже не подумал.

Глава девятая

Нет средства согреться, если вдруг остановилось сердце,
Нет средства от смерти на свете,
Нет средства вернуться, если не получится проснуться...

Би-2 – «Из-за меня»

Один вечер не просто изменил все – он дал начало всем прочим ужасным и печальным событиям, обрушившимся на семью Куперов и Тауэров в последующий за тем месяц. Конец обеих семей был страшен и скор. Обагрившись кровью, Ламтон-холл стал историей.

Однако в первые минуты, с которых клубок бед начал разматываться, никто даже не предполагал, что им предстоят еще большие испытания, что уже успели обрушиться на их голову.

Вечер обещал пройти тихо и привычно. В открытое окно задувал теплый ветер, огонь в камине уютно трещал.

– Очки? – Вивиана со смешком присела на подлокотник. Эдмунд поднял голову.

– Да... Я порой надеваю их, когда сажусь читать.

Девушка улыбнулась, чуть склонив голову набок.

– Я столького еще о тебе не знаю.

Он нежно погладил ее по руке, потянувшейся было к

оправе: перехватил, прижал к губам, переложил себе на грудь, где уже накрыл своею ладонью.

– У нас впереди годы, чтобы это исправить.

– Надеюсь на то, – Вивиана нагнулась, чтобы поцеловать мужа в висок. Над головами у них раздалися шаги. Что это, мистер Тауэр ходил в своей комнате?

– Кажется, твоему отцу лучше. – улыбнулся Эдмунд. Он пребывал в прекрасном расположении духа, и собирался было завести с женой разговор о скором переезде в Лондон, но, когда вдохнул, чтобы начать речь, закашлялся. Что-то попало в горло, подумал он, хлопая себя по груди. Однако нечто, засевшее в легких, никак не хотело выходить наружу, напротив, Эдмунд ощущал словно вбитый под ключицы кол.

– Принести тебе воды? – Вивиана забеспокоилась. Она встала, собираясь бежать на кухню, но не двинулась с места: Эдмунд сполз на пол, зажимая губы рукой. Кашель его прервался на душераздирающей ноте, молодой человек с тихим вскриком потерял сознание. На ладони, которой он зажимал рот, остались капли крови.

– Помогите! – в отчаянии завизжала Вивиана.

Ретт и Уолтерс отнесли Эдмунда в его комнату и уложили в постель. Служанки принесли таз с водой и полотенца, но, пока они в суматохе гремели посудой внизу, молодой человек уже пришел в себя без чьей-либо помощи. Только открыв глаза, Эдмунд поискал взглядом Вивиану. Девушка по-

дошла к мужу и с участием взяла его за руку. Ледяная!

– Я в порядке, – прошептал Эдмунд. – Всего лишь отголоски моего бывшего неразумного поведения. Помнишь, как ухаживала за мной? Даже жаль, что это не повторится...

Вивиана непонимающе помотала головой, Ретт и Уолтерс за ее спиной озадаченно переглянулись.

– Я имею в виду – я встану к утру совершенно здоровым. Я чувствую себя не так плохо, как ты, должно быть, подумала, моя бедняжка. Только дай мне тот же порошок, что и раньше, пожалуйста. Разведи в теплой воде.

Вивиана прижалась губами к жестким костяшкам руки Эдмунда. Несмотря на его нарочито веселую улыбку, она внутренне содрогалась от ужаса. Не имею я права на счастье, мысленно твердила себе девушка, вот и плачу по счетам. Но Эдмунд! За что, за что в это втянут он!

О, безумная, эгоистичная тварь, ты должна была быть тверда с своим отказе! Не твоя ли неживая плоть отравила его судьбу? Те, кто знают с девами из холмов, умирают страшной смертью, а ты – самая опасная из всех, звучал в голове миссис Купер голос... Клариссы.

Вивиана быстрым шагом вошла в комнату отца и, отведя руку со свечой как можно дальше в сторону двери, чтобы случайно не разбудить больного, взяла у него с тумбочки конвертик с порошком. За столько месяцев ухода за больными она уже бегло отличала одно лекарство от другого. Виви-

ана собралась было уходить, но, стоило ей развернуться, как она услышала скрип кроватных пружин. Тауэр сел на постели.

– Зажги свет, милая, – попросил он. Вивиана медленно обернулась. Пляшущие блики, бросаемые свечой, трясущейся в дрожащей руке, высвечивали розовощекое лицо мистера Тауэра.

– Кажется, я чувствую себя лучше, дочка. Не принесешь ли мне газету? О, и кружку какао, – старик стрельнул живыми ясными глазами в сторону окна. – Душновато тут, не правда ли? Кстати, как там Эдмунд?

Стиснутый в кулаке конвертик скрипнул и порвался. Порошок тонкой струйкой побежал по платью Вивианы на пол. Она не заметила ничего из этого. Все внимание девушки заняли воспоминания, так кстати воскресшие: разговоры Уолтерса о феях, то мрачные намеки Ретта, то странные поступки Эдмунда... Все складывалось в одну – совершенно ясную! – картину.

– Тауэр! – позвала Вивиана дрожащим голосом. – Вы же оттого продали дом, что Ваше здоровье начало ухудшаться. А ни один из хозяев Ламтон-холла не умирал своей смертью.

Тауэр смотрел на приемную дочь, обескураженный. Вивиана сжала кулаки, облизала губы, стараясь не расплакаться.

– Ну Вы и скотина! – выплюнула она, и эти слова обожгли Тауэра сильнее, чем могла бы пощечина. – Вы хотя бы сообщили Эдмунду, на какую сделку он идет?

– Я не... не понимаю, о чем ты.

Вивиана с горькой усмешкой покачала головой и покинула комнату приемного отца. Ей хотелось крикнуть что-нибудь злое, вроде "я позабочусь, чтобы червя достались именно Вы!", но это было бы неблагодарно. Тауэр дал ей все, что мог. А то, что он подставил Эдмунда... Никто в поместье не был праведником, так что стоило ли упрекать старика, что тот просто пытался прожить немногим дольше отпущенного?

Вивиана делала над собой невероятные усилия, пытаясь простить отца. Или, по крайней мере, не думать о его преступлении так уж часто.

За вторым конвертиком лекарства пошел уже Ретт (он ничего не сказал об оставшихся на воске свечи отпечатках пальцев Вивианы, хоть и посмотрел на них изумленно). От порошка Эдмунду на сутки стало лучше, но на следующий же день приступ повторился. А вот мистер Тауэр ощущал себя все более полным сил и энергии. Казалось, бывший и нынешний хозяева Ламтон-холла превратились в сообщающиеся сосуды: только один из них мог быть здоров, тогда как второй обрекался на муки от недуга. Вивиана, метавшаяся в отчаянии, послала за Мартой, но та не приехала, сославшись на внезапный визит мужа, однако прислала вместо себя доктора, который осмотрел Эдмунда и посоветовал ему ехать в Лондон, так как сам он не смог сообщить ему совершен-

но точный диагноз болезни. Несмотря на недавние планы по переезду в столицу, такому совету никто не обрадовался.

Доктор прислал еще порошка, Эдмунд начал поправляться, и вскоре уже вновь начал выезжать с Реттом и Уолтерсом на охоту, как ни в чем не бывало. А вот мистер Тауэр, хоть и не впал в прежнее полуживое состояние, снова слег. Он стал меньше спать, чем в худшие свои дни, однако ноги его никак не держали.

И странными эти стремительные таинственные перемены казались только одному человеку во всем поместье. Вивиана проводила ночи то в библиотеке, то рядом с мужем – в зависимости от того, как он себя чувствовал. Будто при малярии, его приступы словно не оставляли после себя следов, но ровно через сутки снова возобновлялись. В Лондон ехать больше не хотелось, хотя Вивиана и понимала, что врач Марты прав. Если подгадать время, Эдмунд мог без труда перенести переезд.

О, и какая, все-таки, была мука – знать, что здоров может быть только один из дорогих тебе людей, либо муж, либо отец! Вивиана не находила себе места, как только вновь начинала думать об этом. Однако, как бы ни были важны сии мысли, порождаемый ими страх отступал перед перспективой встречи с монстром – легендарным Ламтонским червем, чудовищем, в своем роде, похожим на дракона, – от одного подозрения, что его нападение возможно, Вивиана не могла дышать. Вряд ли он стал бы выбирать, кто действительно-

но наследник древнего рода и хозяин поместья, а кто – нет. Но угадать, что именно разбудит его и вернет к жизни, было невозможно.

Возможно, впервые Вивиана не проклинала свою неестественную природу, хоть и получала от нее ныне несравнимые с прежними мучения. Она ощущала пробуждение червя почти физически: набухающие темной холодной кровью вены, расправляющиеся мышцы, расходящиеся кольца огромного хвоста, слежавшегося в бездействии... Но где монстр обрел свое пристанище, которое собирался вскорости покинуть ради жестокой охоты, она не могла даже догадываться. На миг то там, то тут можно было заметить движение, но кто мог поручиться, что это не шутки ветра?

Вивиана смотрела в окно, пока не заболели глаза, тщившиеся рассмотреть на улице червя. Но никаких признаков его присутствия не было видно. Девушка задернула шторы и повернулась в комнату. После мрака улицы, свет свечи ослепил ее на секунду.

– Что-то не так? – спросил Эдмунд, и Вивиана вздрогнула, хоть он и сидел на кровати, развязывая шейный платок, уже несколько минут, ожидая, пока она оторвется от окна. – Что с тобой?

– Прости, задумалась.

Вивиана подошла к мужу, повернулась спиной.

– Помоги расстегнуть, пожалуйста.

Он повиновался. Они разделись и легли в кровать. Эд-

мунд потушил свечу и приготовился смежить глаза, но прежде, чем его ресницы опустились, молодой человек ощутил прикосновение к плечу, отчего настороженно приподнялся на постели.

Силуэт сидящей Вивианы вырисовывался на фоне окна. Луна вышла из-за туч, огромная, сияющая, как бедро богини, и даже сквозь портьеры светила так ярко, словно в небе висел фонарь – простыня и лежащая на ней рука жены казались Эдмунду идеально белыми. Собравшись с духом, Вивиана рассказала мужу о Ламтонском черве, который вновь бродит по окраинам поместья.

– Я уверен, тебе показалось, – сказал мистер Купер не слишком уверенно, когда она наконец завершила свой рассказ. Молодой человек хотел бы в это верить, но уже понимал, что жена не стала бы фантазировать на пустом месте.

Эдмунд опустил голову на подушку, и кровать показалась ему холодной, как снег.

Вивиана легла рядом и поцеловала Эдмунда – и тот чуть было не отпрянул, напуганный непривычным вкусом ее губ, соленых и обветренных. Но они все же занялись любовью, хоть тревога так и не отпустила мистера Купера.

А вот Вивиана отдалась супружескому долгу с такой страстью, как еще никогда прежде.

Зоя толкнула двери в зал – они поддались легко, без труда. За время ее отсутствия они, вероятно, открывались весь-

ма часто. Зоя про себя ухмыльнулась: ну да, Габриэль любит балы. И теперь она надеялась увидеть его во всем блеске на троне, окруженным пляшущими гостями и придворными. Должно быть, и Медб во всем своем великолепии сидела рядом с королем Неблагих, забыв о том, что она мужняя жена, что правит другим Двором... Зоя прищурилась, проверяя верность своей догадки: и половина ее Двора пришла с ней, как пить дать. Все-таки праздновался Самайн! Но прежде, чем девушка смогла рассмотреть, что же находится в противоположном конце зала (ее ослепило сияние тысячи волшебных огней и магические отблески, наколдованные модницами Аннувна на свои руки и шею, увешанные и без того сверкающими драгоценностями), в ее живые легкие прополз призрачный запах ушедшего. Ностальгия уколола в край глаза – и Зоя сморгнула крохотную слезку.

По толпе гостей прошел шепоток. Кто-то не узнавал ее, но большинство, конечно же, передавали из уст в уста – изгнанница, легенда, мстительница, Вида! Сиды бежали с ее пути, как застигнутые врасплох светом ночные зверьки, толпа расступалась перед нею, будто море перед пророком.

– Эй, Габриэль! – крикнула Зоя, приблизившись настолько, что стали различимы троны правителей Дворов. Король нахмурился, рассмотрев, кто перед ним, привстал, отпустил белую нежную руку сидящей рядом Медб.

– Вида?

Девушка присела в полуиздевательском реверансе.

– Ты с таким пылом добивался меня последние полгода, что я надеялась на то, что Самайн мы проведем вместе. Но ты не пришел и не прислал мне приглашение...

– Да как она смеет! – зашипела Медб. – Стража! Взять же ее!

Меч Зои с характерным звуком покинул ножны и засиял в свете магических свечей. И без того начищенная до блеска сталь отбрасывала напитавшиеся волшебством невыносимо яркие блики на стены зала. Знаменитый стальной клинок живой куклы принцев с пауком на гарде – теперь даже те, кто был слишком молод, чтобы помнить Зою лично, поняли, кто явился на Самайн.

– Я не дождалась приглашения от тебя, так что пришлось воспользоваться учтивостью кое-кого иного, – Зоя свободной рукой взялась за кулон и оттянула цепочку, чтобы Габриэль смог рассмотреть знак Богини получше.

К девушке тем временем двигались решительно настроенные дини ши и слуа: шестеро стражей с закрытыми лицами и двое рыцарей в черных доспехах. Меч ее крутнулся в воздухе, рассылая солнечных зайчиков по лицам бойцов, и тут Зоя вогнала его в пол наполовину, так что мрамор пошел трещинами, а клинок загудел. Габриэль и Медб дернулись от этого звука. Дини ши и слуа отпрянули, потеряв равновесие от плеснувшей на них могущественной древней силы, вызываемой наполненным колдовством мечом и сталью, из которой тот был сделан.

– Смотри, я безоружна. Неужели ты не хочешь примирения, Габриэль? Я не трону тебя, а ты – моих друзей.

Стража застыла в нерешительности, обратив лица к тронам, ожидая следующего приказа. Король, потирая подбородок, несмело спустился с возвышения, на котором стояли троны, и двинулся к непрощенной гостье, выставив вперед руку, словно боялся обжечься. И все же, очевидно, в душе своей он уже принял решение.

– Так, значит, ты хочешь купить своей жизнью жизни смертных, изменница? Вот это да. Неужто человеческая девочка проняла тебя? Или ты боишься за своего кудрявого дружка?

Правитель Неблагих кружил возле Зои, рассматривая ее со всех сторон, едва ли не обнюхивая. Девушка не шелохнулась, разрешая ему составить впечатление. Медб тем временем прятала недовольное лицо за белым веером, не желая смотреть на изменницу, обманом просочившуюся в Сияющую страну.

Почувствовав, что риск прямой конфронтации миновал хотя бы на время, Зоя сняла маску и взбила волосы, намеренно двигаясь так, будто ее появление в зале было совершенно закономерным. Музыканты, застывшие, когда Вида вошла в зал, вспомнили о своих обязанностях и снова заиграли, однако в мелодии смутно чувствовалась некая нервозность. Неожиданно для всех, король вдруг протянул руку Зое, приглашая ее на танец. Как в старые добрые времена.

– Рад, что ты приняла правильное решение, какими бы соображениями ты ни руководствовалась.

– Нет, это я рада, что ты рассудил верно. Я уж было побоялась, ты сделаешь ошибку, все еще не натешившийся своей властью.

Девушка повела плечами, заставляя правителя неблагих задуматься, проступали ли под алым жакетом полосы или нет.

– Ты пахнешь все так же, как и раньше, – без выражения пробормотал Габриэль. Взгляд его примерз к гостье, как у нашедшей добычу ночной птицы.

– Да, прошлым, которое не вернуть.

Зоя приняла руку, но, шагнув вперед, вздрогнула и отшатнулась, чуть не упала, запнувшись о собственную ногу. В лице Габриэля она видела больше не его – Карла. И что-то в ней всколыхнулось, давнее, древнее, впаянное в сердце. Хотелось броситься на это лицо, сжать его руками, покрыть поцелуями и оставить на своей груди, да будь это и впрямь Карл, так бы Зоя и сделала... Но это был не он. Злой допельгангер, коронованный преступник и садист. Это не он, не он, застучало в висках Зои, и секунду спустя ее затопило невыносимое чувство стыда за двойное предательство: она простилась с Айкеном этой ночью, но не сердцем. А Карл был еще полгода назад надежно ею упрятан в глубь сознания, даже несмотря на то, что она была единственной, кто мог привести его в Аннувн. Она подарила двум мужчинам

не любовь – погибель. И вот теперь Зоя начала подозревать, что снова – по своему обыкновению – очертя голову, бросилась в новую бездну, отрезав себе пути к отступлению и даже не задумавшись о том, что оставляет за собой. Странно, что Хэвен не выпорол меня, подумала она, и тут музыка заиграла громче, ноты зазвучали напряженней, словно отрезая двух танцующих от всего остального мира: гостей, королевы Благого Двора, волшебных огней...

– Рядом с тобой я чувствую себя настоящим законным королем. Впервые за четыреста лет! – Габриэль прижал ладонь Зои к щеке, потерся о нее почти ласково. Не давая девушке опомниться, он перехватил ее за талию, еще бессознательную, плавающую в воспоминаниях, и они закружили по иссеченному свежими трещинами полу. Придворные и фрейлины отхлынули к стенам зала, освобождая паре место.

– Знаешь, а ведь я поняла. Ты оставил мне память о Карле не из милости. Как раз наоборот, чтобы я искала его и мучилась оттого, что это сложно, а потом не забывала, как теряю! – Зоя закрыла глаза, смаргивая выступившие слезы. – Ты садист. И искусный садист! Всю свою долгую жизнь я не могла даже забыть в чьих-то чужих объятьях, потому что помнила о Карле. Потерянный возлюбленный, не дающий мне...

– Неправда! – Рывкнул Габриэль, раздраженно встряхнув руку девушки и стиснув ее так, что у обычного человека сломались бы кости. – Ты смогла! И не раз! Ты отдалась этому

смертному, почти не сопротивляясь!

– Но я страшно мучилась, и ты прекрасно об этом знаешь. Наверное, ты на самом деле страдаешь гораздо меньше, чем делаешь вид. Мои связи со смертными тебя радовали – ведь каждая из них приносила мне только боль.

– Это так, – король улыбнулся. Его глаза наполнились ликованием, торжеством пирровой – но победы.

– Ты подглядывал, не правда ли? В свои магические шары, зеркала, или чем ты там привык заполнять свой досуг?

Он не ответил, делая вид, что увлечен танцем, крутнул партнершу вокруг оси, резко вывернул запястье, останавливая ее движение и привлек к себе. Голова Зои покорно и безвольно склонялась на плечо, откидывалась назад, когда фигуры танца менялись.

– Ты такая красивая, что я забываю, как дышать.

Привычная, лишённая смысла фраза. Зоя уже и перестала считать, сколько раз она слышала ее. Габриэль произносил комплимент без выражения – всегда. Словно отдавал дань этикету, но не больше.

– А я... Рядом с тобой я чувствую себя голой и сломленной... когда слышу что-то такое.

Габриэль стиснул пальцами челюсть Зои, притянул к себе, словно для грубого, кусающего поцелуя.

– Просто скажи, что любишь меня, и я тебе поверю.

– Вот как? Странно, ведь ты лучше других знаешь, что для меня слова ничего не значат, – Зоя усмехнулась, и тут же

прикусила язык. Она вспомнила, что не смогла сказать этого Айкену! У нее никогда не было проблем, чтобы соврать – в том числе себе – относительно испытываемого ею чувства любви, но... не тогда, когда единственный человек, который изменил ее жизнь, просил этого. Ему требовалась такая малость – а она отказала.

– И все же...

Их танец разладился. Руки уже переплелись под странным, диким углом, словно предвосхищая поединок, ноги запинались, не поспевая за музыкой. И в Зое, и в Габриэле закипал гнев. Он перестал видеть в ней прошлое – покорное, подвластное ему, она перестала искать среди его нервных, капризных черт отголоски облика Карла. И все же, какое-то чувство помимо ненависти клубилось между ними, не давая разорвать сплетенье рук. Как и раньше, они чувствовали, что успокоятся, только если пожрут друг друга целиком. Быть может, даже буквально.

– Я не понимаю, король, объясни мне, – Зоя выдержала паузу для улыбки. – Каково это? Жить так. Я могу вообразить себе жизнь, полную любви или полную ненависти. Но твое существование полно страха. И ничего больше в нем нет.

Габриэль вздрогнул, словно внезапно потерял точку опоры, взглянул на партнершу диким взглядом.

– Я знаю о страхе больше, чем ты можешь себе вообразить. Твоими стараниями я знаю о нем все! Сначала ты лю-

бишь страх, потому что он тоже первобытен, как все инстинкты, он ирреален, что роднит его с религией, – Зоя вздохнула, когда, повинувшись музыке, полуневольно прильнула к королю, а он положил руку ей на талию. – А потом у тебя появляется что-то, что ты боишься потерять. И ты начинаешь бояться страха... нет, не его самого, разумеется, только тех ситуаций, которые его вызывают. И это лучше, чем...

Зоя чувствовала, что Габриэль берет над нею какую-то странную власть: она обмякала в его руках, таяла от его дыхания, становилась податливой и пластичной, как мокрая глина.

– Лучше, чем что?

– Чем жить, как ты.

Король обнял девушку, согрел шею дыханием.

– Да неужели, птичка?

Зубы Габриэля сомкнулись на мочке ее уха, дернули... Зоя охнула от пронзившей до затылка боли. Король улыбнулся ей окровавленными губами, демонстрируя прикушенную сережку, затем выплюнул украшение куда-то в сторону. Зоя схватилась за ухо – цело. Саднит место укуса и ноет дырочка, пострадавшая от безжалостного выдергивания серьги, но в целом – все в порядке. Можно было не обращать внимания. Зоя сама не заметила, как попала под чары короля – быть может, естественные... и, – кто знает? – вполне похожие на человеческие, когда не знаешь, отчего не обращаешь внимания на боль, причиняемую, к тому же, так бесстраст-

но, мимоходом. Девушка оттолкнула партнера от себя, но не бросилась на него с кулаками. Она просто стояла, держась за ухо, а кровь лилась ей на плечи и пропадала, впитываемая красной тканью жакета.

Медб с усмешкой наблюдала разыгрывавшуюся перед нею сцену, с любопытством сощурилась, рассматривая руки Зои. Распухшие от упражнений – но откуда королеве было знать об этом? Она скользила взглядом по округлости над локтем: что там? Мышцы, кость? Что за мясо и мясо ли вовсе? Как знать, быть может, обратившись в человека, Вида-птица, Вида-зебра забросила тренировки, а без магии руки ее заплыли жиром?

Зоя почувствовала на себе взгляд, словно холодное прикосновение.

– Леди Медб? – девушка вежливо выгнула бровь, оставив ухо в покое. Ее взгляд говорил: проверьте, если хотите знать, я разрешаю. Если любопытство гложет Вас изнутри, проверьте состоянье этих рук боем. И Медб знала, что подразумевает этот взгляд, но даже не шелохнулась. Время еще придет, кивком дала понять она.

– Идите к нам, леди Вида, займите свое обычное, – королева с ласковой притворной улыбкой поправила себя. – Свое законное место – у наших ног. Сядьте на ступени, ведущие к трону.

Все улыбки, мелкие мимические движения носом, веками, щеками – все они были в большей степени ложными.

Медб делала их не потому, что что-то ощущала на самом деле, а потому, что хотела что-то продемонстрировать. А вот ее глаза, напротив, никогда не лгали. И Зоя чувствовала ненависть, плещущую из этих ясных, как звезды, очей. Когда-то у Медб была серая радужка, когда она еще правила людьми на земле. Но теперь цвет ее глаз изменился, стал холодно-фиолетовым, нереальным.

– Что ж, охотно. Но только после Его Величества.

Габриэль прошел мимо Зои, овеяв ее запахом своих черных кудрей – горькая полынь, сладкое вино. Девушка поднялась за ним на возвышение, присела на ступени, примерно там же, где и множество веков назад, но не совсем – дальше от светлого трона Благой королевы, ближе к Неблагому королю. Габриэль взял ее за подбородок, как собачку, медленно повернул зoiну голову к себе, так что девушка откинулась назад, на локти. Ее взгляд наискосок прикипел к королю.

– Рад, что ты снова моя, полностью и безраздельно.

– Наслаждайся, – Зоя вздохнула. Захотелось курить – посреди почти оргиастического праздника, полуоглушенная музыкой, она испытала тоску, такую сумасводящую, что что едва сдерживалась, чтобы не плакать.

– Я не успокоюсь, пока ты не скажешь, что любишь меня.

Зоя попыталась высвободить подбородок, но король держал крепко. Когда-то давно он учил ее драться, вспомнила девушка, что стало с ним теперь? Сила, оставшаяся в руках, ушла из разума и характера правителя неблагих. Кто так ис-

портил его, что? Гордыня, Кларисса, недоступная Медб?

– Я запаял твою душу в камни, чтобы она уже никогда не вернулась к тому животному, у которого была изъята. Натаниэль об этом не позаботился. Не повод ли это, чтобы поблагодарить меня?

Зоя вздрогнула. Так Кларисса ошибалась, говоря, что она смертна, как все люди? Если камни будут разрушены, она не просто вернется в тело несчастного Диего – человека, который так и не стал никем, которого лишили жизни, не убив. Она исчезнет – полностью и безвозвратно... Если, конечно, король не подразумевал, что и камни отныне нельзя уничтожить. В таком случае, это сулило судьбу еще менее завидную. Но, что было еще важнее, значило ли это то, что Карл невиновен? Так брат изгнал его, сотворившего лишь плоть, оболочку, тогда как сам совершил кражу души – то самое преступление, которому в Аннунне нет прощения.

– О, за это... тебя бы стоило убить, – Зоя улыбнулась, и от ее губ на короля плеснули жалость и презрение, источаемые ею. Но его это не ранило. Пальцы пробежались по крохотной ямочке на подбородке куклы, с уверенностью удостоверившись, что она все такая же, какой он извлек ее из недр чана преобразования – воистину, подарок из подарков!

А Медб чувствовала, что хочет выцарапать Зое глаза. И впервые – вовсе не потому, что это были драгоценные "очи Этайн", прихотью братьев-принцев вживленные в пустую голову этой куклы. Но то, что блестело в глубине зрачков, за-

ставляло край губ Зои подрагивать, было ничем иным, как лукавством и торжеством. Не с миром она пришла! Она сидела у ног короля, слушала его, но не благоговела, королева ясно это видела. Эта рыжая паршивка впитывала информацию, прокручивала ее в голове и мгновенно строила планы по захвату власти. В этом Медб не сомневалась: хоть они и почти не были знакомы с Зоей и уж точно никогда не дружили, такие взгляды венценосная белая леди узнавала с первого мгновения.

– Что ты сделаешь с нею, – Медб с усилием процедила следующее слово, непривычное ее языку. – Любимый?

Габриэль вздрогнул, отвернулся от Зои, не веря, что королева могла его так назвать, впился в нее взглядом. Мысленно Медб торжествовала, но лицо ее изображало только искренний интерес.

– Я предложила бы тебе вырвать ее глаза и вставить в свою корону.

Зоя медленно высвободилась из ослабевших пальцев короля, удивленного не меньше нее.

– О нет, Медб, так нельзя! Мы не можем так поступить... с ней!

– Ты хочешь кончить, как твой брат?

Зоя встала. Она лишь отчасти понимала, о чем говорят правители у нее за спиной, но слова Медб пробудили в ней гнев, подпитавшийся и от боли в мочке, и от знания, что она больше не увидит Айкена.

– Ты забыла, что я нахожусь в Аннунне на тех же основаниях, что и ты, королева?

Медб медленно поднялась, опираясь на подлокотники кресла. Вряд ли она отсидела ногу или не могла преодолеть веса кринолина, тянущего ее к земле. Скорее, она просто продемонстрировала этим движением, как при напряжении выступают мышцы на ее едва прикрытых кружевами плечах. Я тоже воительница, как бы говорила она, и я не испугаюсь бросить тебе перчатку в лицо.

– Твоя жалкая побрякушка обеспечила тебе только вход, – жестко бросила Медб, звук ее голоса отскочил от пола и стен, как стегающий кнут. – Но никто не может ручаться, что ты выйдешь хотя бы из этой комнаты. Не добавляю слова "живой", ведь ею ты не была никогда, как ни притворяйся.

Зоя молча спустилась к своему мечу и выдернула его из пола. Не оборачиваясь, она несколько секунд собиралась с мыслями, затем бросила через плечо:

– Смелые слова о знаке Богини. Что ж, если Ее Величество хочет драки, как в старые-добрые времена, я не смею ей отказывать.

"Только вход? Мне как раз этого достаточно. Дальнейший путь пробьет мой меч."

Зоя провела пальцами по губам, стирая помаду, затем коснулась кожи под глазами – два алых росчерка под самыми нижними ресницами, словно отверстые раны, придавали ее взгляду какое-то дьявольское выражение.

Королева изящно повела плечами и подозвала служанок. Те на миг скрыли ее от взоров гостей, а из их толпы Медб выступила уже без кринолина, ее юбка с разрезом не стесняла движений. В руке блестел клинок – ничем не хуже, чем у Зои.

– Настоящий меч, – улыбнулась Медб. – Не какая-нибудь жалкая обсидиановая поделка. Я была человеком и потому могу с ним управляться. Сюрприз, не правда ли, Вида? За время твоего отсутствия мы открыли много нового. Не боишься умереть?

Зоя мотнула головой – алый всполох волос метнулся за плечо.

– Надеешься стать святой для этого народа? – Медб презрительно рассмеялась. – Расслабься, ты не годишься им в качестве объекта обожания.

– Я убью тебя, – улыбнулась Зоя. – Ты заплатишь за свой преступный сговор с предателем. Может быть, не сегодня, но, клянусь, ты получишь по заслугам.

Она вытянула руку с мечом вперед.

– Богиня этого не допустит!

– Какая гордыня! Утверждать, будто знаешь, чего хочет Богиня. – Зоя покачала головой. – Какая ты жалкая, королева. Теперь – бейся!

Зоя шла тяжело, но пружинисто, наслаждаясь ощущением от весомости своих шагов, гула, разносящегося по коридору и вибрации пола под ногами. Девушка ощущала себя

необыкновенно открытой для восприятия – будто даже воздух она могла сжать в кулаке. Невысокая, гладкая, действительно похожая на фарфоровую куколку с наманикюренными ногтями, завитыми волосами... И с высовывающимися, несущими себя взгляду татуировками, половина из которых осталась на виду – корсет не скрыл. Вида, как в старые-добрые времена, мгновенно завоевала поддержку зрителей. Ее любили прежде за то, что она даровала усладу для глаз, небывалое развлечение, и теперь за одно обещание того же ее приготовились искренне обожать.

Почувствовала это и Медб: симпатии сидов внезапно оказались не на ее стороне. Но правительница Благого Двора никогда не стремилась к народной любви, она правила, руководствуясь девизом "бей своих, чтобы чужие боялись". А вот о чем Медб пожалела, так это о том, что не может сейчас обернуться и взглянуть на Габриэля: не сбежал ли он? И на кого из них смотрит с улыбкой, кого мысленно поддерживает? Это может – и должно подождать до конца боя, подумала она.

Сталь схлестнулась со сталью – но пока еще лукаво, как в первобытном танце. Обе женщины красовались, только готовясь к смертельной сонате.

Можно было лишь удивляться, насколько хорошо высоко-родная королева владеет мечом. На самом деле, это умение досталось ей из прошлого: той жизни, когда она еще была земной правительницей и даже не очень-то верила в фей. То-

гда она многому научилась... Что помогло ей и в Цветочной стране устроиться как можно лучше.

Вскоре игривость оставила противниц. Они желали биться всерьез и наконец начали. Плечи их опустились, на рукояти мечей легли уже обе руки. Зоя приложила руку к груди, чувствуя, что ей не хватает воздуха и предвидя, как тяжело ей сейчас будет сражаться. На секунду вернув меч в оставленную им же в полу щель, девушка ухватилась за верхние края корсета и рванула в стороны, ломая косточки. Послышался треск ткани, нарисованные на груди звери с удовольствием потягивались, скаля пасти. Зоя откинула голову назад, наконец-то свободно вздохнув, чувственно облизав губы. Вкупе с ее позой и наготой это смотрелось крайне соблазнительно. Но вряд ли кто-то мог подумать о ней в тот момент, как о возлюбленной или невесте. Королева Благих опешила на миг, тут же сообразив, что прозевала свой шанс ударить противницу в незащищенную грудь. Но момент был упущен. Зоя вновь подхватила оружие и выставила его перед собой. Со стороны можно было подумать, что преимущество на стороне Виды, но на деле же она мысленно все глубже и глубже падала в глубину отчаяния: энергия, что они получили с Айкеном во время их невольного-ритуального соития возле парка, была магического свойства. И только. Физически девушка была истощена, как только может быть истощен человек на вторую бессонную ночь, когда старые раны разбережены и растравлены, а душа ноет и вопит. Вздумай она

колдовать, возможно, и смогла бы разнести противницу на атомы, но писать руны было нечем... Да и все знания испарились из уставшей гудящей головы. Зоя тяжело дышала, кружа рядом с королевой. Медб вымотала противницу, что не без гордости могла отметить, но при этом королева не лгала себе: она устала не меньше... А быть может, даже больше. И сейчас ее силы закончатся, тогда как у Зои еще будет шанс на последний рывок. Нельзя было дать ей победить!

Глава десятая

Но ты встал средь змеиных колец с обнаженным мечом
У. Б. Йейтс

Пока доктор не приехал, Вивиана нервно мерила гостиную шагами. Когда же дверь наконец распахнулась, девушка подбежала к врачу и стиснула его руку холодными пальцами. Она хотела бы возопить, чтобы он сделал что угодно – она не поскупились на благодарности! – и только спас ее мужа. Но не смогла произнести ни звука: отчасти из-за перехваченного спазмом горла, отчасти из-за внутреннего понимания, давнего, заскорузлого, теперь поднимавшегося из глубин сознания, как левиафан: выздоровление Эдмунда во многом зависит от него самого.

– Вы же понимаете, его организм слаб, здоровье подточено морфием, – сказал доктор, выходя из комнаты мистера Купера. – Сядьте, мадам.

Вивиана опустилась на софу, как стояла – спиной к ней, не глядя, с трудом нащупав сиденье рукой. Обернуться она не могла из-за сведенной в напряжении шеи. Девушка ждала, что доктор продолжит, однако он молчал, видимо, ожидая, пока она взглянет на него.

– Я слушаю, – с трудом сглотнув, наконец пробормотала

Вивиана, поворотившись к врачу. Тот смущенно промокнул вспотевшую лысину платком и начал складывать его, чтобы уложить в карман. Молчание затянулось. Вивиана от напряжения даже не могла откинуться на спинку софы: ее словно прошило разрядом тока, все мышцы и нервы заиндевели, натянулись, как канаты.

– Я бы не надеялся на скорое выздоровление Вашего мужа, – наконец, смущенно пожав плечами, сказал доктор. – Да и, если честно...

– Что? – Вивиана вмиг побелела.

– Не знаю, могу ли говорить подобное... Надеюсь, Вы не ждете ребенка?

– Нет, – отрезала девушка. – Это исключено.

– Тогда, думаю, будет лучше сказать, – доктор помялся, но Вивиана уже знала, что услышит. – И подготовиться. Не думаю, что мистер Купер еще пробудет на этой грешной земле дольше месяца.

Вивиана застонала, сжав руками виски, закусив губы, чтобы подавить горький стон. Но он все равно прорвался наружу низким гулом, похожим на рык раненого животного, догадавшегося о своей кончине. В коридоре слышались шаги: прислуга подошла подслушивать, что происходит у хозяев.

– Тише, леди, – прошептал доктор, протянув ей платок. Вивиана схватила его и прижала ко рту, заглушая стоны, не ощущая, что он пропах кислым теменем гостя. – Успокой-

тес. Ради блага Вашего мужа. Не стоит его волновать.

Доктор сжал свободную руку Вивианы, и девушка мало-помалу утихла.

– Да, верно, – сказала она. – Вы правы. Я должна быть стойкой.

– Займитесь наследством. Это отвлечет Вас, – посоветовал врач. Вивиана кивнула, не глядя на него. Она заперла в себе чувства, но как только девушка приказала себе не страдать, все краски вокруг нее словно выцвели. Миссис Купер поднялась с софы, уронив платок, и шепотом сказала, что за визит с доктором расплатится горничная. Напоследок, невыразительно поблагодарив его за визит, Вивиана направилась в комнату мужа.

Там она наконец смогла дать волю чувствам и тихо заплакала в уголке, стараясь не быть услышанной ни слугами, ни доктором, еще возившимся в гостиной, ни мужем. Успокоившись, размазав слезы по щекам, пока они не высохли, оставив только жжение на память о себе, Вивиана подошла к лежащему в постели Эдмунду. Муж выглядел изможденным – таких бледных впалых щек у него не было еще никогда на ее памяти, даже в худшие дни в Ламтон-холле.

– Я должна вернуться в поместье. Ты только дождись меня, пожалуйста, – жарко шептала она ему на ухо. – Не умирай, пока я не приеду, пожалуйста. Пожалуйста...

Она положила руку мужу на грудь, прижалась щекой к его холодному мокрому от испарины плечу, и Эдмунд с трудом

повернул к ней голову.

– Я постараюсь.

Так они и простились.

Чем дальше Вивиана была от мужа, тем сильнее становилась боль в ее груди. Реальная, физическая боль, никак не фантазия истеричной женщины. Сердце билось так, будто хотело остаться в Лондоне, возле больного. Вивиана боялась, что он умрет, а она не увидит этого, не посмотрит на возлюбленного супруга в последний раз, не скажет ему теплых напутственных слов, с которыми он вступит в вечность.

Если она, конечно, есть.

Если вообще что-то там, за порогом, бывает.

Ретт и Уолтерс не ожидали прибытия Вивианы и тем больше были удивлены, увидев ее не в двуколке или ином подобающем ей средстве передвижения, а верхом, скачущей во весь опор. Оба молодых человека мгновенно встревожились сверх всякой меры, отчего Уолтерс тотчас же заперся у себя в комнате, а мистер Кинг выбежал на крыльцо.

– Вас-то я и хотела увидеть, – вместо приветствия сказала Вивиана, спрыгивая с коня. Лицо ее, шляпку и амазонку покрывала пыль. – Давайте пройдемся вдоль реки, не откажите мне в такой малости.

– Довольно неожиданно... – Ретт растерялся. – Вы не хотели бы сперва отдохнуть с дороги?

Вместо ответа Вивиана только стрельнула глазами в сто-

рону слуги, взявшего под уздцы ее лошадь и, сдвинув брови, окинула взглядом особняк: не выглядывает ли кто в окна? Казалось, дело было серьезное, и, предчувствуя тяжкий тайный разговор, Ретт предложил Вивиане локоть.

Весь путь до реки молодые люди молчали. Только удостоверившись, что никто не может их подслушать, Вивиана заговорила... Однако к делу приступила не сразу, словно думая, того ли выбрала человека, дабы разделить с ним известную ей тайну.

– Странное ощущение, – девушка запрокинула голову, глубоко вдохнула сладкий воздух. – Раньше мы так гуляли с Эдмундом. Я скучаю по этому времени.

– Я тоже, – Кинг усмехнулся так, что нельзя было понять, о чем он говорит. Но разьяснять он не стал, только заметил: – тогда было чудесно.

– Теперь эти дни ушли безвозвратно, – нежный голос Вивианы обрел сталь и горечь, которых Ретт еще никогда прежде не слышал. – Что Вы знаете о том, месте, в котором находитесь?

– О Ламтон-холле? Немного. Старинное поместье, прежде принадлежавшее какому-то знатному роду, позже выкупленное... Оно часто перепродавалось, вероятно, оттого, что стоит в такой глуши, не слишком удобное расположение, судя по всему. Здесь все застыло, как в янтаре, немногим это по нраву. Возможно, Ваш муж и мой... наш отец – единственные люди, действительно находящие удовольствие

проживать здесь.

Ретт взглянул на собеседницу и вздрогнул. Ее сурово сдвинутые брови, сжатые губы заставили его даже попятиться на шаг.

– Так значит, – Вивиане пришлось вздохнуть, чтобы продолжать. – Вы не знаете о поместье ничего. Что ж, настала неприятная минута для объяснений. Эта земля проклята, мистер Кинг. Я изучала архивы все то время, что находилась здесь после своего замужества. Ламтон-холл – страшное место, поверьте. Оно привлекает только дурных людей, чему мы – только лишнее подтверждение. Не знаю, как Вы выдержали здесь столько времени и не стали дурным сверх меры.

– Вы мне льстите...

– Не перебивайте, пожалуйста, я собираюсь сказать нечто важное. Ламтонский червь – чудовище, некогда уже напавшее на это поместье. Ценой победы над ним стало то, что каждый владелец поместья умирает не своей смертью. И теперь оно вновь пробудилось.

– Что?!

Налетел ветер, уже по-осеннему холодный, взметнул ворох листвы за спинами молодых людей и нагнал рябь на воду. Ретт и Вивиана разом застыли, он – чувствуя, как вдруг ему перестало хватать воздуха от пронизывающего каждую клетку страха, она – от ощущения тоскливой неизбежности.

– Так вот почему, как только Эдмунд полностью вошел в права владения поместьем, здоров бывает только либо он,

либо мистер Тауэр?

– Да. И, боюсь, настало время окончательно решить – мы или чудовище. Отец плох, но Эдмунд практически при смерти. Я уповаю только на то, что успею сжать его руку, прежде, чем он отойдет в мир иной, – девушка вновь зашагала вдоль берега, и Ретт последовал за ней. – Мир, в существование которого он никогда не верил.

Какое-то время они шли молча, размышляя каждый о своем: Ретт никак не мог прийти в себя, ошеломленный, а Вивиана уже придумывала план победы над чудовищем, все слезы она уже выплакала в почтовом дилижансе.

– Червь скоро нападет. Я знаю это, не спрашивайте, откуда – Вивиана неосознанно схватилась за висевший на ее груди крест, подарок отца на свадьбу, ожидая ощутить прилив духовных сил, но единственное, что она почувствовала, был холод серебра. – Нужно возвращаться. Мистер Тауэр должен уехать из поместья немедленно. Отправим его к Эдмунду... Надеюсь, я поступаю правильно.

Вивиана вздохнула. Ретт протянул руку, желая предложить ее спутнице, но запнулся на полушаге: в метре от них, у самой кромки воды, сидела скрючившаяся женщина, с тихим плеском стиравшая белье. На секунду ее образ подернулся рябью, словно и на берегу присутствовало одно лишь отражение. Кинг потер глаза, вмиг будто припорошенные песком. Смотревшая прямо перед собой Вивиана же вряд ли отметила что-то необычное и собиралась пройти мимо, но

Ретт вцепился в ее локоть:

– Это же не наша служанка!

Девушка взглянула, куда указывал ее спутник, уже не краем глаза и ахнула: у склонившейся над водой женщины распущенные поседевшие волосы, спадающие ниже пояса, и слишком странная белая одежда, похожая на ночную сорочку... или саван.

– Может быть, это соседская? – нерешительно предположила Вивиана, понимая, как нелепо это звучит, раньше, чем договорила первое слово.

– Хотите сказать, что кто-то пешком отправился в чудовищную даль, чтобы выстирать белье в нашей реке? Что за странное представление о рационализации труда? – мистер Кинг пытался улыбнуться, чтобы прогнать страх, но не смог.

Вивиана фыркнула, и тут женщина у ручья подняла голову, медленно обернулась и вперила в молодых людей полубезумным взглядом глубоко запавших красных глаз.

– А-а-а, а вот и вы, – сказала она так, словно ждала именно их, к тому же – настолько долго, что притомилась. Ретт и Вивиана переглянулись. Они абсолютно точно видели ее впервые.

– Пожалуй, нам лучше уйти, – пробормотала миссис Купер, дернув спутника за рукав. Но его ноги словно приварились к земле, да и она сама с трудом ощущала в себе силы хотя бы развернуться.

– Оставайтесь, – прошипела женщина с издевательской

лаской. – Я ведь так готовилась встретить вас с новостями. О, быть может, разве что немножко предваряющими события!

Сухая рука вытащила из реки окровавленный рукав белой рубашки и отпустила его. Брызги от шлепка ткани о воду попали на лицо Вивиане, она стерла их тыльной стороной ладони и осмотрела ее: красная.

– Объясни своему другу, Вида, что это значит. Ты ведь неплохо помнишь если не меня, то хотя бы тот знак, что я подаю вам...

– Пойдем, – раздраженно взвизгнула Вивиана и потянула Ретта за собой. Но раньше, чем они ушли, девушка успела заметить, что под руками женщины в реке плавала не одна окровавленная рубашка. Их там было как минимум две.

Вивиана стояла на крыльце, пока экипаж с мистером Тауэром не скрылся из виду. Ретт наблюдал за ним из окна: к отцу он так и не вышел попрощаться, хоть и знал, что, возможно, это их последняя встреча. Кто-то из них вполне может не пережить грядущую ночь... Или одну из ближайших.

Когда Вивиана вернулась в дом, мистер Кинг заметил, что она разительно переменилась: словно двадцать минут назад за порог вышла одна женщина, а зашла назад другая. Жесткая, словно скомкавшая внутри все свои чувства, решительная... даже, быть может, злая. и – да, Вивиана была зла, как еще никогда прежде на своей памяти.

– Соберите прислугу. Отпустите всех женщин... дайте им

расчет. Всех пожилых, набожных и тех, кто не рискнет пожертвовать ради нас жизнью также рассчитайте, – жестко приказала она.

– В таком случае, в этом доме останемся лишь мы с Вами, леди, – с горькой усмешкой ответил Ретт, спускаясь с лестницы. – Вы не найдете храбрецов в этом особняке.

– Уверена, что это не так, – Вивиана потерла лоб. – Давайте рискнем...

И тут ее прервал раскрасневшийся то ли от негодования, то ли от выпивки Уолтерс:

– Какое право Вы имеете распоряжаться в этом доме? Даже Ваш отец такого права не имел! Хозяин поместья – Эдмунд! А он в Лондоне.

Ретт приготовился вступить за честь миссис Купер, напомним, что она жена Эдмунда, а потому имеет полное право... Но Вивиана сама знала, что сказать:

– Заткнись, – только и бросила она, очевидно не считая более целесообразным церемониться с Уолтерсом, а после махнула Ретту на него рукой. – Этого нам тоже нужно будет убрать подальше, чтобы не убился ненароком по собственной глупости. А теперь идемте, нам нужно обсудить план.

Как оказалось, Ретт думал о прислуге хуже, чем следовало бы. Многие из них вызвались помочь, даже до конца не зная, что им предстоит делать (и, возможно, отчасти по этой причине), в числе их были даже женщины... Но большинство из добровольцев все равно рассчитали – ради их же блага.

– А теперь слушайте, что нам предстоит сделать, – Вивиана оперлась руками о стол, нависла над ним как-то по-мужски крепко, словно над трибуной. – Поцелуйте свои кресты, добрые христиане, помощь Бога вам всем понадобится этой или следующей ночью.

Никто ни слова не сказал о том, что сама молодая хозяйка в церкви была всего раз. Теперь, вступив во владение Ламтон-холлом по закону, она стала для них не хуже любой другой знатной женщины.

– Выройте ров вдоль реки, заполните его сухими листьями и ветками. Нам нужно будет окружить червя. Уолтерс!

Молодой человек вскинул голову.

– Спрячьтесь где-нибудь вне дома. Одолжите мне на вечер свои брюки. И, самое главное, не мешайтесь под ногами.

– Уверяю, я не так бесполезен... – Рэндалл растер лицо, чувствуя, что уже протрезвел от тревоги, и вряд ли сможет напиться, пока все это не закончится, и они совершенно точно не смогут сказать, что червь мертв. – Я хорошо стреляю! Могу засечь где-нибудь с двустволкой...

– Это бесполезно. Лучше попросите кого-нибудь смастерить Вам лук и стрелы. Да поупражняйтесь, пока будет время... А все остальные – готовьте керосин, тряпки, хворост, все, что горит! Это место должно полыхать, как ад.

Слуги с мрачными сосредоточенными лицами стали расходиться, бормоча. Вивиана убрала со лба мокрую прядь.

– Всегда считала, что огонь – единственное, что действи-

тельно помогает уничтожать дурные вещи раз и навсегда.

– Эдмунд был прав, когда в вечер знакомства с Вами назвал Вас Кримхильд, – улыбнулся Уолтерс.

– Он так сказал? – Вивиан вскинула бровь, даже не обернувшись на молодого человека. – Ретт! Не знаю, кого в отсутствие отца и Эдмунда червь выберет своей жертвой, Вас или меня. Так что будьте готовы. Я распоряжусь приготовить два факела. Будем ждать червя по разные стороны особняка, лицом к реке.

Ретт и Вивиана продумали все до мелочей. Слуги и Уолтерс расположились так, чтобы, в случае опасности, бежать и остаться невредимыми. Огонь не должен был их задеть потому, что червь, возможно, передумав, решил бы вернуться к реке. Конечно, несколько ведер "на всякий случай" они приготовили, но Ретт и Вивиана понимали, что ни их, ни больше пары крестьян это не спасет, если вдруг что-то пойдет не так. Но в сложившейся ситуации они могли только пойти на риск: как единственную альтернативу не быть съеденными.

Вивиана вышла через парадные двери, чтобы встать лицом к реке и в любом случае встретить червя первой, Ретт занял позицию у черного входа. Как настоящий джентльмен, Кинг сперва возражал против такого расклада, но молодая хозяйка одним взглядом заставила его передумать. Появилось в ней нечто... до того прятавшееся в глубине. Страшное и невообразимое. Поэтому, когда девушка сказала, что

чувствует червя на расстоянии, Кинг ей поверил. Очевидно, и фея Уолтерса была реальна, подумал он, если существуют Ламтонский червь, и банши, стирающая в реке окровавленное тряпье, и женщины, чующие демонов.

Впрочем, в первую ночь они простояли напрасно, ожидая чудовище. Оно не явилось. И на следующий день Вивиана поняла, как ошибалась, думая, что чувствует его приближение. Червь развил свои кольца и поднялся, как кобра, покачивая головой: и что-то в груди девушки потянулось за ним. Мир вокруг на несколько мгновений перестал видаться четко, расплылся и размазался, словно погруженный в воду, а потом связь их с червем оборвалась, когда огромная голова на длинном туловище взмыла из-за деревьев. Слуги в страхе завопили, готовые в спешке испортить дело, но Вивиана рывкнула им стоять на месте и махнула незажженным еще факелом.

Червь двигался бесшумно, несмотря на огромные свои размеры, он лавировал меж деревьев так искусно, что его появление стало для всех неожиданностью. Наследника имени монстр признал в Ретте, не в Вивиане, и, хитро обогнув поместье по дуге, выполз к черному ходу. Вивиана надеялась, что ее связь с чудовищем не оборвется до этого момента, но его выдрали из ее груди, как кинжал, оставив после себя незаметную дотоле саднящую боль (к счастью, ненадолго, то была непрочная магия), и она чуть было не опоздала дать сигнал слугам и Уолтерсу. К счастью, Ретт бежал по дому,

крича, чтобы они готовились. Да, таков был план: провести червя через все поместье и запутать в его комнатах, а потом запереть и поджечь.

– Огонь! – выкрикнула миссис Купер, и десяток пламенеющих стрел вонзились в ров, окружающий дом. Еще десяток, спустя лишь минуту, подпалили сам дом.

Ретт выбежал через парадный вход, пронесся мимо Вивианы, не оглянувшись, и перемахнул через ров, радуясь, что огонь еще только разгорается: опоздай он на минуту, и остался бы заперт в кругу, как и червь.

И Вивиана.

– Боже мой, – выдохнул Кинг. Его слова шепотом пронеслись по толпе слуг: выполнив свои обязанности, они, несмотря на уговор, не разбежались, а сгрудились неподалеку, наблюдая, как горит Ламтон-холл.

– Она же не выберется оттуда! – Уолтерс побледнел. – Она что, с ума сошла? Огонь слишком быстро охватывает дом!

Но Вивиана так и планировала: встретиться с чудовищем лицом к лицу, пусть она и отпрянула невольно, когда драконья морда высунулась из парадного входа. Запутавшись в хитросплетении комнат дома, червь только с большим трудом мог продвигаться вперед. Он лишь дергался, разевая пасть, и расстояние поддавалось ему с каждым рывком едва ли на дюйм. И все равно, это было ужасное, пугающее зрелище. Монстр ревел и плевался ядом, так что Вивиане пришлось закрыть лицо рукавом, чтобы кислота не попала

в глаза, и, как только она зажмурилась, червь мотнул своим огромным языком, мускулистым, как рука Геркулеса, и смел им девушку к самому краю огненной ловушки. Она едва не попала в полыхающий ров!

– Помогите мне, Господи, – простонала Вивиана, тщетно ища на груди крест. Но она, вероятно, обронила его где-то давным-давно. Девушка всхлипнула, но тут Нечто откликнулось на ее мольбы – не тот бог, о котором вещал ей красноносый пастор, Нечто Большее, Великое, как Мир, Всеобъемлющее и Всевластное. Оно не явилось, не коснулось Вивианы даже кончиком мизинца, метафорически выражаясь, Оно лишь дало понять: Я тебя вижу. И этого Вивиане оказалось достаточно, чтобы воспрянуть духом.

– Надеюсь, ты любишь огонь, – прошипела она в ярости, медленно поднимаясь с колен и вперяя взор в Червя. Тут ее не мог достать и язык демонического врага. – Огонь ведь есть благо, дарованное богами людям, он очищает... и скрывает следы.

Девушка отвела руку с факелом назад – он вспыхнул в мгновение ока, а пламенный круг взбросил свои жадные алые стебли на метр от земли.

– Не знаю, сколько поколений живущих здесь ты терроризировал и разумен ли настолько, чтобы понимать мои слова, но... Вспомни, кого ты сожрал последним, потому как это была, воистину, последняя твоя жертва!

И Вивиана бросилась прямо в пасть к чудовищу, выста-

вив факел перед собой. На мгновение все заволочло дымом, монстр зашипел (или этот звук издал его прижигаемый язык и каплющий с него яд?), а потом огненный круг, опоясывающий поместье, начал затихать, и взору слуг предстала молодая хозяйка поместья, охаживающая морду червя огненной палкой.

В первое мгновение, когда он ее увидел, Ретту показалось, что это длинные волосы Вивианы взметнулись от ветра и заалели, пронзенные лунным светом, но он тут же понял, как ошибся – нет, это голова девушки была объята пламенем.

Ночь захлебнулась в огне, и она была там – то ли женщина, то ли ведьма из холмов, и дым вился от ее расплосованной черным спины, обнажившейся из-под обуглившейся рубашки. Если я буду смотреть на нее и дальше, подумал Ретт, я ослепну.

Зоя махнула рукой, отгоняя морок. Будто сжала видение пальцами и отбросила от себя – легко, непринужденно. Без усилий.

– Я надеялась на что-то более впечатляющее, королева, – скривила губы девушка. – Какое-то более могущественное колдовство... А это... просто жалко.

В ее глазах не блестело ни слезинки.

– Неужели ты думаешь, что меня способны сломить... воспоминания? – Вида издевательски расхохоталась. – Я пережила это однажды, значит, могла бы пережить снова. А

твои тени – просто дым. От них мне никакого вреда.

– Что, правда? – в свою очередь рассмеялась Медб. Зоя опустила глаза на свои руки. Они дрожали так сильно, как еще никогда прежде. Ее всю колотило, как в лихорадке, от кончиков пальцев до шеи.

"Но я же не боюсь ее, не могу бояться!" – Зоя крепче сжала рукоять меча и тряхнул запястьем, освобождая его от мурашек. Ее взгляд действительно был тверд и ясен, не страх заставлял ее содрогаться – адреналин, пробежавший по венам. Не так здорово оказалось быть живой, как можно было подумать. Зоя прижала руку ко лбу, перенесла ее на затылок, легко потерла... Боль пульсировала под кожей, в мозгу, словно череп пронзили два длинных раскаленных прута, вошедших за ушами и прорвавшихся наружу около висков. За глазами шумела кровь, как или почти действительно настоящая, и в какой-то другой момент Зою бы это, возможно, порадовало. Но не теперь. Болели лодыжки, растянутое бедро, в грудь впивались изломанные косточки корсета, голова гудела, а горло пересохло. Зоя потерла шею и решительно сорвала с нее бархотку. Не важно, не жалко, если она мешала – ее следовало убрать.

Девушка двинулась вперед.

– Если так уверена в своей победе, нападай, коронованная гадюка!

Они снова схлестнулись. Зоя смеялась, кружилась, поигрывая мечом, ее напряжение, выплеснувшись в схватку, пе-

рестало быть мучительным. А Медб злилась: она помнила эту девицу ручным зверьком Габриэля, но не той сильной, дикой хищницей, которая сейчас, издевательски улыбаясь, сражалась с ней. Да нет! Не сражалась – изводила! Мастерски не подпускала к себе, шутя отбивая удары (а Медб слыла не последней мечницей среди Дворов, в бою ей уступало большинство мужчин).

– Я убью тебя! – прорычала Медб и бросилась на Зою.

– Ох, королева, – рассмеялась та, без труда парировав удар противницы. – Не давайте пустых обещаний!

Зоя юркнула в сторону, перехватила Медб за запястье и стиснула так, что кости затрещали – рука королевы разжалась, меч упал на пол.

– Дурной тон обещать... и не выполнить, – ухмыльнулась Зоя и оттолкнула противницу от себя. Безоружная и разозленная Медб рухнула на пол.

– Что же сделало тебя такой сильной, девчонка? – прошипела Медб.

Зоя пожала плечами.

– Совокупление со смертным?

– Не исключено, – Зоя проглотила оскорбление, точнее, для нее оно таковым и не было – просто констатация факта, подумаешь, а что до того, что у королевы грязный язык, так это не новость. – И если дело действительно в этом, то я посоветовала бы Вам быть менее щепетильной в этом отношении. На мечях Вы деретесь пока весьма посредственно!

Медб покраснела и тяжело задышала – так что роскошная грудь рисковала выскочить из глубокого декольте, черный амулет в виде крошечного меча, награжденного парой крыл, то опускался в ложбинку, то выскальзывал из нее. Королева и сама знала, что внезапно позабыла все свои навыки. От страха, что будет неминуемо повержена, она дрожала и сжималась, отчего и проиграла. Страх она использовала как оружие отчасти потому, что сама страдала от него. Возможно, никому из королев и королев Аннувна не удалось избежать этой странной фобии.

– Добей меня, если не боишься.

Но Зоя медлила.

Айкен вбежал в зал, но тут же застыл, ослепленный магическими лучами, блиставшими из каждого угла, от каждой свечи и из зеркал. Толпа, отхлынувшая от центра зала, притиснула его к стене, не позволяя выхватить пистолет, хоть Айкен, проясняющимся зрением уже видел, что Хэвен был прав: Зоя нарвалась на неприятности. Королева, подумал он, глядя на Медб – настолько совершенная красота, что больно смотреть! А второй мыслью его было: эта красавица убьет Зою, даже не моргнув. Она просто излучает силу! Бороться с ней – безумие!

И Айкен начал пробиваться сквозь толпу, раздвигая плечами сидов. Каждое касание отдавалось на его коже слабым электрическим разрядом – это чувствовалась магия.

Айкен почти выбрался, но тут ему преградили дорогу двое, кого он сперва из-за доспехов принял за дини ши, но тут же поправился: "Дини ши выглядят, почти как люди... а не как двухметровые чудовища с серой кожей!"

– Смертный, – прогудел один из монстров.

Толпа за спиной Айкена отхлынула еще дальше, прижалась к стене, давя друг друга.

– Уничтожить, – пробасил второй страж.

И тут Айкен увидел, что прекрасная женщина в белом платье, сражавшаяся с Зоей, потеряла меч.

– Ты никогда не могла поднять руку на того, кто выше тебя по рождению, – королева окатила противницу блеском холодной улыбки. – Неудивительно.

– Для меня ты стоишь не выше броллахана, – прошипела Зоя, но рука ее с мечом дрожала и уже опускалась в нерешительности. Лезвие отдалялось от шеи Медб. – Я бы хотела для тебя суда, признаюсь. Но это невозможно. Суд Аннувна пристрастен.

– Это так. Он полностью подчиняется мне и Габриэлю.

Медб рассчитывала вызвать в противнице ревность, но разозлила ее другим: напоминанием о лжи, стоявшей трона и нескольких веков спокойной жизни Карлу. Рассвирепевшая Зоя размахнулась мечом – широко, во всю руку. – И замедлилась лишь на секунду, ошарашенная воплем правительницы Благих:

– Ошибаешься, дрянь, это не ты, а я... Я – сама власть!

Медб пнула Зою в колено – ровно туда, где виднелся шрам. Зоя не уследила за движением королевы, слишком занятая расчетом удара, который не смогла закончить – она согнулась почти пополам, хватаясь за пронзенную болью ногу. Еще оставшийся внутри яд броллахана побежал по венам, хотя внешне рана выглядела жалко: всего лишь царапина от каблука противницы.

Возликовав, Медб стиснула свой амулет в руке, с ревом ударила Зою наотмашь по лицу, и та отшатнулась, но слишком медленно. Она не успела как следует отклониться, и кулон застрял у нее между глазом и переносицей, пробив угол века, войдя по самые крылышки. Зоя опешила от неожиданности, от боли, пронзившей ее голову... Человеку, возможно, было бы проще, подумала девушка, в первое время помог бы болевой шок. К глазу они с Медб потянулись одновременно, схватились за амулет – пальцы королевы накрыли собой руку куклы – рванули и разжались. Окровавленный кулон упал на пол, вслед за ним выскользнул и глаз, превратившийся в просто умело ограненный сапфир раньше, чем шлепнулся в подставленную ладонь Медб.

Зоя попятилась. Голова у нее кружилась, и в первую секунду девушка даже не поняла толком, что с ней произошло. Только упершись спиной в стену, она обрела равновесие.

Королева издала ликующий вопль и вскинула окровавленную белую руку. Камень сверкнул меж пальцев, как звезда.

– Отступаем, владычица, отступаем! – донесся издалека голос кого-то из дини ши. Воины помахали Медб руками, и королева, фыркнув, последовала за ними. Но слишком поспешно, чтобы скрыть свой страх. Она явно не была уверена, что Зоя позволит ей завладеть и другими камнями. Медб была убеждена, что ее противница несокрушима! Ведь она помнила Виду как великолепную воительницу. Непревзойденную...

Но не теперь. Королева ошиблась. Она бежала напрасно. Зоя ослабла, проведя столько времени на земле, а человеческие свойства сделали ее, по понятиям дворов, практически беспомощной.

Зоя отступила от стены, с трудом передвигая ноги. Броситься в погоню за Медб и ее прислужниками не было сил... А ведь нужно было еще и добить тех, кто остался. А это не такое уж малое количество – их пока сдерживал Айкен, но сваливать все на него было бы нечестно.

Зоя покачнулась, зажала глаз рукой. Боль поначалу была терпимой, но под пальцами... Не было ничего, кроме толчками выливающейся из опустевшей глазницы крови. Зоя отняла руку от лица, посмотрела на ладонь. Перед глазами – точнее, теперь только одним глазом, все двоилось. Горячая липкая жидкость текла по щеке, подбородку, капала на грудь, заливаясь под разодранный корсет, вывернувшийся переломанными косточками, похожими теперь на вырвавшимися из-под кожи ребрами, и Зоя начала собирать ее, не

понимая, зачем это делает – будто можно было влить кровь обратно... Тут ее накрыло болью, оглушающей, выбивающей почву из-под ног. И Зоя упала на колени. От боли на лбу выступила испарина, девушку даже затошнило, так ей было плохо.

Дыши, дыши, уговаривала она себя, вдох-выдох, и все пройдет, можно будет встать и продолжить... Но как только ей показалось, что она вполне способна подняться, девушка упала и потеряла сознание.

Айкен замер. Он помнил, что было, когда Зое распорол бок и потому сейчас недоумевал, почему же кровь, хлещущая из опустевшей глазницы, не останавливается.

Его сбили с ног – Айкен вытянул шею, продолжая смотреть, как увеличивается красная лужа под головой Зои, лежащей в неестественной позе. Он проорал ее имя, преисполненный отчаяния, не зная, что еще он может сделать. А потом медленно, преодолевая себя, поднялся – мощно, как медведь, раскидывая противников. Они скатились с его спины, словно жуки. И больше не тронули, чувствуя, что того, кого они приняли за жалкого смертного, окутала сила поразительной мощи – практически такая же, какую излучала королева Медб. Но ни ее, ни Габриэля уже не было в зале, оба сбежали лелеять заполученный камень. Видимо, они не могли подумать, что Зоя, могучая Вида, истечет кровью на полу их же залы.

Айкен двинулся к ней, без труда отталкивая дини ши от себя. Его самого никто даже не рисковал касаться. Магия, плясавшая по коже экс-полицейского, начала угасать, но воины все равно опасались приближаться к нему. К тому же, им не поступало приказа задержать его и Виду в зале, даже – вовсе в Аннунне. Они отпускали гостей, не собираясь превращать их в пленников.

Айкен подхватил Зою поперек талии и попробовал приподнять. Ее голова безвольно откинулась назад, и молодой человек невольно отвел взгляд. Волосы прилипли к залитому кровью лицу, скрывая пустую глазницу. Айкен заозирался, ища Клариссу или Хэвена, но зал пустел, гости спешно его покидали, напуганные разразившимся в самый Самайн диким, непристойным боем, только незваные гости оставались в центре, почти на самом пересечении трещин на полу.

Должно быть, близится рассвет, подумал Айкен. Нести Зою на руках, как в прошлый раз, он был не в состоянии – слишком ослаб. Пришлось ему вскинуть девушку на плечо и брести, опираясь рукой о стену. Через какое-то время она застонала и соскользнула на пол. Пустая глазница склеилась запекшейся кровью, Зоя кое-как оттянула слишком короткую челку к брови, надеясь хоть немного прикрыть рану, но тщетно.

– Мы должны найти леди Клариссу, – не слишком успешно пряча в голосе тревогу, пробормотал Айкен. Его пятерня оставила на белоснежной стене коридора алый отпечаток. –

Она вылечит тебя.

– Не станет. Пойдем, нужно как можно быстрее выйти на поверхность. Где ты потерял Хэвена?

Айкен пожал плечами и попробовал поддержать Зою за талию, чтобы помочь ей идти, подхватить, если ноги подогнутся.

– Я могу идти сама, – прохрипела она и оттолкнула молодого человека. – Я пока не умираю.

– А по тебе не скажешь.

Зоя улыбнулась – кратко блеснули зубы меж побледневших губ, и скрылись, смытые очередной волной боли.

Хэвен встретил их у самой поверхности. Он ошарашенно охнул, увидев слепленную кровавой коростой глазницу Зои, но ничего не сказал. Лицо его застыло, дини ши все понял. Много страшных вещей могло случиться с Зоей в Аннунне, но потеря одного из камней была едва ли не хуже смерти. Однако Хэвен ничего не сказал, только взял ученицу за руку, кивнул, чтобы она схватилась за Айкена, и достал карточки с рунами.

Потом, в квартире, Хэвен скотчем приклеил к двери полосу бумаги, всю испещренную охранными заклинаниями. Конечно, эта защита была не чета той, которую они возводили в прошлом доме, но глупо было бы не подстраховаться.

– Это только до отъезда, – сказал Хэвен. Айкен понимающе кивнул. – Мы поедем дальше по Канаде, быть может,

придется отправиться в Америку. Я еще не знаю.

– Нет, – неожиданно жестко ответил экс-полицейский. Рука, задумчиво подпирившая его подбородок, решительно легла на стол. – Мы вернемся в Халл. Молния не бьет дважды в одно и то же дерево. Я сам скажу это Зое.

И прежде, чем Хэвен нашелся, что ответить, Айкен шагнул к двери спальни.

Зоя сидела на кровати, подтянув к себе журнальный столик. Посреди него высился медный таз, наполненный водой, у края стояло зеркало на подставке. Глядя в него, девушка осторожно водила влажным куском ваты по лбу, недовольно кривя губы.

Разговор между молодыми людьми вышел коротким.

– Мы возвращаемся в Халл.

– Выйди, – скомандовала Зоя, отбросив ватку и вставая. Затем она глубоко вздохнула и опустила лицо в таз.

Айкен кивнул, выждал несколько секунд и покорно покинул комнату.

Зоя вскоре вышла из комнаты: только что высушенные волосы чуть пушились, спадая на плечи, на голое тело – белая блузка. Не корсет.

Айкен ждал ее на кухне. Когда в коридоре послышались шаги, он вздрогнул и уронил сигарету на подоконник.

Зоя стояла в дверях, неподвижна и молчалива. На голову девушка накинула полотенце, так чтобы собеседнику не бы-

ла видна половина лица. Выждав несколько секунд, девушка села за стол и налила себе из заварочного чайника зеленого чая в стакан.

– Боль прошла? – спросил Айкен, тоже подсаживаясь к столу.

– Нет, – она смотрела на пробегающую по жидкости рябь: руки тряслись.

– Чем я могу тебе помочь?

– В следующий раз – не дай им меня убить. – Зоя поднесла стакан ко рту и опустила его обратно на стол, не отпив. Стянула с головы полотенце.

Айкен встал, может быть, даже слишком стремительно, чтобы не выдать своего нежелания смотреть на то, что у его подруги на месте глаза. Подошел к окну, уставился на улицу, на самом деле, ничего не видя перед собой.

– Теперь за мной будет устроена настоящая охота. Если боишься или не хочешь – можешь идти, я не обижусь.

Айкен обернулся.

Пустую глазницу закрыло веко. Безвольное, мягкое, вялое. Пугающе неокруглившееся.

– Могло быть хуже, – догадавшись, куда смотрит парень, негромко сказала Зоя. Затем повторила. – Хочешь уйти – можешь...

Она отвернулась, прижав стакан к губам, так что те побледнели.

– Я же сказал, мы едем в Халл. Верить ты или нет, но я

чувствую, что не должен отступаться от тебя, даже если и захочу... когда-нибудь. Это будет неправильно. Но я и не хочу. Если не мне придется пройти весь путь с тобой до конца, а тебе со мной – пусть так. Влагаю себя в руки судьбы.

Зоя внезапно разозлилась, так что ей захотелось встать и ударить Айкена: вот же болван, выдумал себе любовь к ней! Она не сомневалась, что под его зависимостью от нее не скрывается никаких исключительных чувств, во всяком случае, он не испытывает ничего уникального, и, если она прогонит его, рано или поздно он ее забудет. Она попробовала сделать над собой усилие – встать, сказать что-нибудь, двинуть хоть пальцем. Но не смогла. Мышцы на руках напряглись на мгновение и тут же расслабились.

Зоя обреченно глотнула чаю: слишком горький, слишком горячий, он обжег горло, но в то же время оказал целительное действие. Будто Зоя отрезвляюще поняла, что в мире существуют вещи помимо утеряннного глаза и ее проигрыша. Даже попросту – у нее есть не одно место, испытывающее боль. На нее вдруг навалилась усталость, заныли лодыжки, ребра и лопатки.

"Он не хочет, я не хочу. Мы движемся к трагедии и знаем это – но что, что в этом мире, даже самое светлое, не движется к ней? Таковы законы природы, может быть, даже длань провидения такова. То, что толкает нас в пропасть, неизмеримо больше, выше, иномирней, чем мы сами."

Глава одиннадцатая

Она заявляет, что настоящие героини народа должны быть покрыты ранами. Кровоточащими ранами. Рваными, ужасными ранами, нанесенными лопатами, кнутами, осколками

стекла, штыками, пулями или взрывами. Она требует постоянно обращать внимание на степень ожога, на ключья

истерзанной плоти. Кожа должна походить на кожу трупа, изъеденного могильными червями.

Анчи Мин, «Одержимая»

Весь путь в поезде Зоя проехала, уткнувшись то лбом, то виском в стекло окна. Отросшую челку она выправила из-за уха и накинула на увечный глаз, чтобы на нее не бросали любопытных взглядов. Время текло, как масло, словно капало по капле.

Они вернулись в Халл, в старый дом Айкена. Квартирка почти не изменилась – только пыль осела на вещах, да появился характерный запах заброшенного жилища. И еще Зоя как-то по-особенному ощутила, что этом месте не хватало ее. Словно от одних только платьев, скрытых в шкафу, атмосфера стала бы более... живой.

– Начертить на двери руны? – спросил Хэвен, как только переступил порог. Зоя покачала головой.

– Я буду не против, – сказал Айкен.

– Нет. С первого ноября сиды и без того получают возможность свободно ходить по земле до самого Йоля. И выпускать своих животных. Мы не можем забаррикадироваться здесь... Тем более, я надеюсь, что Кларисса нам еще поможет.

Хэвен потер лоб.

– Я до сих пор не понимаю, почему... Какие выгоды сулит ей твое возвращение в Дворы? Ты ведь сказала, что поняла кое-что во время Самайна?

Зоя, стиравшая с зеркала пыль ладонью, замерла. Отражение с одним глазом было ей пока в новинку.

– Не о Клариссе. Точнее, я пока не знаю, как увязать все это в одно. Но теперь я почти уверена, что не только чувство привязанности, не только судьба и пытающаяся управлять ею Кларисса толкают меня к тому, чтобы я возвела Карла на трон. Он не крал мою душу. Он невиновен. Габриэль повинен в клевете. Свергнуть его и восстановить в правах Натаниэля – наш долг, – она выделила голосом слово "наш" и выразительно посмотрела на Хэвена. Айкен поежился. Зоя все чаще говорила "мы" о себе и учителе, не учитывая своего возлюбленного.

– Кларисса – его агент, как ты думаешь?

– Если так и есть, то, кажется, я помню, почему так обо-

жала Карла веками, – Зоя улыбнулась. Непрошенный румянец выступил у нее на щеках. – Он, вероятно, умен.

Айкен почувствовал себя не просто неловко – он оказался лишним. Впервые за долгое время это ощущение ударило его под дых.

– Я... пойду в свой кабинет, – бросил он и вышел. Хэвен и Зоя остались разбирать сумки.

Зоя кинула свои платья на диван и замерла над раскрытым зевом сумки, не в силах даже опустить внутрь руки, обуянная неким смятением, рвущимся наружу – она боялась вскрикнуть, а то и завывать от своих мыслей. Хэвен бросил на ученицу непонимающий взгляд через плечо.

– Все в порядке?

– Да... я... – Зоя нервно запустила пальцы в волосы. – Не знаю. Просто... Проигранное сражение... Ты знаешь, ничто не бьет по самолюбию так сильно...

– У нас нет времени возиться с твоим самолюбием.

Девушка печально покачала головой. Старая квартира всколыхнула в ней память о былом – безвозвратно утраченном. Зоя невесело усмехнулась – учитель прав, у них нет времени нянчиться с ущемленным эго.

– Просто... знаешь, все так некстати. Навалилось. Я же уже начала воображать, что могу быть счастлива...

– Подумайте, какая нежная! – Хэвен повысил голос. – Ну что мне делать с тряпкой, в которую ты превратилась?

Зоя тяжело задышала, сдерживая гнев, встала в полный

рост и повернулась к учителю.

– Не смотри на меня так, эти взгляды не подействуют, девочка. Если у тебя есть какие-то соображения о том, что нам делать дальше, скажи скорей. Или снова занимайся делом и дай мне рулить ситуацией.

– Ты знаешь, что я хочу предложить. Враг моего врага – мой друг, как говорится. Почему бы не позвать К...

Айкен не расслышал, что Зоя сказала: скрипнула половица, заглушив ее голос, когда он вышел из кабинета. Но ни Хэвен, ни девушка не повернулись в сторону молодого человека, занятые спором.

– Ничего глупее и не придумаешь!

– Это единственный наш шанс. И если ты не согласишься, я просто устрою это без твоей помощи, сама.

Хэвен ударил Зою по лицу, и она от пощечины даже села на диван боком. Айкен зацепенел, хоть мысленно и бросился вперед, но его остановил перехваченный взгляд Зои. Единственный глаз смотрел на учителя без злобы, с чутким вниманием, хоть бровь над пустой глазницей задергалась: веко стянуло спазмом, из-под него на щеку выползла алая струйка, как кровавая слеза. Хэвен молча бросил ученице платок.

Вот, значит, как, подумал Айкен, такое у них в Аннунне принято учение. Ну что ж, оставалось надеяться, что и зоины пощечины, подаренные ему, были так же пропитаны искренней, хоть и грубой, заботой.

– Объясни мне, почему нет, – спросила Зоя. Платок, при-

жатый к увечной глазнице, медленно намокал. – Ты все время твердишь, что мы слабы, что Габриэль нас растопчет – он сам не побрезгует обратиться к...

Хэвен прижал палец к губам и обернулся: очевидно, почувствовал присутствие Айкена. Зоя опустила голову, ссутулилась, чувствуя, что разговор продолжать уже не имеет смысла. Но Хэвен, смерив Айкена взглядом, внезапно переменял решение: по его мнению, если они работали вместе, то не должны были оставлять в тайне ничего существенного.

– Что ж, начистоту! Дело не в том, что я боюсь Кроноса, хоть, видит Богиня, мы все его боимся, но... думаю, Габриэль уже сам обратился к нему. Мы опоздали.

Зоя горько усмехнулась. Под глазом у нее осталось пятно засохшей крови – как отпечаток лепестков розы.

– В таком случае, наши жалкие потуги заранее обречены на провал, – девушка встала с дивана. – Мне надо покурить. Голова болит.

Она вышла из комнаты, глядя в пол.

– Мне страшно за нее, – Айкен покачал головой, опустив подбородок. Он думал, что отдал бы свой глаз взамен Зоино-го, и со временем даже начал ощущать пульсирующую боль в левой глазнице. Так, он воображал, чувствуют себя полуслепые калеки. – Она опустошена и раздавлена.

Хэвен кивнул.

– Именно. И, я надеюсь, скоро будет в еще большем отчаянии, – дини ши усмехнулся в ответ на непонимающий взгляд

Айкена. – Иначе ей не победить Габриэля. Гнев дает ей силу, но этого уже не достаточно. Может быть, страх – именно то, чего ей не хватает.

Айкен задумчиво покивал, потер подбородок. Перед внутренним взором у него прошла вереница видений – каждый их совместный бой, вспыхивающие на коже спины и рук черные полосы...

– Мне кажется, она себя не контролирует в гневе.

Хэвен негромко засмеялся.

– О нет. Она хочет, чтобы так думали, и она действительно полна энергии, если ее умело разозлить, но она никогда не теряет над собой контроль полностью. Да, она краснеет и дрожит, но если она не собиралась ударить изначально – не ударит.

Айкен изумленно округлил глаза.

– Уж я-то знаю. Просто дело в том, что она практически всегда готова ударить. А гнев позволяет ей больше сконцентрироваться на цели. Но сейчас она не в себе. С такой Зоей нам не победить.

– Ты не боишься ее сломать?

– О нет, она сделана на совесть, – Хэвен хохотнул, не сразу сообразив, о чем говорит Айкен. – Нет. Она уже была чудовищем, когда воспитывалась у Габриэля. Я всего лишь хочу, чтобы она вернулась к этому состоянию. Если ты боишься, что она превратится в сумасшедшую жестокую сучку, то изначально выбрал не ту девушку.

Они не стали обсуждать планы, но у каждого, присутствовавшего в квартире экс-полицейского Купера, была наготове своя идея, ждущая только удобного момента. И первым за ее реализацию взялся сам хозяин жилища.

После ужина все разбрелись кто куда: Хэвен остался в гостиной, перелистывая газеты, Айкен ушел к себе, Зоя курила на кухне, размышляя. Когда она бросала окурочек на улицу, ей на секунду показалось, что у подъезда кто-то стоит и смотрит вверх, задрав голову. Прямо в их окно. И девушка почувствовала, что боится – непонятно, чего. Она закрыла створки окна и отошла от него на несколько шагов, прижимая пахнущие табаком пальцы к губам. Будь это сам Габриэль, она бы взволновалась меньше. А тот наблюдатель... Он вряд ли хотел зайти в дом. И не был ей знаком – однако, все же, она его где-то уже видела... Зоя покачала головой и поспешила скрыться в противоположной половине квартиры.

Когда девушка зашла в комнату, и Айкен резко задвинул ящик стола, но девушка успела заметить на его лице знакомое капризное выражение, слишком сильно знакомое ей.

– Что ты искал? – молчание. – Ничего не осталось, прекрати это.

Айкен отнял руки от шкафчика, словно отпускал последнюю надежду. Лицо его было белее снега.

– Я могу дать тебе то же самое. И даже больше, – Зоя протянула руку. – Ты знаешь сам.

Айкен схватился за ее пальцы и поднялся не без труда:

от мысли, что все не станет, как прежде, даже не будет похоже, ему почти стало дурно. Он увидел Зою перед собой неожиданно резко, словно она выступала из всей прочей обстановки комнаты, будто некий художник отрисовал ее контур. Магия, подумал молодой человек, точно. Тут же ее сосредоточение – даже несмотря на то, что после ритуала она не бьет электричеством по коже, еще немалый ее процент, как пыль, осел на стенах и теперь тянул к ним метафизические щупальца, приглашая выплеснуть в мир еще немного волшебства. Айкен протянул свободную руку, чтобы коснуться покрасневшей кожи под глазом Зои, но девушка мотнула головой, перехватила Айкена за запястье, сжала.

– Не надо.

– Просто я... – его голос на мгновение прервался. – Волнуюсь. Ты вдруг кажешься мне такой чужой.

– Неправда, я только в одном изменилась – стала грустной и все больше... люблю тебя. Не волнуйся. У нас нет на это времени, – она поднесла его руку ко рту и легко поцеловала пальцы. – Не думай об этом.

– Вот поэтому я люблю зиму, – Айкен облизнул губы. – Зимой меньше чувствуется, что время быстро, неумолимо и невооруженно движется.

Он хотел сказать "проведи эту зиму со мной, пожалуйста", но осекся. Она и так останется, попытался мысленно успокоить себя молодой человек.

– Люби меня, если я не внушаю тебе страх, – прошептала

Зоя. – Я знаю, отсутствующий глаз может остудить чей угодно пыл...

Айкен рассмеялся.

– Только не мой. Меня не смущают твои раны и шрамы... а что же касаясь страха, то я боялся тебя с первой минуты, как только увидел.

Зоя проглотила вертевшееся на языке слово: "глупенький". И потянулась за причитающимся ей поцелуем. Она еще не встречала девочку Мэнди Данте, задававшуюся теми же вопросами.

Они ощутили магию, пробежавшую по их коже, но не собравшуюся на ней, напротив – искры теперь брызгали от них к стенам. От каждого легко поцелуя вокруг молодых людей словно образовывалась некая сфера, обещающая хранить их союз. И в тот момент, когда Зоя упала в объятия Айкена, запрокинув голову, его серые глаза осветились зеленью – не изумрудной, как у Медб, а живой, сочной, такой, что живет в траве и листьях деревьев. Зоя вздрогнула: на нее с любимого лица смотрели глаза Рогатого Бога. И он обещал сделать ее королевой обоих Дворов.

И в то же время это был их всего лишь второй раз, во время которого магия не участвовала в происходящем. Их поцелуи были просто поцелуями, прикосновения будили земное желание – но и только. Все волшебство отступило, словно вместе с одеждой они сбросили с себя магические оболочки. Зоя закрыла глаза, чувствуя, как ее словно уносит прибой, ее

сознание растворяется, а запах барбарисок из-под уха Айкена такой ностальгически-родной, как в минувшем мае... Ее руки не царапали, только безвольно лежали на его мокрой спине, обездвиженные вопящим счастьем. Когда магия растворилась в комнате, не трогая любовников, они оба вдру словно впервые ощутили себя наедине друг с другом, даже несмотря на то, что в соседней комнате копошился Хэвен.

Вивиана и Ретт отправились в Лондон. Вещей у них практически не осталось (в спешке, ожидая нападения червя, они успели собрать немногое), так что молодые люди путешествовали налегке. Уолтерс уехал к Марте, невзирая на то, что муж той еще не успел предпринять очередное дальнейшее путешествие. Впоследствии, подъезжая к Лондону, молодые люди получили от Рэндалла телеграмму: он и леди Кларисса также намеревались двинуться в столицу.

– Кажется, Уолтерс наконец нашел свое счастье, – усмехнулся Ретт. Но Вивиана смотрела в окно почтовой кареты, безучастная и к его словам, и к любым новостям, не касавшимся ее мужа.

Однако в глубине души, на самом деле, и она, и мистер Кинг знали, что уже слишком поздно.

В апартаментах, которые молодые Куперы занимали в Лондоне, как раз было несколько свободных комнат, способных вместить двух гостей, однако одну из них уже отвели

мистеру Тауэру, так что Вивиане пришлось послать Уолтерсу ответную телеграмму, сообщающую, что он, к большому (или не очень, на самом-то деле) сожалению не может быть принят в их скромной обители.

– А Вы можете занять вторую комнату, Ретт, – произнесла Вивиана, объясняя спутнику планировку и степень обжитости дома, когда они вошли в прихожую. Молодая миссис Купер сняла шляпку и кое-как поправила прическу: обгоревшие пряди никак не желали укладываться и оставаться в приличном виде, самые короткие потемневшие волоски торчали, как солома. Но, возможно, в последний раз перед мужем она хотела предстать аккуратной.

– Мне подняться с Вами?

– Как хотите, – Вивиана уже ступила на лестницу. – Чемоданы возьмет слуга.

Они поднялись бок о бок, напряженно глядя на дверь на втором этаже, уже подозревая, что за ней скрывается. Вивиана глубоко вдохнула, как перед погружением, и замерла, Ретт толкнул створки двери. Безжалостный луч солнца высветил в центре гостиной то, что они боялись увидеть... Невозможно, в первое мгновение подумала Вивиана, с трудом понимая, что видит: своего мертвого мужа, лежащего на столе и уже одетого для погребения. И мозг тут же шепнул: неизбежно.

Девушка медленно подошла к Эдмунду, приложила руку к его холодной щеке, уже глотая первые слезы. Какая умиро-

творенность, какое небывалое достоинство осталось в этом лице! Смерть отняла дыхание, но не благородство мистера Купера.

– Мы позаботились о нем, мадам, – сказала от двери служанка, но Вивиана не слышала, поглощенная своим горем. – Мистер Тауэр помог нам немного... уладить дела с коронером.

Вивиана уткнулась в плечо подошедшего сзади Ретта и разрыдалась.

После же Вивиана почти не плакала: она все время находилась на людях, занималась делами, а к вечеру была уже так опустошена, что падала на кровать и засыпала, порой одетая. Не сказать, чтобы подобное времяпровождение шло ей на пользу, боль внутри копилась, и Ретт, как никто другой, видел это. Несмотря на то, что Уолтерс приехал в Лондон и наносил ежедневные визиты, Рэндалл не проявлял ни малейшего уважения к новому печальному положению Вивианы: все так же пил, порой уже являлся в неподобающем виде, шутил, приглашал мистера Тауэра (и даже слуг!) составить ему партию в карты... Но выгнать его никто не мог: единственная, кто имел на это право – мадам Купер – словно и не замечала, что в доме есть кто-то лишний.

Мистер Тауэр же, несмотря на то, что нашел в себе силы посетить погребальную службу по зятю, на кладбище почувствовал себя дурно, и с того дня уже не поправлялся. Ему

вновь становилось хуже и хуже. И Вивиана билась над этой загадкой, не зная, почему же оказалась не права: ведь, согласно преданию, должен был умереть только один... Тот, кто владеет Ламтон-Холлом. И если уж банши напророчила им две смерти, то неужто же это будет не она, Вивиана, потерявшая всякую волю к жизни и, сказать по правде, желание ее продолжать?!

"Неужели вслед за мужем я потеряю и отца?" – мысленно повторяла она чуть ли не каждую минуту, в то же время стараясь не показать своих чувств никому: ни друзьям, ни слугам. Это плохо сказывалось на здоровье самой Вивианы, она осунулась, стала нервной и нетерпеливой, хоть изо всех сил и пыталась выглядеть деловой и собранной.

Ретт привел в порядок все требующиеся документы для перепродажи Ламтон-Холла (точнее, земель, на которых остались руины, следы бывшего величия – но ведь река и прилегающие поля все еще представляли немалый интерес для изрядного числа покупателей). Молодой человек пытался многократно переговорить с Вивианой, но вдова словно не слышала ни слова из того, что он ей втолковывал. Все закончилось тем, что когда он подошел к ней в очередной раз, сидящей в кабинете мужа и бездумно глядящей в окно, миссис Купер недвусмысленно дала понять, что не в силах заниматься делами и, очевидно, еще не скоро сможет прийти в себя.

– Несмотря на то, что дом уничтожен, земли все еще Ва-

ши, мадам, – Ретт положил бумаги прямо перед Вивианой. – Нужно решить, что делать...

– Уберите! – она смахнула все со стола на пол. – Неужто Вы не понимаете, я не хочу, я не могу сейчас об этом думать!

Ретт сел на корточки, собирая раскиданные документы.

– Но рано или поздно Вам придется.

– В таком случае, я выбираю "после". Или, если хотите, отдам ведение дел полностью в Ваши руки.

Ретт открыл было рот, но не успел сказать ни слова: и он, и Вивиана напряглись, чувствуя за секунду до трагедии ее приближение. Как ощущение удара, как запах надвигающейся грозы, уже принявшие к смерти, они знали, что сейчас услышат.

Из комнаты над ними раздался протяжный стон мистера Тауэра.

Ретт вбежал в комнату отца первым, за ним – бросивший свои карты Уолтерс. Вивиану они оттеснили плечами в коридор, чтобы не дать ей увидеть ничего, что могло бы ее шокировать. Но девушка в глубине души предпочла бы провести с приемным отцом его последние минуты.

Она прошла в комнату мистера Тауэра лишь через несколько мгновений после молодых людей, но к тому времени все уже было кончено. Безвольная рука старика свисала с края постели.

Вивиана почувствовала, как холодеет затылок. Ей показав-

лось, что она только закрыла на секунду глаза, перевести дух и унять сердцебиение, но когда она открыла их ее, безвольную, поднимали с пола за руки Ретт и Уолтерс.

– Вы потеряли сознание, миссис Купер, – сказал Кинг. Она не ответила, только посмотрела на него, как на незнакомца.

Зоя подскочила на кровати, пробуждаясь, и уж только потом открыла глаза. Потерла сведенное спазмом горло. Сон растаял, но напряжение и горечь, что он принес, остались. Девушка повела руками вокруг себя – справа и слева, ища одновременно Айкена и тетрадь со своими воспоминаниями. Ни того, ни другого не было, и простыня остыла, и на тумбочке оказалась лишь пыль. Зоя села, обхватив колени руками. Снова заболела глазница, заныли ребра и ноги, но привычно, почти умиротворяюще. Если ты человек, испытывать боль – нормально.

Девушка медленно спустила ноги с постели, приложила руки к лицу, закрывая и глаз, и пустую дыру на месте второго, некоторое время сидела неподвижно, сосредоточившись на своих ощущениях, собирая себя по кусочкам – и воспоминания, складывая их в общую кучу, строя из них единую картину, и душу, разбитую правдоподобным сном вдребезги. Сердце колотилось о ребра, как сумасшедшее, так что от каждого удара становилось больно. Зоя подумала, что срочно должна увидеть Айкена, убедиться, что он не пропал, он

реален и не привиделся ей. Что он еще не стал воспоминанием. Она стала одеваться, но, натянув чулки, вдруг поняла, что обессилена всем произошедшим и не хочет выходить в гостиную. Девушка снова бросилась на кровать, зарываясь носом в простыни, еще хранящие запах любви. "Пусть лучше он придет ко мне, – подумала она сквозь головную боль, накотившую на нее как в те дни, когда ей становилось дурно, если Кларисса заговаривала о прошлом, – он ведь почувствует, что я хочу его увидеть!"

Когда Айкен вошел проверить, встала ли его девушка, он увидел Зою сидящей на кровати, спиной к стене, с подогнутыми под себя и спрятанными под подол ногами. На ней было то самое белое платье, которое он помнил из снов.

– Я совершенно не умею защищаться, – пожаловалась девушка со смущенной улыбкой. Раненый глаз ее подрагивал, но она усилием воли держала его закрытым. Нетрудно было догадаться, к чему она это сказала. Сон, в котором она не смогла отвоевать тех, кто был ей дорог, только напомнил о недавних потерях и, как верх унижения – ранениях.

– Это из-за меня? Ты стала такой уязвимой из-за меня? – молодой человек потерял все мысли, до того крутившиеся у него в голове (о блинчиках и кофе со сладким коричневым сиропом), бросился, обеспокоенный, к постели, присел у края, заглянул возлюбленной в лицо.

– О нет, – Зоя смущенно потерла щеку под травмированной глазницей. – как раз наоборот. Будучи менее человеком,

я была и уязвима в гораздо большей степени. Иногда даже намеренно подставлялась под удар, чтобы потом последним рывком сокрушить врага. А Габриэль терпеливо лечил меня. Карл...

Зоя запнулась, вспоминая хоть что-нибудь о своем первом создателе, но на ум ничего не приходило. Все, связанное с изгнанным принцем, спало в глубине подсознания, как цветы под снегом.

– И тебе никогда не было больно? Неприятные ощущения появились только теперь?

Айкен присел на краешек кровати, осторожно, словно боялся, что его сейчас прогонят.

– Нет, так было всегда. Боль – это сигнал о том, что нарушена целостность организма. Боль – это знак, что твое тело портится. Когда ты знаешь, что ты искусственно создан, и даже если тебе оторвут руку, добрый принц приделает ее тебе обратно, на боль перестаешь обращать внимание. Учишься перетерпеть напролом. – Зоя потерла бок, машинально перенесла ладонь на колени. В ее лице заиграла странная мечтательность, словно во время ее пребывания в Аннунне боль заполняла почти все существование Виды.

– Вот как. Но откуда тогда у тебя вообще оно – ощущение боли?..

– Может быть, Габриэль наделил меня им на случай вроде этого, когда я стала бы в изрядной степени человеком. Может быть, ему нравилось смотреть, как я вскрикиваю, – де-

вушка отвернулась. Она помнила, что сказал на эту тему сам король, но не верила в это. Габриэль был садистом с ущемленным самолюбием, так что многие его действия вполне можно было трактовать с этого ракурса.

Окно хлопнуло на ветру, распахиваясь, отчего Айкен вздрогнул, прервал сам себя на полумысли, даже не открыв рот. Зоя поежилась – то ли от ворвавшегося в комнату холода, то ли от ментального ощущения неправильности или, может быть, магического вмешательства.

– Я удивлю тебя, если скажу, что мне тут больше не нравится? Такое ощущение, словно я поймана в клетку. Я бы сказала, что лучше было остаться в Оттаве или уехать вообще в другую страну, но на самом деле причина ведь не в Халле, только кажется, что город виноват. Просто я чувствую, что время сыпется вниз, как песчинки в часах, скатывается ко всем чертям.

– Я верю, что для нас еще возможна иная жизнь, – Айкен попробовал притянуть Зою к себе, но она словно задеревенела, ее напряженная спина на ощупь оказалась жесткой и холодной, голова не согласилась лечь на плечо молодого человека, как бывало прежде.

– Для тебя все возможно. А я могла бы рассчитывать на счастливое будущее только в том случае, если бы не совершила столько убийств, – Зоя вздохнула и уткнулась лбом в колени.

– Но ни броллаханы, ни слуа не были людьми!

– Какая разница, какая разница... Самое гнусное, что мне было плевать на это, когда я их убивала. В какой-то мере я даже получала удовольствие.

– Ты была создана для этого... Было бы странно, если бы Габриэль не озаботился о том, чтобы ты... – Айкен вздохнул, не зная, как помягче сформулировать. – обязательно увлеклась этим.

Зоя подняла голову, усмехнулась, не глядя на напарника.

– Не надо меня оправдывать. Я долгое время действовала по указке Натаниэля. Так что, наверное, за то время, пока я решала сама, я успела принять немало неверных решений.

– Я не... Ох, пойми. Никто не чист, как ангел! Не ты одна поступала неправильно, я – тоже. Но ты изменила меня. Ты шла со мной рука об руку. И, когда мы очищали город от тварей, разве мы были убийцами, а не защитниками? И твой поход на Аннувн: это было смело!

– Хватит уже врать себе, Айкен, – Зоя прижала к губам сложенные в замок руки. – ты, может быть, действительно видишь в этом какую-то нравственную цель или какой-то личный мотив... Но, согласись, месть за себя или Дейва и Симонетту... Эти цели появились только сейчас. А на рожон я лезу все то время, которое существую, хотя должна бы была бежать от Сияющей страны как можно дальше. Ты сам видишь – я не бегу. Потому что я дерусь не из чувства мести или, – девушка скривилась. – чувства справедливости. Это всего лишь условности, выдуманные людьми, для сидов,

выросших во Дворах, эти понятия не значат равным счетом ничего.

– Тогда почему ты бьешься с Габриэлем, если твоя цель – не месть?

– Судьба, – Зоя расцепила руки, сжала правую в кулак. – Я просто иду на ее зов.

Девушка опустила голову и рассмеялась.

– Ты себе не представляешь, как силен ее зов! Ни один человек не слышит его так, как мы, выходцы из Дворов, – она прижала руку к груди. – Может быть, рубины и сапфиры Этайн виноваты в том, что я тоже к этому восприимчива. Я не знаю. Но это кое что-то, что я не могу перебороть.

Айкен отвернулся, чтобы Зоя не видела, как на его лице изумление сменилось отчаянием, горьким и черным, почти смертельным.

– А наши последние месяцы, тихие и мирные... Ты решила пойти против Судьбы?

Зоя покачала головой.

– Я не знаю. Но не ты ли говорил, что мне предназначено быть с тобой, а не с Карлом? Я хотела это проверить на практике.

Он, не глядя, нашел ее руку. Сжал, так что она почувствовала, как бьется в каждом пальце неровный пульс.

– Как я надеюсь на это, как я надеюсь.

Зоя встала с постели, чтобы Айкен больше ее не касался. Все-таки в том числе и он делал ее слабее, не только привыч-

ное наплевательское отношение к телу и будущему. И то, что она увидела в нем отблеск силы Рогатого Бога, значило кое-что действительно важное, но не предвещало ничего хорошего. Если Айкен стал жрецом, это добавляло им проблем. Возможно, теперь уже не получится оставить его в стороне от всей крови и жестокости, что нес в себе Аннувн. Даже если не брать его с собой, отослать – Габриэль выследил бы его, как раньше нашел Дэйва и Симонетту.

"Богиня, что я натворила!" – Зоя закурила, стоя у стола. Айкен скрипнул пружинами кровати, меняя положение.

В голове девушки еще металась мысль о недавнем сне, но боль от воспоминаний улеглась быстрее, чем Зоя ожидала. Во всяком случае, по Симонетте она все еще тосковала ощущением. Но и перерождения Симонетты рядом с ней не было.

Зоя бросила тетрадку на стол с таким отвращением, словно то была жабья шкура.

– Если хочешь знать, чем закончилась история Вивианы и Эдмунда, прочти это.

– Ретт... Вы уезжаете?

Мистер Кинг стоял у двери, еще не надев перчатки. Он медленно повернулся, когда Вивиана окликнула его.

– Простите, миссис Купер. Мое малодушие не позволяет мне оставаться в Вашем доме.

Вивиана приблизилась к мужчине, и он увидел, что ее белки глаз и веки чудовищно покраснели.

– Я все понимаю.

– Надеюсь, что не причиняю Вам своим уходом много проблем, – озадаченно пробормотал Ретт. – Я не знал, как поступить. Подумал, что спрашивать было бы неприлично. Так что...

– Так что Вы решили уехать, – Вивиана улыбнулась, и Ретт не понял, облегченно или то была нервическая реакция на его слова. – Не терзайтесь, Вы много для нас сделали.

Девушка протянула руку, легко коснулась плеча Кинга и тотчас же ее отняла.

– Ваша помощь была неоценима. Не корите себя.

Ретт собирался сказать еще что-нибудь на прощание, чувствуя, что не может уйти вот так – после благодарности, которую с таким искренним пылом принесла ему Вивиана, но миссис Купер, чувствуя его замешательство, произнесла:

– Простите, я должна послать за священником. Снова.

– Да-да, конечно.

– Храни Вас Бог.

Ретт надел перчатки, шляпу и вышел. Вивиана притворила за ним дверь и глубоко вздохнула. На самом деле, уход Ретта был ей совершенно безразличен, как, впрочем, было бы ей безразлично его желание остаться, если бы Ретт выразил таковое. Больше уже ничего не имело для нее важности в этом мире.

Ретту и Вивиане предстояло встретиться еще раз – на по-

хороша мистера Тауэра, а вот то, что Уолтерс еще хоть раз посетит опустевший дом Куперов, Вивиана сомневалась. Но ей нужно было вернуть кое-какие вещи, оставшиеся от Эдмунда Уолтерсу и Марте. А в глубине души она знала, что навестит еще и Клариссу – ее просто тянуло к ней. Вивиана понимала, что ни сочувствия, ни утешения она у этой женщины не найдет, но что-то ирреальное звало ее увидеться с нею.

Вопреки ожиданиям гостя, Уолтерс открыл дверь сам. Вивиана ступила за порог и огляделась. Судя по всему, ни слуг, ни женщины в доме не было: на всем лежал отпечаток праздности и запустения.

– Я пришла вернуть Вам... – девушка протянула сверток с книгами Уолтерса. На миг ее рука дрогнула, вспомнив, что среди них – тот самый том, "Опасные связи" де Лакло, способствовавший ее роману с покойным мужем. Уолтерс не торопился брать сверток, рассматривая гостью: обгорелые волосы едва укладывались в прическу, хотя шляпка искусно скрывала эти недостатки; от черной бархотки, перехватывавшей шею, лицо Вивианы казалось как-то по-особенному бледным.

– Вы выглядите подавленной.

Вивиана вспыхнула, губы ее дрогнули, но девушка сумела подавить гнев. Какой же, черт побери, мне быть, подумала она, я потеряла и мужа, и отца!

– Моя жизнь претерпела не лучшие изменения, как Вам,

вероятно, известно.

Уолтерс кивнул, наконец приняв книги. Он провел рукой по тому месту, где только что были пальцы Вивианы, и со странной улыбкой сказал:

– Это не лучшее место для подобного разговора, но... Я не женат, Вы вдова... Понимаете меня?

– Кажется, к сожалению, слишком определенно, – девушка отступила на шаг, готовая покинуть дом Уолтерса. – Но это не те изъявления чувств, на которые я рассчитывала. Сочувствие пришлось бы гораздо более кстати.

Рэндалл с усмешкой покачал головой.

– Леди, Вы же понимаете не хуже меня, что жизнь продолжается. Нужно двигаться вперед. Смерть неизбежна. Вашей силы хватит с лихвой, чтобы выдержать любые лишения, хоть я и могу пообещать, что единственное, что сможет Вам доставить неудобство в моем обществе – только еще одна смерть и явно неблизкая. Клянусь всем светом, мне нужна такая жена, как Вы.

– В таком случае, желаю Вам ее рано или поздно найти, – сказала Вивиана. – И удачи Вам. Прощайте.

Она развернулась и пошла, гордо выпрямившись, по улице. Уолтерс не решился ее догонять.

Вивиана решила уехать из города. Лондон казался ей родным, но теперь, оставшись одна, девушка как никогда остро понимала, что только тешилась иллюзией. Любой город по-

казался бы ей приятен, если бы Эдмунд был рядом. А теперь ни в одном месте мира ей стало невозможно найти покой. И именно это заставляло Вивиану стремиться покинуть Англию. Многие ехали в Америку – отчего б ей было не присоединиться?...

Но прежде стоило нанести последний визит.

– Зачем Вы пришли? – изумилась Кларисса, увидев на пороге Вивиану, но тут же склонила голову. – Ах, понимаю. Что ж, проходите, я распоряжусь насчет чая.

Вивиана сняла шляпку, и Кларисса довольно хмыкнула, рассматривая отрастающие пряди, погубленные огнем. Она вела себя так, словно лишь на йоту сомневалась в том, что все сложится именно таким образом. И, казалось, она прекрасно знала, что произошло в ночь битвы с Ламтонским червем.

Разговоры за чаем не касались ни похорон, ни Ламтон-холла, ни покойных отца и мужа Вивианы. Поговорили о Марте, о Ретте, об Уолтерсе. Вивиана поделилась своими планами, и Кларисса их одобрила.

– Удачи Вам, моя девочка, – проворковала она, когда гостья уже собралась уходить. Женщина даже нагнулась, желая поцеловать Вивиану, но та ненавязчиво уклонилась, отойдя к зеркалу, якобы чтобы поправить прическу.

– Вот теперь я действительно вдова, – мрачно сказала Вивиана и надела черную шляпку с вуалью. Затем вышла из дома. Кларисса подошла к окну, чтобы проводить девушку

взглядом.

– Эта девушка страдает не меньше, чем другие.

Из-за плеча женщины показался молодой светловолосый мужчина.

– Но то, что каждую беду она встречает без страха, делает ей честь.

– Возможно, – Кларисса покачала головой, – теперь она вдова, догоняй ее.

Но Карл только покачал головой с грустной улыбкой.

– Не сейчас. Сперва я хочу дать ей обо всем забыть.

И Зоя, и Хэвен, и Айкен остро ощущали разницу между минувшим маем и наступившим ноябрем. Казалось бы, прошло не так много времени, да и много ли раз в обычной жизни задумаешься об отличии настоящего от прошлого – но вот теперь эта разница всех троих буквально была под дых. И если Айкен задумался от слов возлюбленной, то Хэвен и Зоя просто ощущали изменившуюся ситуацию глубоко кожей, так что иногда по мышцам пробегал спазм. Должно быть – всего лишь реакция типичного жителя Аннунна, вдруг покинувшего Дворы. Раньше, несмотря на то, что и учитель, и его ученица находились на поверхности физически, оба ментально пребывали в Сияющей стране. Но одному пришлось сойти с сидской земли, другая порвала последнюю связь с сокрытым миром, вступив в связь со смертным.

Из них двоих Зое было сложнее: ее важная часть осталась

в Аннувне, ее тянуло туда. На физическом уровне это ощущалось, как эхо от полученной травмы – тянущее, ноющее чувство. Но, к счастью, к нему можно было и притерпеться, оставалось только немного подождать.

Она взяла из сумочки косметичку, достала пудреницу и раскрыла ее, всматриваясь в свою позорную рану: память о неудаче. Потом Зоя отрезала две полоски пластыря и крест-накрест наклеила их на веко, не заметив, что Хэвен возвышался над ней, немо бросая тень на зеркало.

– Зачем это? – наконец спросил он с большим неодобрением в голосе. Зоя просто молча подняла к нему лицо, расслабилась, так что тик – трепет века, как впаянного под кожу крылышка колибри, – остался единственным пятном движения и жизни в ее облике. Хэвен безэмоционально кивнул.

– Ты снова стал молчаливый. Задал вопрос – получил ответ, никакой лишней болтовни. Теперь ты похож на себя прежнего. Это Аннувн виноват? Не стоило гостить там?

– Нет, потери, – Хэвен не посмотрел на ученицу, снова занявшись чемоданами и сумками, до сих пор до конца не разобранными. – Хотел только тебе сказать, что у нас есть одно дело.

Как выяснилось, он подразумевал тренировки. На пустырь они отправились без Айкена. Зое было неловко: она помнила это место по прошлогодним почти ласковым спаррингам, во время которых они с Айкеном чаще просто ненавязчиво обжимались, и чем дальше, тем больше, нежели дей-

ствительно дрались. В тот день она поняла, что ничего столь же деликатного здесь впредь больше не будет.

Хэвен принес с собой ведро и поставил его неподалеку на обломок плиты. На вопрос ученицы, зачем, ответил, что они будут драться, пока оно не заполнится дождевой водой. Что же делать, если ливень скоро перестанет, спросила тогда Зоя, и Хэвен только усмехнулся в ответ. Это значило "молись, чтобы этого не произошло".

И они начали тренироваться.

Зоя скинула дождевик, и в тот же момент Хэвен грубо содрал с нее толстовку, оставив в одном топике.

– Не забывай, кто у тебя за спиной, – он нанес удар, но ученица уклонилась, ушла с ложным выпадом, протанцевала по чавкающей грязи, чувствуя, как вязнут в ней кроссовки, мешая двигаться привычно легко.

Несмотря на более чем почтенный возраст, несмотря даже на погрузневшую фигуру, Хэвен двигался лучше, чем кто-либо знакомый Зое: как и всегда. Словно не прошло ни минуты с их последней тренировки в Аннунне. Зоя даже узнавала характерные приемы и обманные выпады.

Но скорости ей не хватало. Мозг был больше занят занывшими от напряжения ранами, чем защитой или нападением. Девушка никак не могла, хоть и страстно желала, отделаться от мысли "это же всего лишь Хэвен".

– Как ты собралась защищать то, что тебе дорого, если не можешь защитить даже саму себя?

Он ударил ее коленом в живот, и Зоя согнулась пополам, глупо забыв закрыть лицо: колено Хэвена врезалось ей в подбородок, смяв нос и чудом не сломав его.

– Ты все не веришь, что тебе придется сражаться со мной, – фыркнул учитель, вытирая с лица капли дождя. – А меж тем, сила Габриэля возросла. Если он захочет подчинить мою волю, он это сделает.

Зою пронзило страхом, как молнией: волна ужаса прошла через каждую клетку. Но если учитель рассчитывал, что своими словами подогреет энтузиазм подопечной, то он ошибся. Зоя защищалась, но сама прекратила атаковать, не в силах выбросить из головы страшные картины, в которых ей приходилось всерьез драться с Хэвеном. Словно сейчас ей оставались последние часы, в которые можно не хотеть его убить.

– Бейся же, ну! – учитель двинул девушку ногой в грудь.

Зоя обессиленно откинулась, позволяя себе упасть прямо в грязь и не заботясь о чистоте одежды. Она чуть было не закрыла глаза: уже расслабилась, сдалась. Но Хэвен напрыгнул на нее сверху и ударил в лицо. Так страшно ее не били несколько сотен лет в прямом смысле – безжалостный, нацеленный на максимальный ущерб хук чудом проскользил по скуле, когда девушка инстинктивно сжалась. Второй пришелся на другую сторону лица, впечатал голову Зои в грязь.

– Ведро... еще... не полное, – между ударами выдыхал Хэвен. Зоя защищалась жалко, по-девчоночьи, забыв всю на-

уку: просто испугалась.

– Если хочешь победить, попробуй сбросить меня с себя, – крикнул Хэвен, заглушая шум дождя и гул крови в ушах ученицы. Он знал, что у нее достанет силы поднять его, ведь раньше она уже это делала.

Но теперь Зоя была разбита. Ей стоило невероятных усилий спихнуть с себя учителя: сперва она только дергалась, как пойманный в тиски зверек, но потом, чувствуя, как на секунду вспыхнули на коже полосы, выгнулась, уперлась ногами в землю что есть силы, и вывернулась, освобождаясь от вмявшего ее в грязь Хэвена. Полосы погасли, не успев толком показаться.

Зоя вскочила на ноги под смех учителя. Перед глазами у нее все плыло и плясало, но из-за дождя ей казалось, что это еще не обморок. Еще никогда она не испытывала столь гадких ощущений: тошнота, подкатившая к горлу, тонкий писк в ушах, словно на неработающем канале телевидения. Хэвен поднялся на ноги легко, не замечая ни дождя, ни грязи на одежде. Он видел перед собой только Зою, в миг ставшую из ученицы противницей. И вот тогда девушка вспомнила, какие чувства испытывала к Хэвену с начала знакомства. Пусть в Неблагом Дворе и распространились слухи, что у них роман, но кто, черт побери, серьезно поверил, что можно завести отношения с кем-то, внушающим столь сильный ужас?

Зоя отпрянула назад, словно ее толкнул полыхающий взгляд Хэвена, поскользнулась и упала, вскочила, как могла,

быстро, и, не спуская с Хэвена глаз, медленно попятилась.

– Если ты сейчас же не начнешь шевелиться...

Хэвен не договорил, атакуя. Ученица с трудом увернулась, так что нога Хэвена только выбила фонтан грязных брызг из раскисшей земли. Но второй удар пришелся ей по голове, оглушая. На несколько мгновений ослепнув и оглохнув, Зоя откатилась к каменной глыбе, едва не сшибив ногой ведро. Если б она разлила воду, догадалась девушка, Хэвен бы просто заставил ее начать все заново.

Зоя медленно, преодолевая себя, поднялась, обхватила глыбу камня руками, надсадно кашляя, так что под лопатками согрелась точка боли, прижала ладонь к щеке – не только мокро, но и липко, густо. Отняла пальцы, взглянула – нет, не кровь, просто грязь. Все в порядке.

– Я учу тебя, а не убиваю, – Хэвен догадался, что она боялась, будто он разобьет ей увечную глазницу, так, что кость раскрошится.

Мужчина взял ведро и вылил воду из него на Зою.

– Вот теперь можешь передохнуть.

Она сползла на землю, не в силах подняться на дрожащих ногах, тихо захныкала, неразличимо за шумом дождя, утерла нос и лоб, только размазав по лицу грязь.

– Я не обозлился на тебя за то, что увидел в Самайн. И не разочаровался. Просто я думаю, как ты собираешься защищать то, что по-настоящему любишь, не имея на то сил? В первую очередь, душевных...

Зоя сжалась, в груди у нее похолодело: она подумала об Айкене.

– Мы начнем заново, когда ведро вновь наполнится водой?

Хэвен ухмыльнулся, щелкнул пальцами, в пелене дождя меж его ногтями блеснул тусклый зеленый огонек.

– О да. Ты ведь догадываешься, что наполняться, пока ты отдыхаешь, оно будет быстрее, чем пока мы бьемся?

Зоя поднялась, прокашлялась, нажимая пальцами на шею, чтобы выплюнуть грязь, если она попала в дыхательные пути.

– Что ж. Ты перестал меня жалеть, я перестала строить из себя валькирию. Будем драться, пока я не смогу подняться, тогда оба будем довольны, – и она сцепила руки в замок. А потом бросилась на мужчину. Хэвен улыбнулся, уходя от удара и перехватывая противницу за плечи. Ее кожа горела, готовая покрыться полосами.

Глава двенадцатая

И сегодня я встретил
Ту, кого я так ждал,
Ту же гордость заметил,
Ту же томность узнал.
Федор Сологуб

Айкен перебирал картонки с рунами в руке, как игральные карты. Зоя смотрела на то, как быстро движутся его пальцы, и думала, что уже почти забыла тот вечер, когда они ходили в казино. Как это было давно – века назад! Кого она встретила тогда? Игрока, наркомана, одержимого вожделем... А теперь рядом с ней был рыцарь, которого она сама, пожалуй, была недостойна.

Будто почувствовав на себе пристальный взгляд, Айкен поднял голову и улыбнулся Зое.

– Как твой бок? Глаз?

– Получше, – девушка положила руку на кожу ровно между ремнями. Шрама от соединения видно больше не было, но между одной частью и другой получился контраст по цвету: приложенная часть сильно побледнела.

– Я, знаешь, – Айкен отложил карточки в сторону, потер подбородок, раздумывая, как поточнее сформулировать то,

что он хотел сказать. – Вчера не было времени поговорить об этом, но, кажется, твоя магия подействовала на меня, как листья коки на морфиниста. Прилив сил и полное избавление от старой зависимости.

– О, неужели? – Зоя присела рядом с напарником. – Ты говоришь только о тех пагубных пристрастиях, что меня так расстраивали, надеюсь? От зависимости от меня ты же не излечился?

Айкен не ответил: они поцеловались, сначала легко, но потом – уже более страстно, так, что в итоге карточки с руннами полетели на пол, а молодые люди упали на диван.

Зоя чувствовала, что она будто бы двоится в такие моменты. Удовольствие имело слишком сильный привкус отчаяния.

Шел тридцать второй год. До отмены сухого закона – около одиннадцати месяцев, немногим меньше ровного числа. Но никто тогда об этом не знал. Все ходили пить в нелегальные бары, порой "подпольные" во всех смыслах слова. И вот теперь, убеждаясь, что в каждой шутке есть изрядная доля правды, Билли спускался вслед за братом и его шайкой в душное задымленное помещение, пахнущее алкоголем, табаком и развратом. Настоящий вертеп! Билли невольно прижал к боку плотнее захваченную с собой книжку стихов, словно Библию, не зная, зачем вовсе ее взял из дома. Однако потертый переплет внушал ощущение незыблемости

в этом пугающем море запрещенных удовольствий.

Рональд, старший из братьев, похлопал младшего по плечу:

– Ну, Билли-бой, возьми себе выпить и будь хорошим мальчиком, поиграй, пока взрослые будут обстрипывать свои дела.

– Поиграй?...

Рональд рассмеялся.

– Не будь таким букой. Пойди и подружись тут с кем-нибудь, – он выпрямился, щелкнул пальцами, указал на один из свободных столов в уголке. – Бутылку виски!

Бармен кивнул, очевидно, прекрасно знакомый с явившейся компанией, ее нравами и вкусами. Рональд и его друзья сели за стол и почти сразу же начали шушукаться, Билли остался в центре помещения, чувствуя себя идиотом. Краснея, словно кто-то мог ему это запретить, он шмыгнул к барной стойке и заказал себе виски. Не первый стакан за всю жизнь, но вот так, практически в открытую, самостоятельно – впервые. Молодой человек ослабил галстук и осмотрелся, ожидая, пока ему нальют.

И с этого момента его жизнь начала резко меняться, хоть на первый взгляд трудно было бы это заметить. Но все последующее было вышито Судьбой на ткани реальности еще века назад.

Билли заметил ее у стены: невысокая миловидная рыжая девушка, оправлявшая складку на подоле. Она подняла

взгляд и улыбнулась, но кому – неизвестно. Ее глаза смотрели то ли на Билли, то ли на кого-то за его плечом. Он обернулся, а когда вновь посмотрел вперед, увидел, что место опустело (впрочем, как не обнаружил никого и за спиной). Девушка уже кружила по танцполу с молодым человеком, обладателем густо напыленных волос.

– И что же так тебя заворожило, приятель? – спросил у Билли бармен, но, проследив за поворотом головы клиента, догадался раньше, чем тот ответил. – А-а-а, Виви. Она тут танцует со всеми, особенно, если напьется. Веселая девушка.

– Хочешь сказать, безотказная?

Бармен пожал плечами, усмехаясь, как бы говоря "думай сам". Билли стало неловко, он предпочел взять свой стакан и сесть за один из пустующих столиков возле танцпола. Невдалеке от своей компании, но все же отдельно от них. К тому же, ему отчего-то хотелось посмотреть на Виви. Ее подол взмывал выше колен, когда она, смеясь в танцевальном экстазе, вскидывала ноги. Билли отвлекся лишь на секунду, ставя стакан на стол, и именно в эту минуту раздался звук пощечины. Молодой человек поднял голову. Виви, красная лицом и шеей, спиной шла от своего недавнего партнера по танцу. А тот смотрел на нее непонимающими пустыми глазами, держась за щеку. Между пальцами проступал отпечаток ладони – поменьше, чем у него.

Виви подошла к барной стойке, положила на нее локти, наклонилась вперед, шепча что-то бармену. Потом оберну-

лась, нервно стреляя глазами, и взглянула прямо на Билли. В смущении он опустил голову и уткнулся в книгу, которой наконец нашел применение. Но не успел прочесть и трех строк, как услышал, что кресло напротив него скрипнуло под чьим-то весом. Билли поднял голову: на него умоляюще смотрела Виви, держа в руке бокал.

– Молчите, – девушка лучезарно улыбнулась. – И сделайте вид, что мы с вами хорошие друзья, пожалуйста. Не хочу, чтобы Ваши приятели нам помешали. А еще меньше хочу, чтобы тот обиженный господин заявлял на меня права.

Уильям опешил.

– Меня зовут Вивиан. А Вы – мистер Купер?

Молодой человек озадаченно кивнул.

– Уильям.

– А! «Могучий царь! Которого рука Хранит мощь суши и морей...»⁶

– Нет, моя фамилия пишется иначе, через О.

– Что ж, Уилл. Билл, значит. Так, должно быть, они, – легкий кивок головой в сторону приятелей парня. – Вас называют.

– Верно.

– Наслышана о Рональде.

Вивиан протянула руку через стол, Уилл осторожно сжал ее своей, и прежде, чем он подумал, а не стоит ли поднять-

⁶ Виви декламирует строку из стихотворения Уильяма Купера (Cowper) «Grace and Providence».

ся и поцеловать запястье новой знакомой, девушка одарила его крепким рукопожатием. И в следующую секунду пальцы ее расслабились, легко выскользнули из кулака Уилла. Молодой человек подумал, что не так эта Вивиан проста, как могло бы показаться с первого взгляда.

Внешности она была нетривиальной, небанальной, вся – словно причудливая китайская головоломка из слоновой кости, вырезанные друг в друге куб и шар, где в шар помещен еще один куб. На первый взгляд она могла показаться лишь хорошенькой – за счет румянца, ясных синих глаз, блестящих темно-рыжих волос. На второй же Вивиан смотрелась либо как крайне несимпатичная женщина – слишком округлые глаза, слишком крупный нос, любопытно выдающийся вперед, слишком грубые скулы; либо как удивительная красавица. Уилл боялся отвести взгляд, опасаясь, что если станет сравнивать Вивиан с другими девушками в баре, ему придется сделать какой-то вывод относительно ее внешности, заклеить как дурнушку или милашку, но сейчас он наслаждался миготом, который, возможно, мог бы и не повториться. Он смотрел на девушку и не мог решить, привлекательна она или отталкивающая. Глаза – но губы. Скулы – но шея. Нос – но волосы.

– Вы рассматриваете меня так пристально, будто пытаетесь вспомнить, – сказала Вивиан. В ее глазах мелькнула едва уловимая грусть: через отведенные на мгновение зрачки, мимолетное движение ресниц. И Уилл склонился к реше-

нию, что она все-таки хороша.

– Сожалею. Но не помню Вас.

– Да. Должно быть, мы и не виделись никогда. Я не так давно в Америке, – призналась девушка, закурила, и дым словно пробудил в ней ностальгию. – Да, а в Париже многое иначе.

В Вивиан было что-то, что Уильям раньше встречал вживую только в мужчинах. При малом росте она будто занимала в несколько раз больше пространства, высилась, как Афина Паллада, даже сидя. В Вивиан чувствовалась уверенность высокого, сильного человека, какую раньше Уилл подмечал разве что в изображенных на гравюрах китайских императрицах да еще – своих товарищах, среди которых было немало коротышек, прекрасно знающих себе цену.

– Все, кто проживает в Париже дольше пяти лет, в своем роде сходят с ума, – она затянулась сигаретой.

Билли смущенно улыбнулся, догадываясь, что если попробует развить тему Франции, неизбежно скажет какую-нибудь бестактность.

– Вы еще учитесь?

– Да. Я заканчиваю университет.

– Хотите стать большим человеком?

Билли ухмыльнулся.

– Даже не знаю. Теперь это значит – бросить учебу и прикнуть к моему брату, его шайке. Еще не уверен, что это по мне, хотя их жизнь, конечно, может вызывать зависть. Но

они – вольные дикие скакуны, а я тот конь, что рожден для повозки крестьянина. Рабочая лошадка. Выше головы же все равно не прыгнуть, как ни умоляй судьбу.

– И тем не менее, Вы с ними таскаетесь, как собачонка на поводке. Уж не от этого ли высокий поэтический лоб юного Билли так мрачен? Уж не от того ли Вы искали, где выпить. Впрочем, однако ж, Вы нашли, – Вивиан сделала аккуратный глоток из бокала.

– И нашел Вас. От таких глубоких синих глаз можно опьянеть без алкоголя, – Уильям улыбнулся, виски придал ему храбрости, вспомнился наказ брата "подружиться" с кем-нибудь. Закадрить девушку считалось "взрослым" поступком, и теперь Билли, очарованный раскованной собеседницей, на полную катушку включил свое юное обаяние.

– Полно Вам. Не льстите, – Вивиан махнула рукой. – Я и так очарована одним Вашим видом и томиком Байрона, который Вы не выпускаете из рук.

Уильям озадаченно посмотрел на книжку, зажатую меж пальцев.

– Люди приходят сюда, чтобы промочить горло. А Вы – с книгой. Как думаете, достаточно, чтобы влюбиться? – девушка намотала прядь на палец. – Стендаль писал, что первооснова любви – восхищение.

– И Вы восхищены? – она кивнула. – Если честно, я тоже.

– Нравы сейчас такие, что теперь бы мы вполне могли отправиться куда-то вместе, и сделать то, что, говорят, достой-

но такого же отношения, как легкий ланч.

Уильям смущенно опустил глаза. Неловко потер пальцами обложку истрепавшегося томика.

– Вас это шокирует, – понимающе протянула Вивиан. – Но мы все равно подождем.

– Чего?

– Не знаю. Но я хочу соблюсти приличия. Хотя бы с Вами.

Он снова вскинул на нее глаза, изумленные такой легко нанесенной обидой – и еще больше удивленные тем, какую боль она доставила. Глядя на своего собеседника, Вивиан рассмеялась.

– Не берите в голову, милый. Я вовсе не хотела... – улыбка исчезла с ее губ. – Ох, простите, наверное, я погорячилась.

Вивиан задумчиво начала наматывать бусы на палец. Она помнила Эдмунда – молодого человека, закончившего медицинское училище, человека прямого и бесстрашного, порой, быть может, своенравного, что проистекало исключительно из-за его природной непосредственности, "дурного мужа" ее мечты, но, в общем и целом... Эдмунд был мужчиной великолепной. А сейчас перед ней сидел Билли, растерянный, молодой, еще почти мальчишка, романтик и мечтатель... Вивиан видела невооруженным глазом, что если его не выдернуть за руку – хоть бы и в Париж, тут, среди сухого закона, воровства, банд и грязи он попросту пропадет. И очень скоро.

Вот только с ее Эдмундом Билли имел мало общего, как

казалось Вивиан. А значит – стоило ли стараться?..

– На самом деле, мне тут не слишком нравится, Вивиан. Не подумайте чего. Я хотел бы быть полезным обществу и пользоваться почетом – а на данный момент в Америке это для меня, кажется, невозможно.

Вивиан улыбнулась: да, молоденький Билли... но характер у него был ровно тот же, что век назад показывал Эдмунд. Как только они сровняются возрастом, догадалась девушка, и сходство между ними станет почти полным.

– Тут действительно плохо, – Вивиан наклонилась, и взгляд Билли уперся ей в вырез, – надо ехать в Париж. Там можно пить и чувствовать себя свободным. О, я не имею в виду, что это взаимосвязано, нет, просто...

Он не слышал, что она говорит, не слышал и музыки, все его чувства затаились, оставив одно только зрение. Слишком узкое платье Вивиан – для тощих девиц с грудью едва ли в тридцать два дюйма – стискивало ее формы, заставляло их рваться вон из выреза, зрительно превращая тридцать пять дюймов во все тридцать восемь.

– Простите, – медленно пробормотал Билли. – Я не слышал, что Вы сказали...

Он хотел наклониться и провести языком по ложбинке меж ее грудей.

– Знаете, то, что я сейчас хочу сказать... Быть может, не стоит. Это странно... но мне часто снилась женщина в красном. Похоже на судьбу, не правда ли?

Вивиан улыбнулась.

– Пожалуй.

Она поднялась плавным движением, даже не оглянувшись, несмотря на то, что в спину ей уперся взгляд отвергнутого партнера по танцам – того самого, награжденного пощечиной. Билли, словно его потянули за невидимый поводок, тоже встал, и также не посмотрел через плечо на брата и его шайку.

– Пойдем. Я знаю, куда здесь можно спрятаться.

– Что?! Ты же сказала, что хотела бы узнать меня побольше.

Вивиан кивнула, немного подняв уголки рубиновых губ.

– Но...

– У нас нет этого времени, – она покачала головой, потом притянула Билли к себе, ухватив за лацканы пиджака. – Пойдем.

Они нырнули в темный коридор, поднялись по лестнице: Билли не помнил, был ли тут, пока спускался с друзьями в питейную, или нет. Алкоголь лишал его разума, близость женщины будоражила не меньше, чем виски, сердце kloкoтaло где-то в горле. Он прижал ее к стене, зарылся носом в ее чуть влажные волосы.

– Вы, парижанки, просто сумасшедшие.

– Я не парижанка.

– Не важно.

Они просочились в крохотную каморку, очевидно, слу-

жившую гардеробной. Из-за стены все еще доносилась приглушенная музыка, едва ощутимо дребезжал пол от сотни ударяющих в него каблуков. В комнатке пахло нафталином, но когда Билли обнял Вивиан и ткнулся носом ей под ухо, аромат ее духов и кожи – фруктов, воска и феромонов, диких, тигриных, – перебил неприятный запах.

Вивиан мягко высвободилась из объятий Билли и повернулась к нему спиной.

– Пожалуйста, помоги расстегнуть.

Он провел рукой по ее лопаткам, ища застёжки. Подсознательно молодой человек уже знал, что увидит – то есть, увидел бы, будь в камере светло. Спина, талия, бедра и грудь – Вивиан будто была ему давно знакома. И то, что она, когда платье соскользнет на пол, повернется к нему и обнимет за шею руками в перчатках он тоже знал.

Он подхватил ее под бедра, прижал к стене. Вивиан вцепилась в какую-то вешалку, второй рукой зарылась в волосы молодого человека и притянула к себе. Он чувствовал, как к его шее липнут ее жесткие от завивки волосы.

Потом они упали на пол, попутно сорвав с вешалок чьи-то пальто.

О том, что бармен намекал на то, что Вивиан распутна, Билли даже не подумал, не задался вопросом, каким по счету он идет у женщины, которая для него стала первой. Потому что она отдавалась ему с такой яростью и с таким отчаянием, словно это был первый и последний раз в ее жизни, совер-

шенно особенный, неповторимый и едва ли не священный.

После они чуть отстранились друг от друга, чтобы не было так жарко, Уильям пошарил рукой в ворохе своей одежды, нашел портсигар и спички, закурил. Вивиан тоже взяла сигарету, но не спешила затягиваться.

– Чудно, я будто знаю тебя всю жизнь, – улыбнулся он, устраивая голову у нее на коленях. Девушка негромко засмеялась.

– Так и есть.

Зоя села на постели, чувствуя, что почти не может дышать, объятая воспоминаниями. Она хотела их отогнать, но не смогла, сдалась на милость выплывших из подсознания видений – они обрушились на нее лавиной, перечеркнувшей зрение, смявшей, пронзившей сердце. Зоя обессиленно повалилась на подушки, шевеля губами, беззвучно рыдая.

Вернулись к ней воспоминания о следующей их встрече – с обладателем той души, что сейчас была рядом с ней под именем Айкена. А это значило, что третьего шанса у них не будет. Та жизнь, что есть – последняя. Лгала ли Кларисса, говоря, что Зоя умрет, если ее сломать на этот раз, или любовь со смертным это изменила, но душе Купера, однажды уже познавшего вкус магии, однозначно не повезло. Даже с магической точки зрения, нынешняя жизнь была наименее благоприятной, чем предыдущие.

Зоя вдохнула воздух ртом и ей показалось, что он горек на

вкус. Она снова села на постели, обернулась, чтобы посмотреть за окно. За неплотно сдвинутыми шторами виднелось серое небо: смеркалось или рассветало.

– О, ты проснулась, – в комнату вошел Айкен. – Ты проспала весь день, сейчас уже вечер. Ты не больна?

– Нет, – Зоя потерла лоб. – Я чувствую себя здоровой и бодрой, как никогда прежде.

На самом деле, тело действительно блаженствовало: тянущая боль в ногах и плечах, следы хорошей тренировки, гудящая от слишком яростных поцелуев шея, еще помнящие бурный секс соски, теперь среагировавшие на движение ткани сорочки по ним... Это все были признаки жизни, такие яркие, такие приятные, что, находишь Зоя в более благодатном настроении, наслаждалась бы ими, пока они не притупились до почти полного исчезновения.

Молодой человек сел на кровать рядом с возлюбленной, поправил плед у нее на коленях, провел рукой по ее щеке.

– Ты лукавишь. Холодная кожа, бледное лицо.

Зоя помотала головой, одновременно ласкаясь к ладони Айкена.

– Нет, ты же можешь судить по себе, физически со мной все настолько в порядке, насколько вообще может быть. Дело в другом.

И она начала рассказывать свой сон. Айкен слушал, не перебивая, только его широкие брови все быстрее приближались к переносице.

– Знаешь, что? – сказал он наконец, не дослушав до конца и прервав Зою на первом же глубоком вдохе, который она сделала, чтобы продолжить рассказ, – тебе нужно развеяться. Проветрить голову. Иначе ты совсем тут раскиснешь.

Зоя знала, что в первую очередь Айкен полагался на целительную силу собственного общества и освежающее действие нежных объятий, а никак не на неухоженную атмосферу канадского парка. Но, как оказалось, дело было в другом.

Хэвен сидел в гостиной, прикусив ручку, как сигару. В руках у него были выписки из банка.

– Не знаю, как я умудрился потратить все деньги... впрочем, я не приик к этим человеческим делам. Ничего не понимаю в экономике. Кажется, я дал маху, друзья. Счет почти пуст. Я не знаю, как можно жить дальше, не имея средств к существованию. Видимо, придется нам тут осесть.

– Или рвануть в Вегас, – Айкен улыбнулся, но коротко, его зубы блеснули за губами, словно упавшая за горизонт комета. Хэвен непонимающе взглянул на экс-детектива, но Зоя уже кивала с полной знания ухмылкой.

– Твоя магия... точнее, моя. Она снова с тобой.

– Да. Я снова везунчик, – Айкен подмигнул. – Пойдем. Будешь целовать и дуть на мои фишки.

– Это крайность, – Хэвен сжал пальцами переносицу. – Если уж вводить военное положение, которое мешает вам, ребятки, найти нормальные работы, то я предлагаю способ

попроще. Лепреконское золото. Конечно, Габриэль сразу нас выследит по остаточной магии, но светиться в сомнительных местах едва ли безопаснее.

Зоя потерла виски.

– Только не волшебные монеты. Ненавижу, когда приходится так делать. Во-первых, я всегда краснею, расплачиваясь, а во-вторых, нам могут надрать задницу, если поймают.

Хэвен пожал плечами и лихо улыбнулся – настолько беспечно, что Айкен даже изумился. Зоя фыркнула, очевидно зная об иных гранях личности своего учителя.

– Так или иначе, никакого соглашения о том, что «сидам нельзя демонстрировать магию», как об этом пишут в сказках, на самом деле нет. Просто у нас у всех это немного в крови, так сказать. Мы просто скрытые от природы. Но теперь, когда обстоятельства вынуждают нас быть немного нечестными, я думаю, мы вполне вправе пользоваться магией направо и налево.

– Немного? – скривилась Зоя.

– То есть, – сказал Айкен, так как Хэвен не удостоил ученицу даже взглядом и явно не собирался ей отвечать. – Если все газеты будут трубить о загадочных событиях, то сидскому сообществу на это наплевать?

– Да, – просто ответил Хэвен и вновь пожал плечами. – раньше рассказы о таком становились мифами, а теперь каждого, кто сообщит какую-нибудь такую историю, упекут в психушку или в наркологическую клинику. Да он и сам туда

пойдет, если не решит, что просто заснул или получил солнечный удар. Вот поэтому мне нравится, что я путешествую именно в этом веке.

Айкен непонимающе покачал головой.

– Трудно себе вообразить... Я с трудом верю...

– А помнишь, как у нас на глазах сожрали двух паренчиков? – подняла голову Зоя. – Ты тогда тоже переживал, что дело предадут огласке. И что? Хоть одно упоминание в самой заштатной газетенке?

– Вообще-то, одно было.

Девушка фыркнула.

– Одно. О да, как много. На предпоследней полосе?

Айкен возвел очи горе, и вдруг поцеловал Зою в висок, протянул ей пачку сигарет и игриво хлопнул пониже спины.

– Милая, ты не хочешь покурить на кухне? Или приготовить своим бравым мужчинам пару бутербродов?

– Нет, – Зоя смяла пачку, так что сигареты внутри заскрипели. – но я уйду, чтобы вы завели тут вроде как «чисто мужской разговор».

Она подняла руки, капитулируя, и вышла из гостиной. Сама Зоя думала, что просто, возможно, она действительно слишком сильно давит на Айкена, так что он уже начал сомневаться в своей мужественности рядом с ней. Ему нужно немного пространства, а Хэвен страдает без того о ком бы мог заботиться – Симонетты, – и подсознательно ищет объект ей на замену, рассуждала девушка. Но она в большей сте-

пени ошибалась, чем была права.

– Ты не очень-то изящно ее выпроводил, – хмыкнул Хэвен.

Айкен пожал – почти дернул – плечами, как в судороге. «По крайней мере, я не ударил ее по месту одной из травм, как Вы!» – раздраженно подумал он, а сказал иное:

– Для ее же блага. И, отчасти, Вашего. Вы оба тоскуете по Симонетте, я вижу. И вам обоим это внове, – молодой человек облизал губы нервно, смущенно, словно просил, а не предлагал. – Казино поможет нам всем троим немного развеяться. Если, как вы говорите, с первого ноября сиды рыщут по земле беспрепятственно, нам уже ничего не повредит. Если этот ваш – как его? – Кронос на стороне Габриэля, то отчего бы не повеселиться? Если он действительно такой монстр, как Вы расписывали Зое. Наша песенка спета, я всего лишь хочу перед смертью еще разок развлечься со своей девушкой.

Айкен сунул руки в карманы и направился на кухню.

Зоя думала о том, чтобы надеть то же самое красное платье, в котором она была в их первый раз на «работе» Айкена, но передумала. Его место было в шкафу. И тогда девушка достала другое платье, которое принесла ей Кларисса: вычурное роскошество, расшитое пайетками, так что смотреть порой больно. Может быть, немного слишком для мира смертных, но в Аннувне такой вызывающий шик ценили.

Глаз она прикрыла отросшей челкой, а остальные волосы забрала заколкой и разделила на три части: две богатые пряди падали на плечи из-под ушей, остальные прикрывали шею и лопатки до середины.

Хэвен и Айкен оделись в одинаковые пиджаки и белые рубашки, так что, идя позади Зои, напоминали ее телохранителей. Отличались они только наличием галстука: Хэвен надел его, застегнув воротничок до последней пуговицы, Айкен же щеголял голыми ключицами.

– Ну что ж, встречай блудного сына, вечная обитель, – ухмыльнулся Купер, толкнув дверь черного хода клуба. – вошьемся в толпу игроков, как будто были тут вечно.

В первые минуты внутри Зоя чувствовала себя скованно. Ее настроение все никак не могло прийти в норму, глазница болела, нога и бок ныли.

– Я чувствую, как на нас все смотрят, – недовольно шепнула девушка Хэвену. Он ухмыльнулся.

– Конечно. Мы же выйдем отлично, а потому – вызывающе. Пойдем, выпьем за предстоящие несомненные победы.

Айкен хотел было сказать, что это плохая примета – пить за то, что только собираешься сделать, но они действительно смотрелись отлично – все втроем. Как уже ухватившие свой куш. Да, на сей раз нам сойдет и иллюзия, подумал экс-полицейский. А после нескольких бокалов шампанского все сомнения начали отступать на задний план.

Зоя раскраснелась, заулыбалась и яркие огни казино по-

казались ей не менее манящими, чем волшебное сияние Аннунва. Она выпила бокал до дна и разбила о пол: осколки взмыли вверх, так что Айкен увидел ее в этом сиянии мерцающих брызг, как в колдовском ореоле. Он тоже выпил – в достаточной мере, чтобы немного потерять чувство реальности, хотя надеялся, что не так много, чтобы не разглядеть карт. К тому же, если использовать наркотики он больше не мог, приходилось заменять их чем-нибудь хотя бы отдаленно похожим – пусть сегодня это были ром и его девушка. Ее губы припали к его горячей шее, руки их сплелись, и где-то в сминающейся суতোлке излишне жарких объятий Айкен ощутил холодные ладони Хэвена, разнимающего их, словно заигравшихся котят.

– Не здесь, сумасшедшие!

Огни плыли перед глазами экс-полицейского, словно утекающие мимо окна автомобиля фонари. Измененное состояние сознания – кажется, как-то так это называется, подумал Айкен, направляясь к игральным столам. В спину молодому человеку, как последние жаркие лучи заходящего солнца, была сила Хэвена и Зои, тоже высвободившаяся, сорвавшая покровы.

Айкен выбрал пустой стол, предлагая судьбе самой распорядиться, кто составит ему пару. И долго ждать не пришлось. Вскоре ему предложил сыграть некий подозрительный субъект – худой блондин с лисьим лицом.

– Начнем со скромных ставок?

– Как пожелаете.

Айкен видел масть карт, но их края дрожали, словно подпаленные. Молодой человек думал о схожести их с рунными карточками, которые до сих пор немного оттягивали карман на его рубашке. А блондин тем временем загребал его деньги. Айкен даже не смотрел на него, голова гудела, и экс-полицейскому было плевать.

Во всяком случае, блондин видел на лице противника полное безразличие к происходящему.

Хэвен и Зоя в то время все еще оставались в другом конце зала.

– Не мешай ему, – посоветовал учитель, когда девушка хотела было пойти за своим молодым человеком.

– Но я – его удача.

– Теперь у него, поверь, вполне хватит своей, – Хэвен ухмыльнулся, но не намекая на то, что слышал их ночами, хотя он, определенно, знал о каждом разе, даже происходившем вне дома – по увеличивающимся слоям магии, окутывавшей возлюбленных невидимым и неосязаемым, но вполне ощутимым на сверхчувственном уровне коконом.

Зоя хотела было сказать, что знает, и дело не в этом, она просто не может сопротивляться, чтобы не пойти к Айкену. Она чувствовала, как идет игра, какие карты у каждого из противников... И тут ее ошеломило осознание, что на ментальном уровне к ней так неистово взывает не Айкен! Зоя

пошатнулась и чуть было не упала, но Хэвен подхватил ее, удержал.

– Споткнулась? Выпила слишком много?

Зоя медленно кивнула, хотя хмель уже оставил ее голову. Она ощутила чью-то силу, прошившую ее от макушки до пят, как удар молнии: нечто знакомое и дикое коснулось каждой клетки ее тела, взволновав. Ощущение было похоже на то, что чувствуешь, летя на американских горках.

– Просто голова закружилась, – пробормотала Зоя, зажмурившись и резко раскрыв глаза, так что перед ними заплясали разноцветные точки. Ей на миг показалось, что отражение в одном из зеркал, висевших напротив, отсалютовало ей бокалом.

И тотчас Зоя поняла: это было не отражение. Больше того, девушка, еще секунду назад стоявшая у зеркала, была похожа на нее только лицом.

Видимо, Габриэль действительно не стал ждать возвращения прежней Виды и сделал себе новую. Более преданную.

Не только отставные полицейские считали, что лучший способ разжиться деньгами – это обыграть кого-нибудь в покер. Принцы, еще несколько веков назад купавшиеся в роскоши внутри холмов, теперь, в новорожденном двадцать первом веке, не брезговали испытать свою удачу... Особенно, если ее можно было подкормить толикой магии.

Карл никогда не проигрывал. Это создавало ему опреде-

ленные сложности: приходилось часто менять казино, в которых он собирал крупные куши, иначе его начинали подозревать в жульничестве. Несмотря на то, что доказать никто ничего не мог, ни один человек ни разу не поймал принца на шулерстве, его просто выставляли из некоторых заведений, не объясняя причин. И потому Карл колесил по стране теперь вдвое активней, не в пример прочим годам. Работу фокусником он вовсе забросил, потому как коронованным особам – даже изгнанным и лишенным своего титула, – не пристало напрягаться. Деньги должны сами течь в руки.

И теперь, в крохотном Халле, принц собирался получить еще одну из своих обычных головокружительных побед, а потом смыться в неизвестном направлении, взяв напрокат машину (и, разумеется, бросив ее на полдороге, потому что и такое поведение – вполне в духе венценосных ублюдков).

И вот теперь перед ним сидел очередной глупый смертный (что за вид? Сигарета свисает из уголка рта, щетина, едва поскребенная бритвой, волосы торчат в разные стороны – ни дать, ни взять, разбойник с большой дороги, и даже нежно-привлекательное лицо не перебивает этой ассоциации). Карл дал ему выиграть всего пару раз, чтобы мальчишка почувствовал азарт (впрочем, кажется, напрасно – парень смотрел на карты из-под полуопущенных век, почти безразличный к происходящему). Пьян он, что ли, подумал Карл и оказался близок к истине. По большому счету, ему все равно было наплевать, почему этот чудик играет с ним.

Отпущенный ему период везения закончился, Карл намеревался теперь выигрывать каждый кон.

Карты заметались по столу осыпающимися лепестками, вспугнутыми птицами.

Наконец, мальчишка проигрался в пух и прах. Карл с усмешкой смотрел на бледное, но все так же безучастное лицо напротив. Серые глаза были едва сонно приоткрыты – ах, бедняжка, подумал принц, кажется, он еще не скоро поймет, что у него теперь надолго пусто в карманах.

– Ну что, дружок, есть у тебя еще, что поставить на кон? – с усмешкой процедил Карл, не надеясь на положительный ответ. Однако же смертный его удивил. Он нагнулся и выцепил из-за пазухи подвеску с необычайно крупным бриллиантом.

– Эта штучка принадлежит моей девушке. Она очень ценная, стоит больше, чем все то, что ты только что у меня выиграл, ловкач.

Карл потянулся к подвеске, щурясь, но мальчишка молниеносно снова спрятал украшение под ворот рубашки.

– Э нет. Ты сперва выиграй, а потом щупай.

Принц фыркнул. Тоже мне, дело! И они со смертным договорились на еще одну игру – все деньги Карла против бриллианта мальчишки. Карл перетасовал карты.

Принц подключил всю свою магию, но мысленно сосредоточиться на игре не мог никак – его голову занимал только что виденный бриллиант. Нет, не могло быть, чтобы это

действительно оказалась вещица из Благого Двора! Откуда бы простому человеку получить ее? К тому же, в последний раз Карл еще не так давно видел похожий кулон на шее леди Клариссы, а она своими побрякушками не разбрасывается.

Мысли принца утекли далеко, но он не забывал подновлять магическую ауру удачи, окутывавшую его непроницаемым плащом. Именно в тот миг, когда Карл готовился объявить противнику о своей победе и наконец схватить подвеску, рассмотреть как следует, смертный бросил карты на стол – практически в лицо сопернику и ухмыльнулся.

– Фуллхауз. Отдавай свои денежки. Ой, то есть, уже мои денежки.

Карл оттянул воротник, чувствуя, что задыхается. Перед глазами у него плясали разноцветные круги – он не только вернул мерзкому притворщику все, что выиграл у него, но и продул то, что успел выманить у простаков за весь этот вечер. Он собирался встать, надеясь пройти к барной стойке и забыться алкоголем, но тут вспомнил, что разорен настолько, что лишен последнего гроша, и тяжело сел обратно. Даже на такси у него не осталось денег.

– Сыграете еще раз? – на плечи противника вползли руки с ослепительно-алыми ногтями. – Я бы посоветовала.

Перед глазами у Карла все плыло... но он узнал это лицо. И эту самодовольную улыбку победительницы.

– Вида...

Зоя улыбнулась, чувствуя, как в ней вспыхивает память о

прежней любви – и на мгновение она позабыла, что касается руками Айкена, на миг он вообще перестал существовать в ее вселенной, пока она смотрела в глаза своего принца. И все же – это было лишь воспоминание о любви, бледное, выцветшее, которое нуждалось в возрождении.

Он узнал ее, даже не видя лица, полускрытого волосами – учуял запах Дворов на ее коже.

– Эй, – Айкен заволновался, видя, как его недавний противник встает и направляется к нему, словно околдованный. – Я, конечно, ободрал тебя как липку, но незачем...

И тут он все понял. Карл перестал себя контролировать, его отводящая глаза магия рассеялась, и он предстал на виду у всех таким, каким был. Не узнать в этом, даже немало измененном горестями, лице Габриэля было просто невозможно.

Принц двигался к своей Виде медленно, будто ему требовалось преодолевать толщу воды. Он узнал ее только на внутреннем уровне, так что теперь познавал на внешнем, мало-помалу вспоминая забытые за прошлую жизнь черты, которые редко когда ему удавалось задержать возле себя дольше одной ночи.

Она была почти такой же, как и каждый раз, когда он оставлял ее против своей воли одну на остывающем одеяле – внутренне, как сущность. Только магия в ней возросла и расцвела, раскрылась, словно пион. Однако, изгнанный принц заметил, что она раздалась в плечах, округлилась в

бедрах – стала совсем другой внешне, почти неузнаваемой. И... красивой. Лепил ли Габриэль ее второпях, но теперь, даже с одним глазом, Зоя могла бы поспорить по эффективности со многими леди обоих Дворов. Но Карл не смог сдержаться и вздрогнул, когда увидел заклеенную большую глазницу. Пустой. Без самого прекрасного, что было в Зое.

Мужчина горестно выдохнул и потянулся обнять девушку, но Зоя уперлась руками ему в грудь и мягко отстранила.

– Но я рада тебя видеть, – голос ее звучал иначе, чем он помнил. Впрочем, Карл вообще больше помнил ее как Зою, вовсе лишенную голоса.

Пальцы мужчины скользнули по подбородку девушки, огладили ямочку – единственное знакомое место во всем ее чужом облике. И самое любимое. То, что Карл сам привнес в ее лицо еще в самом первом акте творения. А Габриэль подло скопировал. Но – на счастье, на счастье.

– Кто сделал с тобой такое? Кто посмел?

Зоя вздохнула.

– Твой брат и твоя жена.

Рука Карла отдернулась от лица девушки, словно обжегшись.

– Иногда не знаю, зачем спрашиваю, если догадываюсь, что мне не понравится ответ, – усмехнулся он.

Зоя отвернулась. Она видела, что привлекало ее в Карле – тогда еще принце Натаниэле. Очаровательная улыбка, длинные, как у девушки, ресницы, мягкие черты лица – то, чего

был лишен Габриэль. Из-за капризной гримасы черноволосый брат Карла не выглядел и на десятую часть так же привлекательно. Но время не пощадило и изгнанного принца. Характер отпечатался и на его лице, хоть и чуть менее явно. На фоне приодевшегося на «работу» Айкена принц даже не смотрелся таким уж красавцем: Карл не обладал ни мышцами бывалого воина, ни стройностью танцора. Он был бледен и тощ, как студент, его красота выглядела, как нечто неестественное, чуждое этому миру и прекрасное только по этой причине, не по какой-то другой. И в этом он также был похож на брата.

– Может быть, ты представишь меня своим спутникам? – Карл прищурился, от одного этого движения мгновенно в несколько раз похорошев. У Зои перехватило дыхание. Она и забыла, какова мощь и красота истинных сидов и тем более – аристократии Дворов. Неудивительно, что даже злое могущественное колдовство не до конца стерло из ее памяти эти удивительные черты.

– Это... это мои друзья, – с трудом вдыхая, пробормотала Зоя. Хэвен и Айкен приблизились к ней, девушка ощутила это кожей – и не странно, ибо в жаре зала каждое движение чувствовалось, словно бьющиеся о тело горячие волны.

– Ваше Благое Величество, – благоговейно сказал Хэвен и опустился на одно колено. У Айкена при виде этого даже заболело сердце. Отчего-то так неприятно оказалось ему зрелище покорного экс-дини ши. Нечто похожее ощущаешь в

зоопарке, глядя на мощных хищных зверей, запертых в неволе ради потехи.

– Встань, – произнес Карл и тут же жалко развел руками, – я не король.

Зоя успела отметить, что Карл воспротивился и поднял воина с колен не сразу, оставил себе пару секунд для того, чтобы насладиться титулом.

– В таком случае, я буду звать Вас «Ваше Высочество».

– Хорошо, – судя по блеснувшему в глубине глаз Карла удовлетворению, это было больше, чем просто хорошо. Это было лучшее, чем утолялась жажда его тщеславия.

– Нет, погоди, – Айкен выставила ладони вперед, – не понимаю. Если Габриэль король, то как ты можешь оставаться принцем?

Карл невесело усмехнулся.

– Вообще-то я уже и не он, я изгнанник, но загвоздка, о которой ты спрашиваешь, в том, что меня заставили уйти раньше коронации.

– И женитьбы на Медб?

– Нет, – коротко бросила Зоя. Слово вышло кашляющее, сухое, злое.

Карл вздрогнул.

– Ты помнишь.

– Фрагментарно, – Зоя напряженно кивнула, – а жаль. Но это совсем не то воспоминание, как было до того. Мы сломали проклятие Габриэля, так что теперь ты сможешь быть рядом

со мной, не забывая всего снова, и магия не отправит нас на разные концы мира людей.

Она не стала добавлять, что теперь она встречается со смертным. Всему свое время, подумала Зоя. Тем более, у них были для обсуждения темы поважнее. Как только девушка собралась сообщить Карлу о встреченной ею собственной черноволосой копии, как он сам завел о ней разговор.

– Я должен кое-что сказать. Сперва твое лицо показалось мне знакомым вовсе не из-за того, что ты – моя Зои. Ко мне сегодня уже подходила девушка, выглядящая точь-в-точь, как ты. Ластилась, набивалась на ночь и, – Карл виновато развел руками. – Я дал ей свой адрес.

Зоя вздрогнула и сжала ладонь принца. Айкен недовольно отвернулся, цокнул губами: на него она никогда не смотрела так обеспокоенно, даже когда искала красные точки на сгибе локтя.

– Это серьезный промах, – девушка покачала головой совершенно беззлобно, только взволнованно. Так смотрят на щенков: очаровательных, безмозглых существ, на которых невозможно сердиться. – Габриэль открыл на нас охоту. И, разумеется, тебя в том числе. Я не могу гарантировать тебе полную защиту, но настаиваю, чтобы ты пошел с нами. Нужно держаться вместе.

Айкен покачал головой, с трудом скрывая обиду:

– Эй, а меня кто-нибудь спросит?

Но Зоя и Карл уже направлялись к выходу. Девушка бе-

режно приобнимала принца, словно раненого.

– Нет, парень, никто, – то ли насмешливо, то ли просто весело сказал Хэвен, проходя мимо экс-полицейского и следуя за своими господами.

Карл, Зоя и Хэвен сели в одно такси, Айкен – в другое. Отчасти это был с его стороны знак протеста, но вряд ли кто-нибудь это заметил: он просто вышел последним и в первую машину бы не влез.

Но у подъезда его, по крайней мере, подождали. А то могли бы и зайти, раздражался про себя Купер, у них же есть ключи. Кого интересует, чей это дом?! И то, что его даже не пропустили вперед на лестнице, только усугубило плохое настроение экс-полицейского.

Не глядя на него, на лестничной площадке Зоя достала ключи и сунула их в замочную скважину, покрутила (замок с трудом отпирался). Карл маячил у нее за плечом, и Айкен оттер его в сторону, замер за спиной своей девушки. Она же не замечала его тяжелого гневного дыхания на своей шее.

– И ты вот так просто вступишь его в наш дом? – скривился Айкен. Зоя обернулась, смерила его уничтожающим взглядом, как бы говоря: «только попробуй мне и дальше возражать!..»

– Да.

Айкен потер щеки, подбородок. Молодой человек чувствовал, что то, как они цапались из-за его пагубных при-

страстий, нераскрытых тайн и прочей ерунды, никогда не провело бы между ними ту черту, не образовало ту пропасть, что грозила разверзнуться между ними сейчас.

– Я обязана ему всем. Он создал меня.

– Габриэль тоже тебя создал. Они вместе это сделали, однако же последний желает тебя убить. А что, если... – подсознательно Айкен ждал, что Зоя прервет его пощечиной или тычком, как она не стеснялась делать, если злилась, но девушка, напротив, застыла и медленно отступила от двери.

– Я даже не уверен, что различаю их, – привел последний аргумент Айкен.

– А я – различаю, – Зоя вспыхнула, резко повернулась вновь к двери и открыла ее ключом, так что тот рисковал погнуться от резкого движения, тем самым давая понять, что разговор окончен.

Глава тринадцатая

Но чтоб ее поцеловать,
Я снова мир пройти готов,
И травы мять, и с неба рвать,
Плоды земные разлюбив,
Серебряный налив луны
И солнца золотой налив.
У. Б. Йейтс

Айкен жестами намекнул Зое, что сходит в магазин за раскладушкой для Карла. Он показал пальцами, беззвучно шевеля губами из-за плеча принца, девушка кивнула, намекая, что так и следует сделать. Когда Карл обернулся, Айкен уже вышел из квартиры. Отчасти экс-полицейский в минуту стал так услужлив оттого, что ему требовалось несколько мгновений уединения. И Зоя, понимая это, не удивилась, заслышав, как у подъезда загрохотала перевернутоая мусорка, очевидно, получившая пинок в порыве злости.

– А куда ушел твой друг-картежник? – спросил принц, уже по-хозяйски осмотревший коридор и теперь с размаху хлопнувшийся на кровать в спальне, – домой? Ух ты, мягко. Мы тут будем спать?

Зоя нависла над ним, не раздраженная, гораздо больше

смущенная, руки она невольно сложила под грудью.

– Его зовут Айкен. И он живет здесь. Он пошел за раскладушкой тебе, потому что на этой кровати спим мы с ним.

Карл вздрогнул. Зоя села рядом с ним, попробовала взять за руку, но принц демонстративно отодвинулся от нее на полфута.

– Это ребячество, Карл, – девушка почувствовала, что она уже устала от этого разговора, хоть он только-только и начался толком. – Я ждала тебя годами, как честная женщина. Но я не могла делать это вечно. Такова жизнь, судьба – как хочешь. Но нельзя было не предполагать, что рано или поздно что-то подобное случится. Я больше не бездушная вещь, как бы тебе ни хотелось в это не верить. Айкен сделал мое тело живым, не говоря уж о душе.

Карл мелко задрожал, побледнел, рванулся вперед, взял ее лицо в ладони:

– Ты мне изменяла! Не раз и не два!

Зоя дернула головой, высвобождаясь.

– Да.

Карл закусил ладонь, заметался по комнате. Как это наигранно, подумала девушка, как неестественно выглядит!

– Я знал, что ты намереваешься выйти замуж, но... я же расстроил ваш брак, я же выпустил червя!

Зоя медленно поднялась с постели, на которую опустилась, пока наблюдала за принцем.

– Что? – охрипшим голосом спросила она, коротко каш-

лянула, дав себе секунду собраться с мыслями, и повторила уже громче. – Что-о? Ты выпустил червя? Так это твое колдовство убило Эдмунда?

– Да, да, мое! – крикнул Карл. – И я не раскаиваюсь! Ты себе представить не можешь, как я был несчастен!

Но Зоя уже его не слышала. Она шагнула вперед, замахнулась и ударила. Не ладонью, как обычно осаживала Айке-на, когда была зла – кулаком.

Карл свалился на пол, прижал руку к кровоточащему носу. Зоя возвышалась над ним, напряженная, со стиснутыми кулаками. По пальцам правой руки размазалась кровь. Девушка с трудом себя сдерживала, чтобы не броситься на Карла с еще одним ударом.

– Нужно ли говорить тебе, что я не вышвыриваю тебя на улицу, венценосная особа, только потому, что новая игрушка твоего сумасшедшего брата тебя там мигом прикончит?

Карл тыльной стороной ладони вытер кровь с лица.

– Совсем с ума сошла со своим смертным. Может быть, теперь тебе очевидно, что не стоило с ним трахаться! О, Богиня, я не требовал от тебя многого, только немного верности!

– Ты говоришь мне о верности? – угрожающе прошипела Зоя. – Ну что ж, я готова к ней. И потому ты больше меня не коснешься.

Она хотела было пройти мимо него в гостиную, но Карл с воим обхватил ее колени, прижался лбом к ногам, и так за-

стыл. Так это было неправильно, что Зоя смягчилась, даже несмотря на только что произошедшую между ними сцену. Карл все-таки был всем ее миром, ее гейсом, частью ее судьбы – и если роман с человеком стал ее бунтом против того, то теперь изгнанник возвращался в то место, что стало для него важнее Сияющей страны – в сердце своей Виды.

Зоя тяжело задышала, вдруг осознав, что это не нужно ей, чтобы успокоиться. Как и рядом с Габриэлем, с Карлом она острее чувствовала свою неестественную природу, нежели привыкла за последние полгода. Зоя наклонилась и подняла своего принца с колен, обняла, одновременно извиняясь и мысленно моля о возвращении прежних дней. Девушку как-то остро вдруг ударило осознание того, что за окном осень, и отчего-то эта мысль ее расстроила. В гостиной слышались шорохи, но Зоя их не услышала: она прижалась к Карлу, купаясь не столько в тепле его тела или излучаемой магии, сколько в воспоминаниях о былом, вдруг начавших накатывать на нее с яркостью и стремительностью гораздо большей, чем когда-либо во снах.

А тем временем Карл видел, что Айкен за ними наблюдает и не смог сдержать торжествующей улыбки, только спрятал ее в зоиных волосах, зарываясь в них носом. Они обнимались не как чужие, внезапно почувствовавшие тягу друг к другу, с болью подумал Айкен, напротив, они выглядели как родные, давно знакомые, даже ни разу не расстававшиеся возлюбленные... Как будто не было веков разлуки, ника-

кого Айкена, никакого Эдмунда – только они двое и их любовь. Экс-полицейский не хотел смотреть на это, и все же отвернулся с большим трудом.

– Он все-таки ее король, – сказал за его спиной Хэвен, словно бы ни к кому конкретно не обращаясь. Когда Айкен обернулся, мужчину уже больше интересовала раскладушка, чем Карл и Зоя.

Королева Медб прибыла во дворец Габриэля с – на первый взгляд – ежемесячным визитом вежливости. Но на самом деле, сегодняшнее ее посещение было гораздо мучительней, чем большинство предыдущих. Если до того Габриэль просто пытался затянуть правительницу Благих к себе в дом, безуспешно соблазняя век за веком, то теперь Медб ощущала, что обязана быть с королем рядом, даже пусть вопреки своей воле. Он задумал недоброе.

По коже молодой женщины пробежали мурашки, которые бывают только от страха, не от холода. Почти забытое ощущение – последний раз она чувствовала нечто подобное в своем последнем земном бою, когда сложила голову. Страх смерти больше не возвращался к ней никогда, даже во время битв между темными и светлыми сидами, когда после изгнания Натаниэля разгорелась кровопролитная война за трон Благого Двора.

Коридоры Дворца были темны, только возле движущейся – мягко, будто плывя в своих юбках – Медб загорались свечи

в канделябрах, крепящихся к стенам. Голубое пламя вспыхивало на несколько мгновений, а потом гасло за спиной Благой леди. Изящная, изысканная магия, но сейчас мысли королевы были тревожны, и свечи нерешительно мигали. В воздухе пахло грозой, надвигающейся и прошедшей одновременно, странное, раздражающее ощущение, особенно оттого, что в холмах не бывает дождя. Именно поэтому сиды его не любят. Этот запах значит только одно... Кто-то взывал к запретным силам. Либо слишком древним, либо к свежим, выдуманным людьми (не оружию и не технике, нет, но смертные сейчас рожают не меньше богов, чем в древности, однако теперь они хитрей и, как правило, злее). Медб не могла бы сказать точно – к счастью, она взошла на трон уже после того, как к ним в последний раз навещался Кронос.

Впрочем, это его имя было только эвфемизмом. Смертные древности или сиды, и те, и другие в равной степени верили, что безопаснее не называть лихо по его настоящему имени.

Королева надеялась, что ошиблась, но, когда распахнула двери покоев Габриэля, поняла, что, к сожалению, все обстояло самым худшим образом. Правитель Неблагого Двора взывал к Кроносу.

В первую секунду Медб показалось, что у ног короля сидит та самая девка, которая недавно оскверняла праздник своим присутствием, приволокла смертного, угрожала ей, королеве... Но нет. Вида у ног Габриэля была похожа на ту,

рыжую, но и выглядела, и на магическом уровне ощущалась иначе. Ее душа была совершенно иная – молодая, почти детская. Медб даже передернуло. Конечно, владыка Неблагих был способен на многое и в былое время, но теперь он перешел черту. Повторно решиться на страшнейшее преступление, караемое смертью? Да еще и использовать для своего черного колдовства чистое существо, обрекая его на вечное скитание в искусственной оболочке? Ужасно. Но не неожиданно.

– Не бойся, – король опустил руку на голову девушке, та блеснула единственным глазом из-под черной челки. – Она не кусается. В отличие от той, первой, отступницы.

– Я так не думаю, – пробормотала Медб, почти физически ощущая неприязнь куклы. – И на кого же ты намерен свалить это преступление? На меня?

Она рассмеялась коротко и хрипло. Хотела придать и хохотку, и голосу интонацию презрения, но не смогла скрыть страх.

– Зачем же? Кто может спросить с меня? Теперь я король!

– В таком случае тебе не следовало будить лихо, Габриэль, – королева больше не называла его «дорогой», Габриэль стал ей омерзителен. Медб даже подозревала, что король лишился рассудка. И, возможно, довольно давно, просто она, в беспечном ослеплении его подарками, не хотела ничего замечать. – ты в неурочный час призвал того, кто спросит за камни. И я намерена остаться в стороне, если смогу. Пусть

этот шторм, что вызвала не я, пройдет мимо.

Медб развернулась, шелестя юбками, и направилась прочь.

Вслед ей посмеивался Габриэль, голубой глаз новой Виды сверкал во тьме.

– Никто не останется в стороне, королева, кто касался меня. Никто.

Потихоньку атмосфера в квартире Айкена, казалось бы, начала выравниваться. Прошли сутки, состоящие целиком из суматохи, обсуждения планов и построения догадок относительно тактики Габриэля. Хэвен, Айкен и Зоя сидели в гостиной, склонившись над столом, что-то чертили на листах А4, графики, руны – все вперемешку. И только Карл не был включен в эту общность. Он хотел бы воображать, что отрезан от группы исключительно потому, что он принц, но даже при его богатой фантазии отчуждение было трудно списать на преклонение перед высоким статусом. Приходилось признать, что он просто попал в уже сжившуюся, сложившуюся группку, враждебно относящуюся к чужакам. Даже несмотря на то, что в свое время он щедро дарил вниманием и золотом как Виду, так и своего сидского генерала, оба уже о том явно забыли. Хэвен поднял голову, чтобы кинуть на своего принца взгляд, всего один раз, Зоя – дважды. Больше же всего Карла обижало, что девушка не расспрашивала его о прошлой жизни. Она приняла его в свои объятия, впусти-

ла в свою жизнь – теперь уже действительно исключительно свою, личную, – но не распахнула сердце, вопреки ожиданиям.

Еще менее рад гостю был Айкен Купер. Карл и сам с некоторой невольной толикой презрения относился к смертному, хоть и старался этого не демонстрировать, хотя бы при Зое, но вот экс-полицейский... При одном взгляде на принца он стискивал челюсти так, что желваки на скулах ходили ходуном. Карл посмеивался, якобы упиваясь ревностью человека, намеренно стараясь касаться Зои почаще, но в глубине души он трусил. Не только потому, что Купер превосходил его габаритами и силой, но и оттого, что остро ощущал – Вида уже навек для него потеряна. Можно было бы вернуть ее тело, ее оболочку, но, не стерев ее воспоминаний полностью и накорню, прежнюю Виду уже не вернуть. А такая, пустая, без своей прежней личности, она уже не была бы ему нужна совершенно. Теперь это было последнее, что заставляло Карла хотеть Зою – ее личность, душа. Ее тело, женственное и сильное одновременно, хоть и привлекательное для него (совершенно отвлеченно, чисто с точки зрения мужчины, не могущего не реагировать соответственно на хорошенькую подтянутую даму), было чужим, да настолько, что принц боялся ощутить холод при каждом соприкосновении их рук.

Впрочем, изменилось отношение к Зое и у другого ее возлюбленного. Айкен бесился ужасно. Если б он хотел успоко-

ить себя, он бы отметил, что Зоя с некоторой неохотой при-слоняется к Карлу, а его руки удерживают ее, будто девушка в любой момент может отстраниться, наскучив близостью. Но напротив, хотел разозлиться еще больше. Еще помня их ссору на тему лидерства, теперь он ощущал себя вдвойне униженным: его женщина еще и клала голову на плечо какому-то хмырю! Пусть некогда венценосному, но теперь павшему ниже некуда.

И через пару дней, когда примерный план дальнейших действий уже был составлен, Хэвен и Карл удалились в кухню, внезапно почувствовав острую тягу воспомнить былые деньки, Купер решил на серьезный разговор с возлюбленной.

Он поймал ее на выходе из спальни. Зоя отнесла стопки с карточками на письменный стол и возвращалась в гостиную. Айкен встал в дверном проходе, уперев руки в косяк, не давая пройти.

Зоя посмотрела на молодого человека устало и понимающе. Силы ее оставили еще много часов назад: рядом с Карлом она почти все время находилась в слишком большом напряжении, уставала едва ли не больше, чем полгода назад, когда выходила на ежевечернюю охоту с напарником. Который теперь решил истрепать ей нервы на тему ее флирта с изгнанным принцем.

– Тебе просто показалось, – мрачно отмахнулась девушка в ответ на необоснованные обвинения. – Дай пройти!

Но Айкен сделал два шага вперед, заставляя девушку отступить.

– Да ну? Но ведь у вас был с ним роман в то время, когда ты только-только выдумала имя «Зоя» и бегала по Румынии...

– Не нужно полоскать мне мозги на тему прошлого, Айкен. У тебя же тоже была невеста.

Он занервничал, как будто воспоминание принесло ему боль.

– Не хочу говорить об этом. Ее, как видишь, здесь нет. А Карл – вот он, рукой подать. Ты его сюда притащила.

– А ты бы на моем месте как поступил, если б твоей девочке грозила опасность? Оставил на произвол судьбы, только чтобы не обидеть меня?

Айкен запустил руки в волосы, нервничая.

– Я бы с ней не обжимался.

– Даже ради того, чтобы просто успокоить? – Зоя невольно скривилась. – Вот только не ври, будь добр.

– Я был бы верен, клянусь. Я ведь не попрекаю тебя прошлым, но не могу не видеть того, что происходит в настоящем.

– Я устала от этой хрени, что генерируете вы оба, – прорычала Зоя, ударив ладонью в стену, словно могла впечатать в нее всю свою злость. – Хватит.

Под нижней губой у нее блеснула капелька влаги – от гнева ей стало жарко. Айкен вздрогнул, потому что этот

блеск под губой у него всегда ассоциировался с минутами сразу после секса. Зоя хотела уйти, как поступала раньше – просто обрывая неприятный разговор. Но Айкен уже отвык от этого.

– Стой.

Она опешила настолько, что действительно замерла. Через секунду – медленно повернулась.

– Что ты сказал?

– Я сказал... чтобы ты остановилась, – Айкен начал фразу уверенно, но договорил почти шепотом. И нервно вытер руки о бедра, дернул щекой: он, очевидно, подразумевал не совсем то, что сказал. Он просил ее не выходить из комнаты, а...

– Тебя не просто волнует Карл, ты не решаешься задать вопрос, намерена ли я с ним спать? – в лоб спросила Зоя.

К Айкену вернулась былая уверенность, а вместе с нею – злость, его серые глаза заблестели, как обнаженная сталь. Молодой человек шагнул к напарнице, схватил ее за руку и оттащил от двери.

– Да, да, если хочешь знать! Я видел, как он поцеловал тебя!

Зоя засмеялась. Айкен был таким милым, когда ругался: мужчина-мальчик с румянцем на щеках, обиженный и надутый.

– Всего лишь раз, – шутливо сказала девушка и подняла для наглядности указательный палец.

Но Айкен был не так безобиден в гневе, как можно было подумать: он схватил Зою за запястье, дернул ее руку на себя, так что девушка вскрикнула, и, толкнув, прижал Зою спиной к стене.

– Ты... – она не договорила, снова вскрикнув: Айкен притиснул ее к стене всем своим телом, укусил за шею. Скорее гневно и доминантно, нежели игриво. Нет, никогда нельзя было обманываться, глядя на его нежное лицо!

Айкен порвал лямки топа девушки, затем ухватился за ворот и дернул, так, чтобы обнажилась зоина грудь. Девушка только охнула, даже не двинувшись, когда он срывал с нее одежду. Это напомнило ей их первый недопоцелуй – в этом же доме, только в соседней комнате, в паре десятков сантиметров от того места, где они теперь стояли.

Он поднял ее на руки, как добычу, не невесту, пронес вглубь комнаты и бросил на кровать; пружины скрипнули, как никогда прежде – сладким звуком корабельного каната, раскрываемой новой книги. Айкен прыгнул на Зою, как гепард, плавно и мощно, в глазах его горел огонь, невиданный прежде.

– Сегодня я не дам тебе быть сверху.

Его глаза вновь осветились изнутри чужеродной зеленью, и Зоя с улыбкой отдалась на милость любовника. Постель – не место для выяснения, кто лидер. С Карлом она бы еще, быть может, поспорила, но теперь подозревала, что этот раз будет для нее особенным... Возможно, во многих смыслах.

Перед глазами у нее пересыпались алмазы от каждого движения Айкена внутри нее, словно под веками переливалась вся глубинная суть Аннувна.

Когда все закончилось, они остались по разные стороны кровати, впервые – спиной друг к другу, как чужие. Айкен не сразу осознал это, но когда натолкнулся на эту мысль – почти физическим ощущением, от которого остаются синяки, встревожился, приподнялся на локте, потянулся к Зое за благодарным поцелуем... Она не подняла головы, не поставила ни губ, ни щеки, только скосила глаза на возлюбленного. Он неловко чмокнул ее во влажную холодную скулу.

– Ты злишься?

– Нет, – Зоя улыбнулась совершенно искренне, хоть и не так широко, как бы хотелось Айкену. Нет, у девушек после хорошего секса не такое недовольное лицо!

– Я должен извиниться. Я был груб и до, и во время.

– Забудь. Я тысячу раз била тебя, вымещая обиды. Все верно, ты просто восстанавливаешь равновесие.

Айкен поверил словам, но только разумом, не душой. В груди у него щемило, хотелось приласкаться к Зое, как прежде, но теперь Купер чувствовал, что если он даст девушке волю, она подумает, будто сможет безнаказанно быть и с ним, и с Карлом одновременно. Только прогнись под бабу, и она сожрет тебя полностью – вспомнились экс-полицейскому слова его начальника. Тогда у него была невеста, тоже

бойкая девица, воображавшая, что она может больше, чем любой мужчина. И чем это закончилось? Айкен покачал головой и встал с постели. Надо покурить, освежить голову.

– Я на кухню.

Он вышел, не дождавшись ответа от возлюбленной. Когда молодой человек закрыл за собой дверь, он внезапно почувствовал укол совести за свои недавние мысли – все до единой.

Зоя свернулась калачиком, стараясь не показать, что ее бьет дрожь. Нет, секс был чертовски хорош, даже на удивление – без вмешательства магии ощущения в целом были иными, порой – острее. Но, во-первых, именно это девушку и беспокоило. Волшебство не должно было покидать их! И теперь, когда Айкен вдруг открыл в себе что-то удивительное, какой-то небывалый канал связи с высшими силами, на миг превративший их с Зоей в древних жрицу и жреца, практически совершающих ритуал, вся полученная у Вселенной магия обязана была осесть в этой самой комнате, и ранее служившей аккумулятором иномирных сил. Начали ли выветриваться чары Клариссы? Или... От этой мысли Зоя дрогнула, чуть было не сев на постели. Та женщина! Габриэль создал ее копию, чтобы качать энергию! Дело не только в том, что ему нужна замена Зои на poste Виды. Он в первую очередь рассматривает ее как предмет, вместилище камней, так что все закономерно.

– Ее нужно уничтожить, – прошептала Зоя, не в силах дер-

жать в себе эту мысль, словно выплюнула обжигающие язык слова.

А второе, что ее беспокоило, так это то, как менялся Айкен. Нет, отнюдь не его желание вести более мужественную роль, очевидно, в немалой степени больше спровоцированное – теперь – появлением рядом соперника, чем шоком от смерти Симонетты и желанием защитить близких. Айкену не свойственно бессмысленное петушенье, он защищал бы Зою и Хэвена, даже признавая их главенство. Да и то, что теперь он немного не в себе от ревности – все это было пустяком по сравнению с тем, что Зоя видела в глубине его глаз. Слишком много магии въелось в него за время знакомства с жителями Аннувна.

Зоя накрылась пледом с головой и шепнула еще одни слова, царапнувшие ее изнутри так, что на глаза навернулись слезы:

– Я не хочу, чтобы Сияющая страна забрала его у меня.

Глава четырнадцатая

Но никогда
Я не была
Из тех дурех,
Кого врасплох
Захватывает страсть...

Ария Магдалины, рок-опера «Иисус-Христос – Суперзвезда»

На следующее утро пришла Кларисса. Она, как это часто бывало, появилась прямо из соседней комнаты, не пользуясь входной дверью. Что ж, все свои, мысленно рассудила Зоя, уже поздно расшаркиваться друг перед другом. Она ждала Клариссу и теперь, намеренно заглушив в себе неприязнь и подозрительность, с нетерпением взглянула на женщину: сида улыбнулась, входя в гостиную, но в следующий же миг ее лицо стало озабоченным и серьезным. Плохой знак.

– Ого, все в сборе, – удовлетворенно кивнула она. Несмотря на то, что прическа и платье на сей раз вызывали ассоциации с гибсоновской девушкой, Кларисса, обводя присутствующих взглядом, скорее походила на генерала, обозревающего свои войска. – О, Нат, давно не виделись.

Карл встал с дивана и поцеловал сиде руку.

– Или мне стоит называть тебя твоим новым именем?

– Оно уже давно не новое. Поистрепалось за столько-то веков.

Зоя хлопнула в ладоши, как бы говоря: хватит любезностей. В ее голове пронеслись воспоминания о том времени, когда она еще имела место в Дикой Охоте. При Габриэле ли это было или еще до изгнания его брата из холмов? Тогда она обращала на себя внимание гончих именно таким хлопком. На секунду в ее памяти проступили четким видением их напряженные морды и внимательные глаза.

– Девочка права, – Кларисса расправила юбку, и Карл понял ее намек: мгновенно поставил стул. Айкен покачал головой, вдруг заметив, что эти двое словно стоят отдельно от него и Хэвена. Словно недоверие не дает им стать группой. На Зою взглянуть он не решился, догадываясь, что она сама еще не знает, как относиться к обретенному былому возлюбленному и создателю.

– И что же у вас нового, ребятки? Кроме нового члена кружка?

Зоя пожала плечами, выпятив нижнюю губу, как будто не знала, будет ли Клариссе интересно то, что она скажет, или нет.

– Сделала тут, знаешь ли, пару любопытных открытий. Раньше я могла умереть, только если вырвать камни из моего тела. Нет, не совсем так – любое разделение трех камней грозило мне смертью. Теперь мне не хватает одного сапфи-

ра, я ослабла, но жива.

– Потому что твое сердце все еще бьется, – подсказал Хэвен. – Есть польза и от твоего очеловечивания. Спасибо, Айкен.

Он сдержанно кивнул молодому человеку, словно отдавал дань сознательному деянию.

Кларисса покачала головой.

– Все сложнее, чем кажется. Но я зареклась открывать Зое то, что она со временем сможет вспомнить сама. Сейчас не время объяснять ей...

Зоя фыркнула.

– Проклятие боли больше не действует – ведь мы провели ритуал. А даже если я и ошиблась, то согласна, чтобы Хэвен и Айкен меня подержали, пока я буду корчиться от твоей болтовни.

Кларисса вздохнула, приложив пальцы к груди – ровно под кромку воротничка. Ей вдруг показалось, что Зоя за прошедшие полгода изменилась гораздо сильнее, чем за все предыдущие столетия. Если, конечно, считать от времени ее пересотворения Габриэлем. Это не просто была уже не та Вида, что ради забавы королей разила без промаха и обливала вином голую грудь, это вовсе не была Вида. Осталась только Зоя Флореску на ее месте.

– Все проходит, все меняется, – произнесла Кларисса и в голосе ее не было прежней уверенности и игривости. – Открывается правда и прежняя картина мира рушится.

– Как карточный домик, – добавил Айкен.

Зоя же молчала, только глядя себя по плечам, будто ей было очень холодно. Когда в книгах пишут, что у героя вся жизнь прошла перед глазами, то из-за этого выражения можно подумать, что люди видят перед собой сначала одну картину, затем вторую. Да-да, вроде как – сначала сцена пикника, потом какое-то приключение, потом... ладно, не важно, это в любом случае неправда. Уж кто-кто, а Зоя бы вам это подтвердила. Вся жизнь просто вспыхивает многогранным осознанием. Глаза – даже внутренним взором – не видят ровным счетом ничего. Мозг – знает. И это невыносимо.

– Если я умру, ведь моя душа вернется в тело Диего? – спросила она, отворачиваясь, тем самым невольно пряча пустую глазницу под отросшей челкой. – Именно потому вы бережете его?

– Точно. Потому что потом мы смогли бы извлечь эту душу снова и возродить тебя, – улыбнулась Кларисса. Она закурила, и стало трудно понять, отчего сощурились ее глаза: от искреннего расположения или же дыма.

– Избави Богиня, – фыркнула Зоя. – Если я когда-нибудь умру, оставьте меня так, как есть.

– Хочешь поучаствовать в Страшном Суде? – презрительно ухмыльнулся Карл, и Кларисса на него шикнула, словно то была запретная тема. Зое она тоже не пришлась по вкусу, девушка нагнулась вперед, готовая обсудить более насущные проблемы.

– Мы вчера видели новое творение Габриэля, – выплнула она со злостью. – Кукла, даже внешне похожая на меня. Она тоже способна быть живой с одним лишь камнем. Что это может значить? Что король Неблагих обратился к Кроносу?

Кларисса молча кивнула. Она не побледнела, но дыхание ее на секунду едва заметно сбилось. Айкен был единственным в комнате, кто это уловил, и то, вероятно, в силу того, что еще не оставил полицейские привычки подмечать все мелочи.

– Очевидно, так, – хором сказали Карл и Кларисса. Принц развел руками. – Наша песенка спета или близко к тому.

Зоя прищурила единственный глаз, с подозрением глядя на Карла.

– Вчера ты не казался так уж обеспокоен этим фактом, хотя понял, что брюнетка с моим лицом – Вида.

– Да. Хэвен объяснил мне только утром. Я творил твое тело, Вида, но душой занимался Габриэль! Впрочем, что касается беспокойства, и вы, кстати, тоже были мало взволнованы, – принц проглотил слова «даже потрахались», хотя они едва не сорвались у него с языка.

Зоя махнула рукой.

– Мы-то привыкли так жить. Все последние полгода Габриэль то наступает нам на пятки, то оказывается на шаг впереди. Ты удивишься, если я скажу о Наккилэйви? Мало чем можно напугать меня после этого чудища.

– Кроме Кроноса, – вставила Кларисса.

– Нет. Вряд ли. Более неприятная смерть или менее – в конечном счете все едино.

– Ты просто многого не знаешь, – пробурчал Хэвен. Он вдохнул, собираясь сказать что-то, над чем, очевидно, размышлял прежде не час и не два, но Айкен громко перебил его.

– Вы верите в древнегреческих богов?

Зоя пожала плечами.

– Сиды многое взяли от людей. Люди многое взяли от сидов. Когда-то давно оба народа сосуществовали в тесном взаимодействии. Не всегда мирном, не стану скрывать, – девушка покачала головой. – Должно быть, время было занятое. Но оно давно прошло. Оба народа пошли своими путями, развиваясь по-разному. Теперь между нами много отличий.

– Кронос – только эвфемизм, – Кларисса подняла подбородок, невольно став похожей на учительницу, отчасти и из-за интонации. – Иногда его называют Сатаной, особенно в последние десять веков. Впрочем, нет ни одного его имени, заместительного или истинного, которое было бы безопасно произнести.

Хэвен снова попытался что-то сказать, и его прервала на этот раз Зоя. Мужчина вздохнул, откинулся на спинку дивана, замкнулся. Очевидно, время еще не пришло, подумал он.

– Раз в семь лет – наших, не ваших, в холмах время порой течет иначе... Мы платим дань. Об этом было известно

людям еще в стародавние времена, они говорили, что с нас берет душами плату дьявол. На самом деле, разумеется, все не так. Не души интересуют это... Это. А плоть. Оно питается нами. И это не Сатана, – Зоя даже хохотнула, но невесело. – Скорее, это, если говорить так, чтобы было понятно... Сатурн. Или Кронос. Вот почему мы называем Это именем бога из греческих мифов.

– Я не могу понять, христиане вы или нет? Во что вы верите?

– Во все, о чем говорят люди. Все религии – только часть правды. Даже языческие. На самом деле все сложнее.

– О, и вы, конечно, знаете, как оно было на самом деле? – на лице Айкена отразилось недоверие.

– Сиды и льювлинги старше человечества. Мы не жгли летописи и не правили их в угоду победителям, – веско вставила Кларисса. – Впрочем, теперь у нас иные темы на повестке дня.

Айкен потрянул головой, не веря слуху. Да что может быть важнее чудовища, которое даже именовать страшно, крадущегося в ночи, готового пожрать твою плоть и твоих друзей?!

– Единственное, на что сейчас стоит обратить внимание, так это на новую Виду. Она имеет перед тобой, – Кларисса кивнула на Зою. – Неоспоримое преимущество. Она не смертная, ее кровь не течет.

– Но Кронос гораздо опаснее! – Айкен даже вскинул ру-

ки, пораженный, как можно подобным образом избегать очевидного. – Не плевать ли на новую Виду?

– Кронос нападет тогда, когда посчитает нужным, – медленно повернулась к возлюбленному Зоя. Сейчас, с зачесанными на одну сторону волосами, она смотрелась удивительно красивой, пока не мелькала пустая глазница. – Нет смысла тратить силы и время на противостояние тому, кого не в силах победить. ЕМУ мы можем только сдаться на милость.

Кларисса покачала головой.

– А может быть, и нет. Как думаете, вы выживали все это время, как, Зоя, ты плутала по векам, время от времени все-таки обходя магию Габриэля и встречаясь со своим предначертанным возлюбленным? Лунные циклы. И направление ветра. Король Неблагих не каждую ночь может выйти на поверхность, даже свою армию послать – не всегда. Но раньше тебе просто везло, а теперь ты можешь воспользоваться этим знанием, помножить его на удачу и победить.

Зоя сидела неподвижно, пальцы ее впились в плечи. В груди у нее расплескалась ноющая боль, поднялась в горло, готовая прорваться стоном, но девушка усилием воли и движением подбородка загнала вой назад, медленно выдохнула.

– Ты знала об этом. И Хэвен знал, не мог же он забыть! Но вы мне об этом не говорили, – Зоя закрыла лицо руками, потерла, забывшись, глаза, и рана отозвалась болью, прошившей череп до самого затылка. – Вот же скоты, ублюдки. Вам было выгодно сдать меня Габриэлю, но так, чтобы он не за-

подозрил ничего! Почему? Почему?!

– Я действовал в соответствии с этим знанием, но не говорил только чтобы не сделать тебе больно, – осторожно начал Хэвен, протянув руку к Зое, но так и не тронув ее кожи. – Я не знал про ритуал Двадцати Ведьм, что вы провели с Клариссой! Ведь это он избавил тебя от проклятия Неблагодарного Короля?

Лицо Зои вынырнуло из-за пальцев.

– Ну, говорите теперь, что еще вы скрыли? Что такое нельзя было сказать, пока рядом не оказался Карл?

Губы Хэвена дрогнули, но он не произнес ни слова, перебив себя вздохом. Кларисса встала с кресла.

– Победи свою тень – тогда узнаешь, – она хлопнула в ладоши и исчезла, на сей раз даже не выходя в другую комнату. Айкен моргнул. Он мог бы поклясться, что никаких рунических карточек в руках сиды не было.

Но его мысли прервала Зоя. Она тоже встала, ее голая спина напряглась, бретельки топа натянулись на плечах.

– Ты с нами?

– Я не знаю, как их простить. Впервые за долгое время у меня появились друг и девушка. Друга они убили, его сестру, к которой я привязался – тоже. Тебя я не отдам. Не имею права. Даже если бы и струсил, не отдал бы, я клянусь.

Зоя улыбнулась, и вышедшее из-за облаков солнце плеснуло на нее золотом, завившаяся на лоб прядь блеснула, будто диадема.

Хэвен и Зоя, не допуская больше Айкена и Карла, еще раз переработали план действий. Дини ши сообщил, что Габриэль пошлет свою игрушку в первый день новолуния, но если Зоя рвется в бой, можно вызвать на дуэль новую Виду прямо сейчас. Магический ритуал, одновременно мобилизующий Зою, вытянет ее двойницу из Дворов на ближайшее место силы. Останется только ждать.

Только подумав о колдовском ритуале, Зоя вдруг поняла, что совсем забыла о недавней близости с Айкеном. Их последний секс отличался от всего того, что было с ней раньше, и, несмотря на всю его необычность, забылся уже наутро, будто его и не было. Такого раньше никогда не случалось. Больше того, девушке показалось, что поддавшись Айкену, она ослабела, словно он взял над ней власть не только в постели, а победил, как один из сидов – высосав часть жизненной силы. Он делал так и раньше, будучи смертным, лишенным магии, но тогда они представляли друг с другом скорее сообщающиеся сосуды, магия и сила переливалась от одного к другому. А теперь... Он пожрал часть ее энергии, но сам не стал сильнее.

И тут Зоя поняла, что все, что до того с ними творилось – цветочки. Вот теперь пошли ягодки. И еще она поняла, что Виду ей придется убить. Вспомнить, как лишают жизни человека или того, кто ему подобен. Во всяком случае, существо с душой.

– Ты уже не будешь прежней после той битвы.

Зоя вздрогнула и обернулась. Карл прислонился спиной к книжному шкафу, держа в руках истрепанный томик. «Анжелика, маркиза ангелов» Анн и Сержа Голон.

– «Новая любовь убивают старую», – принц покачал головой, скользя взглядом по строчкам. – Забавный роман, просто удивительно, что я никогда прежде его не читал.

Зоя свернула карту Канады с отмеченными на ней местами силы в рулон и, закрепив край скрепкой, поставила за диван. Девушка предпочла сделать вид, что не слышала последних слов принца.

– Что будет, если я убью новую Виду? Что станет с ее душой?

– Вернется в то тело, откуда была изъята. Если тело, конечно, сохранилось. А если нет, останется в камне.

– Видимо, том, что Медб выдрала у меня из глазницы, – Зоя на автомате подняла руку, но так и не коснулась лица, зная, что станет больно. Карл положил книгу на журнальный столик и подошел к девушке. Он протянул к ней ладони, но она отпрянула, чувствуя, как горло изнутри оплетает горький плющ отчаяния. Она видела в его глазах только жалость и досаду, но не любовь. Даже страсти не находила.

– Я не знал, что это была она. Вот глупая женщина, – принц сел в кресло, но как-то неловко, явно ощущая себя чужим в этом доме, сложил руки на коленях. – И Габриэль не умнее. Я создал такую красоту! А он все испортил. Не го-

вора уж о том, что общение со смертным не пошло тебе на пользу.

Зоя слушала его бесстрастно, только пальцы на руках подрагивали, и она вцепилась в плечи, чтобы не выдать волнения и этой мелочью.

– Кларисса попросила оставить тебя в покое на одну жизнь, – Карл потер лоб. – Всего на одну! Но я страшно страдал.

Зоя молча закусила нижнюю губу.

– Кларисса хотела посмотреть, что получится, если ты останешься в обычном человеческом обществе, без магии рядом и без помощников.

– Я влюбилась, вышла замуж, мое сердце начало биться, – прошептала Зоя, опустив голову. – Но без магии не обошлось. Боюсь, что это моя аура на самом деле пробудила ламтонского червя, ты сыграл в этом деле незначительную роль. Отворил двери, но пригласила его я.

Карл махнул рукой.

– Чихать на червя.

Они помолчали, сверля друг друга стремительно меняющимися взглядами, в которых отразилась и жалость, и нежность, и презрение.

– Ненавижу, когда ты такая, – Карл вздохнул и поморщился. – Жизнь – это проклятие. Прекрасно только рукотворное. Я сделал тебя идеальной...

Зоя медленно приблизилась, затем резко нависла над Кар-

лом, так что тому показалось, будто она собиралась на него упасть... Но нет, ее руки стиснули подлокотники кресла, так что кожа под ее пальцами затрещала.

– Хватит, я уже достаточно наслушалась. Кажется, настало время все выяснить, Карл, – прошипела девушка. – Я слишком много дерьма выгрэбла за свою длинную, очень длинную жизнь, особенно здесь, на Земле, чтобы позволить кому-то меня унижать. И свои претензии относительно того, с кем и когда я трахалась, какой после того стала и так далее, можешь засунуть куда подальше. Ты меня создал, но власти надо мной не имеешь. Если хочешь, воображай себя моим папочкой, но не забывай, что я не твоя собственность. Я не вещь.

Карл попробовал схватить девушку за запястье, но она отшатнулась, вскинула руки, отгораживаясь от изгнанного принца.

– Сперва подумай над тем, что я тебе сказала, прежде чем решишь ответить.

Карл поборол желание съежиться. Зоя с трудом стерла с губ насмешливую ухмылку.

Он понял, что она довольна тем, что он мучается, глядя на нее и Айкена – пусть, когда она сходилась со смертным, не думала о мести, случайно получилось, теперь она упивается, хуже, чем Медб, хуже, чем Кларисса.

– Твоя ревность отвратительна, потому как слишком явно выглядит не как притязание на исключительное место в

сердце живой женщины. Это жадность, нежелание разделять с другими принадлежащую тебе вещь. Это омерзительно, я тысячу раз уже это говорила и еще тысячу повторю.

Девушка говорила жестко, но с каждым словом в ее голосе слышалось все больше жара. Она не стала задаваться вопросом, в чем дело – в магии ли, невольно излучаемой Карлом, в ее памяти, медленно возвращавшейся и подсовывавшей ей самые трогательные моменты их многовекового романа: встреча то там, то здесь, всего несколько часов, затем снова разлучение на года... И все же, это не дотягивало до того, что было между нею и Эдмундом, нею и Айкеном.

Зоя вздохнула, плечи ее опустились. Она чувствовала рядом с Карлом в первую очередь одно: бесконечную усталость. Не вину, как она боялась – если Зоя и терзалась своим выбором в пользу Айкена, то слишком давно, чтобы ныне вспоминать о том. Она давно оправдала себя высшей идеей настоящей любви, которую доказывало ее очеловечивание. Не тоску или нежность: Карл позабылся ею как возлюбленный, как человек, за которым она готова была пройти все круги Ада и на коленях облазить весь мир, только бы найти его... Все это осталось в прошлом. Казалось бы, год против нескольких веков – как он мог все перечеркнуть? Однако же, природа, властвующая не только над тем, что создавала непосредственно сама, а вовсе надо всем сущим, рассудила так, как посчитала нужным. Глядя на Карла, Зоя знала только одно: она должна будет врать ему, врать ежеднев-

но, ежечасно, ежеминутно и ежесекундно. Своими взглядами, движениями и настроениями. Или ей придется набраться храбрости, дабы заявить: она не выбирала между ним и смертным, которого вытащила из сетей дурманящих зелий. Она осталась с тем, кто в ней нуждался.

Карл не нуждался. Если теперь он решил иначе, он безнадежно опоздал.

– Ты, верно, думаешь, что совершила великое благодеяние, приютив меня, укрыв от дождя, ветра и Габриэля? Так за чем же дело стало, в таком случае? Прогони меня, выкинь на улицу, как шавку, если этот парнишка со взглядом затравленного щенка тебе больше по нраву!

– Успокойся уже, – фыркнула Зоя. – Ты мой принц, я возведу тебя на престол, коль уж ты не виноват и в том мой гейс, мое предназначение – чего тебе еще желать? Обладать мною? Но мной уже не владеет никто.

Она улыбнулась самодовольно, но в то же время игриво.

– Не ревнуй, мой король, я исполню все, что надлежало бы сделать твоей Виде. А Айкен... Ты никогда не ревновал меня к рядовым сидам, куда там правителю равняться с простым рыцарем, верно?

Карл задохнулся от ярости. Зоя солгала, во Дворах кроме принцев она не была ни с кем, но сейчас ей нравилось дразнить Карла. И она немного переборщила: принц зарычал, мгновенно напоминая прежнего себя, схватил девушку за волосы и с силой толкнул на книжный шкаф, не отпуская.

Зоя налетела на стеклянную дверцу, осколки посыпались на пол, затылку стало влажно... Но то была не ее кровь: принц разрезал руку. Блузка поползла ошметками, но спина осталась целой, Зоя чувствовала, как обламывается о кожу, ставшую твердой, битое стекло, крошится на книги и ковер. И напротив ее глаз полыхают зеленые глаза принца: совсем не так, как раньше было между ней и Айкеном. Карл был плоть от плоти Дворов, он пропитался магией с рождения так, что едва не расплескивал ее, и теперь волшебство хлынуло на Зою. Она нашла некое сходство происходящего с недавней сценой между ею и Купером, но тут все было иначе. Да, сила ее завела, но Зоя не нашла в себе воли поддаться. Она бы равным с удовольствием и прижалась к Карлу, и оттолкнула его, втоптала в пол... Его тяжелое дыхание согревало ее растянутые в усмешке губы. Тут она к своему ужасу поняла, что в ней просыпается прежняя любовь к принцу. Она бы хотела остаться верной Айкену до конца, но что, вдруг мелькнула мысль, этот самый конец – завтра? Кронос не спит, а новая Вида – и подавно. И, да, если смерть близко, Зоя не хотела бы упустить шанс еще раз познать своего принца... в библейском смысле. Вот с кем рядом она действительно чувствовала себя голой и сломленной, порочной и низкой: рядом с Карлом. А Габриэль только напоминал ей о своем брате, не больше. И в то же время, она помнила о Марте, о Медб, ревность подогревалась недавней неудачной близостью с Айкеном, и Зоя подумала – а, черт с ним! И попробовала насла-

ждать моментом.

– Что здесь происходит? – Айкен с бутербродом в руках озадаченно взирал на представшую его глазам сцену.

– Ничего важного, – Зоя вывернулась из рук Карла и отряхнула плечи. Затылок и блузка вымокли в крови, широко раскрывшиеся глаза Купера указывали на то, что это не ускользнуло от его внимания. Но Зоя стояла перед ним преобразенная, отхватившая кусок магии, не доставшийся ей днем раньше с ним самим... И Айкен на интуитивном уровне это понял. Его попытка доминировать провалилась, девушка только разочаровалась в нем...

– Ты ранена?

– Нет, – Зоя улыбнулась, и Купер нашел в этом движении губ некое сходство с тем, как она делала это после боя, когда последний удар нанесен, а возбуждение еще не схлынуло, – это кровь Карла. Надеюсь, ты не ожидал, что она у него голубого цвета?

Девушка прошла мимо мужчин, и теперь уже Карл видел в ней нечто до боли знакомое: походка Виды, плавная и резкая одновременно, бедра покачиваются, руки хлестко разбросаны по бокам. Зоя прошла к дивану, продемонстрировав располосованный на спине топ, и села, раскинув локти на подлокотники, точь-в-точь как королева.

– Нам нужно готовиться к бою, – Айкен мгновенно пожалел, что сказал это. Рядом с Карлом и Зоей он с первой же минуты чувствовал себя лишним, но теперь особенно, ко-

гда уловил, что между ними существует, пусть остаточное, призрачное, но явное сексуальное притяжение. Самым же неприятным было осознание, что он Зою заслужил, а Карл получил в дар, затем отверг, бросил по глупости, а теперь вновь завоевал одним своим появлением, не приложив ни малейших усилий.

Айкен перевел взгляд с девушки на принца. Купер был выше Карла и теперь смотрел на него сверху вниз, презрительно и уничижающе. Слова экс-полицейского будто бы никто не услышал, все застыли в патоке напряжения и неловкости, остро ощущая протянутые нити – от Зои к ним обобщим. Нет, подумал Айкен, я не могу с эти мириться.

– Ты хочешь играть Зоей, она для тебя – не живая, предмет, кукла.

Карл фыркнул.

– Так и есть. Если рядом с тобой она чуточку очеловечилась, это еще ничего не значит.

Айкен качнулся вперед, будто для удара, и Карл отпрянул. Но Купер даже не напряг плечи.

– Чем больше ты говоришь, тем больше доказываешь, что я прав. Оставь ее, я люблю ее, я хочу быть с ней. Быть, а не играть!

Карл вздохнул, сложил руки на груди, посмотрел на Айкена снисходительно.

– Что ж, ты прав. Я рассматриваю ее как неодушевленный предмет – и как свою собственность в том числе.

– А она – живая! И сама в состоянии сделать свой выбор, – Айкен насупился. – Если только ей не мешать.

– А-а-а, так вот оно что! Ты не уверен, что Зоя выберет тебя! – расхохотался Карл.

И тут их прервала сама Зоя.

– Хватит. Вашу ругань слышно, должно быть, и в Европе, – девушка обожгла обоих мужчин взглядом. – Сбавьте обороты.

Она подперла голову рукой, так что отросшая челка делила лицо практически на две половины. Айкен прочитал в ее глазах неудовольствие и, дернув головой раздраженно, удалился: рассерженный тигр, ринувшийся в другой край клетки, словно забывший, что для него нет выхода.

– Доволен? Просто знай, что если ты думал, будто меня обидят эти слова, ты ошибся, – гневно отчеканила Зоя. Карл посмотрел на нее. А она словно ощутила прилив сил – то, что не дал ей Айкен ночью, теперь она получила от Карла, от одного их сплетения взоров. И при этом, оба они были злы друг на друга.

– Черт бы тебя побрал, нет! Хочешь воображать себя не куклой – пожалуйста! Только не забудь посмотреть в зеркало и честно сознаться себе, кем ты стала. Ты не человек. Ты животное. Убиваешь, трахаешься – если хочешь.

– И не прощаю, – Зоя посмотрела на изгнанного принца в упор. – А вот ты перенял человеческую мораль. Даже, я бы сказала, христианскую. Да, люди меня осудили бы, если бы

знали. Но Дворы – поддержали. Им такая философия знакома.

– В таком случае, я не хочу возвращаться во Дворы.

– А тебя туда и не пустят, – прошипела Зоя. – Ты омерзительен даже им. Ты слишком грязен.

Карл закрыл глаза. Слова девушки ранили и обжигали, как удар кнута. Зоя вздохнула, облизала губы.

– Не знаю, может быть, я просто не умею читать по лицам, но я смотрю в твои глаза, пытаюсь уловить хоть какое-нибудь выражение... И не вижу ничего.

Карл открыл было рот, намереваясь что-то ответить, но Зоя уже выходила из комнаты, только бормоча себе под нос «совершенно ничего».

Глава пятнадцатая

Глаза полночные мне вызов злой метали...

Федор Сологуб

Когда они начали одеваться и обвешиваться оружием, Зоя поймала себя на мысли, что их приготовления выглядят так похоже на то, что они с Айкеном делали каждый день, собираясь охотиться на броллаханов. Только теперь ставки выросли в несколько раз. И еще сзади стоял Карл – девушка спиной ощущала его присутствие. Как неловко! Он пробудил в ней прежние чувства, но Зоя не думала, что имеет право переметнуться к прежнему любовнику, находясь в отношениях с Айкеном. К тому же, она втравила смертного в эту войну, когда не дала два месяца назад уехать из Оттавы в Халл. Теперь ей следовало принять на себя ответственность за его жизнь, хотелось ей того или нет. И, тем более, хотелось ли это ему – его попытка показать себя лидером посредством более грубого секса, чем обычно, только разочаровала Зою. Магия не пробудилась, а значит, и высшие силы их союз на тот раз не благословили. Это при том, что теперь им пригодилась бы любая крупица волшебства и божьей благодати.

Чтобы как-то изгнать из головы мрачные мысли, Зоя повернулась к Айкену и шепнула:

– Рядом с тобой я готова сделать, что угодно, – она улыбнулась как можно уверенней. Она готовила эту фразу с середины лета, но теперь она прозвучала неуместно, в глубине души даже что-то шевельнулось, будто незаданный вопрос, но Зоя тряхнула головой: ерунда, она не переменялась к нему ни капельки. Так ведь?

Айкен расслабленно улыбнулся в ответ на слова девушки, будто давно ждал именно их.

– Ты хотела сказать, «ничего не боюсь»?

– Не совсем. Скорее, я согласна принять на свою участь, что угодно, если только ты будешь рядом.

– Не скрывай от него, – вклинился в разговор проходивший мимо Хэвен. – Это будет чертовски опасно.

– Да. Если честно, возможно, я делаю ужаснейшую ошибку.

Айкен развел руками.

– Что ж, в нашей жизни больше не осталось ничего безопасного.

Он был совершенно прав. Но раскаяния в его лице не читалось: взгляд сверкал лихим весельем, жадной битвы. Айкен еще не знал, что ему на сей раз не придется вступать в бой.

Зоя рассовала пистолеты в кобуру.

– Не уверена, что у меня получится как следует ими воспользоваться, но...

Айкен улыбнулся, думая о чем-то своем.

– Когда у меня была невеста... Она была англичанка и стрелок от Бога.

– Сейчас я думаю, что уже была бы не против с ней увидеться, – сказала Зоя, выправляя лямку лифчика из-под кобуры. – Может быть, и научилась бы у нее чему полезному.

Айкен отвернулся, погруженный в невеселые воспоминания. Больше они не разговаривали, на всех них – четверых – разом нашло мрачное настроение. До самого места силы никто не проронил ни слова, все были поглощены своими мыслями, копались в памяти. Айкен, очевидно, вспоминал невесту (вряд ли кто-нибудь мог хотя бы близко угадать, что именно творилось в его голове), Карл думал о Дворах, а Зою изнутри раздирали то одни вспышки прошлого, то другие, перед глазами Дикой Охотой проносились видения прошлого, и все, как одно: бои, бои, бои. Одна схватка, другая... И каждой из них предшествовало именно такое путешествие на место битвы. А ведь я, пожалуй, люблю это, подумала Зоя, мало что нравится мне так, как этот путь. Волнует, словно шаги по доске над морем...

Но она не поделилась своими мыслями с напарниками, однако взгляд Хэвена позволял догадаться, что он чувствует то же самое.

На середине дороги Карл заметил, что, подустав, Зоя прихрамывает, переваливается с ноги на ногу: то левое, то правое колено отказывались сгибаться каждый третий шаг. «Сломали, – с неприязнью подумал он о брате и всей его код-

ле, недостойной называться Двором, – вот сволочи, испортили мою куклу.» Но внешне он не продемонстрировал никаких чувств, даже бровью не повел, хоть и понял с удивительной ясностью: отныне ненависть в нем начнет чернеть и шириться, пока не разрастется настолько, чтобы объять всю голову. И исчезнет это чувство лишь тогда, когда на ноющую от гнева макушку опустится корона, снятая с отрубленной головы брата.

Местом битвы, вопреки ожиданиям Айкена, оказался не тот пустырь, что в прошлый раз. Даже и не пустырь вовсе: отряд прошел мимо двора, в котором раньше жили Дэйв и Симонетта, проскользнули под аркой, и оказались где-то... вне Халла. Зоя подняла голову и прищурилась: в глаза било яркое солнце. В пальто ей мгновенно стало жарко, носки сапожек увязли в теплом песке. Перед командой раскинулась огромная пустыня, бескрайняя до самого горизонта, и только прямо перед ними находилась оромная яма, словно приготовленная арена, нарушающая общую гладкость ландшафта.

– Солнце? – изумился Айкен, жалея, что не захватил с собой черные очки, – но мы вышли почти в полночь!

– Это небо Аннувна, разве не видишь? – дернула плечом Зоя, одновременно сбрасывая с него пальто. – Небосвод темнее, чем может быть днем на земле.

Айкен кивнул. Да и само солнце выглядело так, как порой

смотрится светило на фотографиях затмения: красный шар с золотым ободком по краю.

– Я не думал, что в Дворах существует что-то кроме огромного количества комнат, – пораженно покачал головой Купер. Зоя ухмыльнулась.

– Довольно наивно, в таком случае, – прозвучал за спиной Айкена голос Клариссы. Молодой человек – единственный из всех – вздрогнул, со стыдом догадываясь, что это означало, что кроме него никто не потерял концентрацию, он один расслабился слишком сильно, хоть нож под лопатку вгоняй.

– Пришла поглазеть? – шепнула Зоя, словно не решив, действительно ли ей хочется, чтобы Кларисса услышала ее и ответила, или будет лучше не отвлекаться: мало ли, что может произойти в следующую секунду! Но мир не двигался, будто застыл в янтаре.

Никто не шевелился, все только напряженно ждали. Пять, десять, пятнадцать минут... Или дольше. Или меньше. Айкен не стал бы утверждать наверняка – время в Аннунне тянулось иначе, чем на Земле, а ощущалось – и подавно по-другому.

Вдруг Зоя качнулась вперед, прыгнула, как птица, к краю обрыва, всматриваясь в низ ямы. Там из ниоткуда появилась черная гибкая фигурка с обнаженным мечом в руке: новая Вида.

– Пора начинать бой, – улыбнулась Кларисса.

Зоя сняла сапоги и съехала по насыпи вниз. В первое

мгновение у нее перехватило дыхание от быстрого спуска, глаза и нос запорошило песком: девушка поднялась на колени, чтобы протереть лицо и прочихаться. Но ей пришлось вскочить быстрее и кое-как разлепить глаза. В ярком свете солнца блеснуло длинное лезвие, черный изящный силуэт грациозной походкой неспешно, но уверенно приближался к жертве... Зоя вытащила меч из ножен, напрягла запястье, готовая в любой момент отбить удар и нанести ответный, но противница замерла в десяти шагах от нее, ухмыляясь. Острия обоих мечей остались нацеленными в землю.

– Меня зовут Палома, если ты не знаешь, – представилась брюнетка.

Одного глаза у нее тоже не было, длинная черная челка скрывала вторую глазницу почти так же, как рыжие зоины пряди. Возможно, Габриэль даже и не предусмотрел выемки для второго камня – его новая игрушка прекрасно функционировала и с одним. Под ключицей Паломы раскинула крыла татуировка-голубка. В отличие от зоиных рисунков, неподвижная.

– Тебя звали при Дворах птицей, не так ли?

Зоя кивнула.

– Теперь, я так понимаю, это твоя кличка?

– О да.

– Голубка. Трудно вообразить менее подходящее тебе имя.

Те черты, которые в Зое были чуть сглажены временем,

искажены – небольшие несовершенства, продукты дрогнувшей неопытной руки Габриэля, в Паломе были четко выверенными, безупречными. И именно поэтому она не могла сойти за живого человека. Будь у нее даже сердцебиение, она не смогла бы. Палома была красивей Зои, но пахла совсем не так – не фруктами и воском, а грязью, болотом, кровью и разложением. Отчасти в Паломе отразились черты Медб – длинное тело, более узкие плечи, чем у первой куклы, само изящество, на голову выше противницы. Но у Зои эти черты вызывали только улыбку.

«Ее будет проще повалить на землю. Да и я уже привыкла к своему телу, а она только учится с ним управляться.»

– Сними пистолеты и все остальное оружие, чтобы уравнивать шансы, – приказала Палома. – Можешь оставить один нож. Деремся на мечах. Начнем?

– Для этого я сюда и пришла, – не было смысла осаживать собеседницу за повелительный тон. Выяснить, кто сильнее, предстояло стали, а не словам.

Девушки двинулись друг к другу, сойдясь в центре ямы. Не сговариваясь, обе спрятали мечи в ножны, отвели одну ногу назад, замерли в совершенно идентичных позах... Зоя с тревогой подумала, что, возможно, это будет сложнее, чем она предполагала. Как сражаться с самой собой? Не без труда, уж точно.

– Габриэль учил тебя ровно тому же, чему и меня?

Палома не размокнула губ, но ринулась вперед, отвечая

действием: крутнулась на месте, пытаясь обмануть финтом, но Зоя не поддавалась. Слишком долгая практика, подумала она, уйми гордыню, сестричка.

– Твой смертный, кстати, здесь? Он наблюдает за тем, как ты тут подохнешь?

Зоя ударила пяткой с разворота – на самом деле, только сделала вид, мгновенно переместившись на другую ногу, припав на одну руку. Нога двинулась, как хвост скорпиона, и Палома оказалась на земле в клубе пыли.

– Не твое дело. Кстати, как там король? Уже попробовал тебя в постели? – не удержалась от ответной издевки Зоя, великодушно помедлив пару секунд, пока Палома поднималась.

Они не спешили доставать оружие: с удовольствием играли друг с другом, пинали, били, делали подсечки и блоки. То одна брала верх, то другая. И обе получали удовольствие от осознания возможностей своих тел. Гнева и злости между ними – пока еще – не было, только почти сестринские поддевки. Но ни одна, ни другая не обольщались, будто могут вечно возить друг друга в пыли, как котята, а потом просто разойтись. Единственной настоящей причиной их шутилой драки было стремление разогреться перед настоящей битвой. Кровавой. Из которой выйдет победительницей только одна. И кто это будет – знает только Богиня. И Зоя впервые в жизни, возможно, вдруг ощутила, что может понадеяться на поддержку Великой Покровительницы Всего: прожив жизнь

в отчуждении от Богини, теперь она словно почувствовала легкое теплое дуновение, шевельнувшее волосы у нее на затылке. В тот же миг ленивое благодушие, выразившееся в легких шлепках, сменилось ненавистью.

– Думаешь, что надев мое платье и взяв мою кличку, сравняешься со мной?

Зоя приподнялась на цыпочки, покачалась на расставленных ногах, не теряя равновесия, напротив, наслаждаясь им. Они действительно были идентичны с Паломой: две обезумевшие бабы, которым ничего не стоит убить.

– Самое время сказать, что ты где-то просчиталась, сестричка, – хрипло прорычала Зоя, а ее рука тем временем погладила и крепко стиснула рукоять меча.

– Игры кончились, – понимающе откликнулась Палома.

Мечи вмиг покинули ножны, заблестали на солнце, слепя зрителей, наблюдавших до сих пор безмолвно и недвижимо. Да и теперь только руки метнулись к глазам козырьком, но больше никто никак иначе не шевельнулся. Противницы издалека казались им совершенно одинаковыми, если не считать цвета: Зоя в красной блузке и красных же бриджах, с клинком в руке (на гарде – паук, сияющий инкрустированным в спинку рубином) и, напротив нее, Палома, брюнетка в черном обтягивающем платье с разрезом на боку, с черно-лезвненным мечом.

Они сошлись ровно в середине поля, обменялись ударами, но без особого успеха – словно одна воительница от-

зеркалила другую, каждый выпад оказался встречен умелым блоком. Но обе противницы уже знали, в чем минус соперницы. Палома заметила: Зоя растратила первый запал, пока дразнилась, начала едва заметно припадать на левую ногу. Зоя же видела, что ее противница бесстрашна – а это значит, ее защита ослаблена. Она не знает своего тела, оно ей чужое.

Палома крутнула мечом и захохотала, трясая головой. Сумасшедшая, полностью сумасшедшая – как и ее создатель. Зоя же не расслаблялась. Следующий их обмен ударами уже был жестче, сосредоточенней, мечи зазвенели, рассылая блики окрест. Несколько минут верх не брала ни одна, ни другая. Зоя чувствовала, что измоталась, колено простреливала боль, она едва держалась, чтобы не перевести взгляд на шрам, видневшийся из-за края бриджей. Но за нее это сделала противница. Палома нанесла удар мечом, и Зоя отразила его, но одновременно с тем новая Вида пнула соперницу по голени увечной ноги, так что та потеряла равновесие, неловко взмахнула руками... Меч Паломы взрезал штанину и плоть, и если бы Зоя не отшатнулась, меч прорезал бы ее ног насквозь. И без того больное колено взревело болью, кровь оросила песок. Но Палома недооценила близняшку: ее следующий удар был легко отбит, хотя Зоя и потеряла мобильность. Палома взвыла, недоумевая, как противница может держаться столь долго (бой должен был закончиться еще десять минут назад, никак не больше! Как можно вообще столько времени устроить против нее, Виды!)

И все же, Зоя была близка к поражению. Еще один обмен финтами, и ее раненая нога подвернулась, в голове мелькнула предательская мысль – а не сдать ли? Но Зоя тут же отмела ее с негодованием. Пусть Габриэль, возможно, и не убил бы ее, но Карла, Хэвена и Айкена... О нет, добровольная сдача не гарантировала бы ей снисхождения.

Мечи сверкнули еще раз, сходясь, и на этот раз вовсе вылетели из рук сражающихся девушек. Вращаясь, они взлетели, отражая солнце, а затем воткнулись в песок, блестя. Зоя отвела взгляд только на секунду, ослепленная, а в следующий момент оказалась притиснута к стене песочной ямы всем телом тяжело и смрадно дышащей близняшки. В руке брюнетки был крепко зажат острый кинжал. Неминуемое поражение?... Зоя распрямила плечи, глянула на Палому с вызовом.

– Хочешь убить – убей. Ну? Хватит силы?

Палома озадаченно посмотрела на противницу. Потом ее вишневые губы дрогнули, и через секунду девушка зашлась в оглушительном смехе.

– Ты что, – едва переводя дух, спросила Палома. – Думала, я струшу? Испугаюсь? Чего? Твоего представления?

Рука брюнетки схватила противницу за подбородок, притянула к себе, и, раньше, чем Зоя успела сориентироваться, Палома прижала жертву к песчаной стене ямы. Меж темных губ проскользнул и исчез розовый влажный язычок.

– Ты там, на Земле, совсем свихнулась. Поглупела. Тьфу, а

я еще похожа на тебя! – нож в руке Паломы блеснул, ослепив Зою. – Не хочу быть на тебя похожей. Не хочу.

Брюнетка поднесла лезвие к своему лицу, быстрым движением полоснула по лбу, еще, крест-накрест, по щеке, переносице. Зоя вжалась затылком в песок стены. На губы ей попали крохотные капельки крови, и девушка на автомате слизнула их. Химический запах, как от слуга, и вкус моющего средства для окон. Зоя постаралась сосредоточиться на этих ощущениях, чтобы не видеть, точнее – не осознавать так ярко, что Палома режет свое лицо в лоскуты. Свое лицо, находящееся на расстоянии ладони от лица Зои.

– А, так вот в чем дело, – протянула она, вдруг с неожиданной ясностью понимая, что происходит – и что следует предпринять. – Ты думаешь, что ты избранница Богини, раз у тебя есть кровь? Вот только она не настоящая, как бы Габриэль ни старался лепить из тебя живую.

Палома опешила – секундного ее замешательства хватило Зое, чтобы перехватить брюнетку за шею и ударить в лицо коленом – увечным. В стороны, мешаясь, брызнула их общая кровь, рану Зои обожгло, но девушка знала, что победа близка. Еще минутку можно потерпеть и большее.

Палома вывернулась из захвата, покатила по песку, пытаясь разорвать дистанцию с Зоей. Первая Вида не шелохнулась, сосредотачиваясь тем временем и набираясь сил для последнего рывка. Обезоруженная, она видела только один шанс победить. Если у Паломы было и время, и возможность

схватить меч, то воин отскочил слишком далеко. К тому же, дистанция между противницами стремительно сокращалась: схватив свой меч, вторая Вида уже неслась на противницу с быстротой полета птицы. Клинок Паломы был нацелен в живот Зои, прямо под солнечное сплетение. Но Зоя без страха встречала удар – только быстро повернулась боком, так что лезвие меча паломы прошло в уже имеющуюся в теле противницы прореху, ту, что Зоя получила год назад. Палома дернула было меч назад, понимая, что промахнулась, больше того – ее соперница даже не скривилась, однако раньше, чем она успела отстраниться, к ее шее сзади, срезая волосы, прижался острием ее собственный кинжал, которым незаметно завладела Зоя, пользуясь тем, что враг опешил.

Бежать было некуда.

Раньше, чем Палома сообразила, что же предпринять, Зоя выцарапала ей глаз. Это был странный момент причудливого почти родственного единения – последний зрачок Зои вперился в бледную, почти белую, радужку противницы. Видит ли она что-нибудь им? Не слепа ли?

Надеюсь, видит, подумала Зоя. А потом убрала руку с мечом. Пальцы Паломы разжались, она навзничь рухнула на песок.

Зоя уперлась локтями в песок позади себя и, напрягшись, вытащила меч из насыпи. Затем перехватила лезвие двумя пальцами, словно боялась пораниться (какое бы это теперь имело значение!) и осторожно потянула. Ремни на гру-

ди ослабли, стык двух частей на ее туловище пошел трещиной, и клинок без труда вышел наружу. Девушка выдохнула, бросила черный меч на землю, улыбаясь: какая огромная заноза! Потом перевела взгляд на бок: слава Богине, никакой новой трещины, меч прошел ровно там, где уже однажды король сидов пробил дыру. Но рана все же была, пусть и на старом месте, теперь она вскрылась заново. Зоя смотрела на хлещущую кровь, даже не думая ее останавливать. Не умрет же она, в самом деле. «Габриэль любит живых...», ха...

Теперь можно было и возвращаться назад. Но прежде... Зоя нагнулась, вцепилась в кожу Паломы – в то самое место, где была вытатуирована вскинувшая крылья голубка.

– Кажется, это принадлежит мне, – хмыкнула она, дернула на себя, разрывая плоть – и рисунок порхнул к ней на ладонь, взлетел по запястью и устроился на груди, там, где ему будто бы было самое место.

– Так-то лучше, – прошипела Зоя в угасающий целый глаз Паломы. – Но кличку я оставляю тебе. Я – не птица, не голубка. Больше не она. Я зебра, и со мной не стоит танцевать.

А потом она начала подниматься по насыпи к оставленным на время боя друзьям. Бок разрывала адская боль, но на душе было удивительно легко и спокойно. Так вот ты какой – вкус настоящей победы, с изумлением подумала Зоя.

Наверху она накинула на плечи пальто и застегнула его на одну пуговицу на груди – только чтобы прикрыть дыру на блузке, через которую виднелось слишком много обна-

женной плоти. Выправила волосы из-за воротника и медленно двинулась к поджидавшим ее соратникам, сияя улыбкой. Они уже были готовы поприветствовать ее радостными возгласами, но когда между ними осталось расстояние всего в несколько шагов, лицо Зои внезапно изменилось. Девушка рухнула на колени, плечи ее дернулись, из округлившегося в ужасе рта вырвалось негромкое: «О...»

Карл застыл. Хэвен, Кларисса и Айкен как по команде отступили на два шага назад. Судя по всему, Зоя вспомнила что-то такое, о чем имели представление только они с Карлом.

– Не так уж ты хорошо со мной обращался, оказывается, – горько хохотнув, произнесла девушка. Затем медленно поднялась на ноги, положила руку на рукоять меча...

Глава шестнадцатая

Звери и куклы равно подходят цепям. Укоренившись в душе, под трагическими бутонами разума прячется жажда иллюзий – колдовское искусство.

Джеймс Хэвок, «Тринадцать»

Заклинание Габриэля не было совершенным. Молодой король (один из самых юных – если не считать его брата – за всю историю обоих Дворов) больше уделял внимания дудлям и интригам, нежели магическому искусству. В отличие от своего золотоволосого близнеца. Впрочем, у Натаниэля, судя по всему, попросту был талант ко всякого рода колдовству. Даже в мире смертных, где воздух был пропитан миазмами, а не волшебством, он стал великим колдуном за считанные годы. Пусть он не помнил свою Виду, свою Зою, Натаниэль не забыл, что некогда с ним поступили подло и готовил заклятья на все случаи жизни. Однажды, когда к нему явилась молодая дама, в которой он узнал свою утраченную (и, о Рогатый Бог, как небрежно переделанную!) драгоценную куклу, алхимик, едва оправившись от потрясения, успел применить подходящее зелье прежде, чем злое заклинание брата снова раскидает их с Видой по разным уголкам Земли

– не помнящими друг друга, обескураженными, одинокими.

Теперь Натаниэль мог вернуться домой. И снова стать счастливым.

В Благой Двор они прибыли втроем: Натаниэль, Вида и Мертен, никогда по-настоящему не покидавший своего господина и всегда вившийся где-то поблизости. Мужчины вели куклу, держа за руки, словно принцессу. И пусть для Мертена она действительно была госпожой, для Натаниэля... уже нет. И еще нет, но он о том пока даже не догадывался.

Их встречали, как дорогих гостей. Навстречу им вышла Мелюзина, королева Благого Двора, мать близнецов. Едва увидев ее, Натаниэль опустился на одно колено. Мертен же схватил Виду внезапно похолодевшими руками. Он заметил – у каждого сида в чествующей возвратившегося принца толпе было оружие.

– Моя мать и госпожа, я принес тебе магические драгоценные камни, о которых ты просила, – сказал Натаниэль.

Вида забилась в руках Мертена. Сейчас она была готова наброситься на своего создателя и задушить его голыми руками.

Вида боялась, что ее закуют в цепи и мгновенно вырвут камни, но все обошлось – никто не поторопился. Ее ввели во дворец Благого Двора под конвоем, однако стоило тяжелым золоченым створкам дверей захлопнуться за ее спиной, как

хватка Мертена ослабла. Вида озадаченно (и почти покорно) взглянула на Мелюзину. Королева-регентша тоже впилась в нее глазами, но было очевидно, что благородная сида не видит в рыженькой кукле личность, только оболочку, кое-как носящую в себе и защищающую камни.

– Сын мой, я знала, что ты не разочаруешь меня, – произнесла она мелодичным голосом, похожим на перезвон крохотных бубенцов на ленте в ветреный день. – За возвращение всех камней Этайн тебе вернут твоё имя таким, каким ты оставил его, удаляясь в изгнание – незапятнанным.

Натаниэль благодарно кивнул, даже не глядя на свою куклу. На мать, впрочем, тоже. Он улыбался, но несколько нервно, словно не уверенный, что поступил правильно. Но вот белая тонкая рука Мелюзины легла на макушку сына, зарылась в золотистые волосы – и он расслабился, сдался.

– Идем, сын, нам нужно обсудить кое-что в моем кабинете. Мертен! – дини ши вскинул голову. Мелюзина едва заметно скривилась при виде избородивших его лицо шрамов, постаралась изгнать из глаз презрение, но опальный генерал понял все раньше, чем она спохватилась, – возьми куклу и присмотри за ней. Подготовь ее.

Королева и принц удалились. Вида расслышала только, как Мелюзина сказала вполголоса, наклонившись к уху сына: скоро у тебя будет корона...

Это означало только одно. Ее, Вида, умертвят. Сейчас такая игра слов не показалась девушке забавной.

Мертен подошел к ней сзади и взял за плечи. Крепко, но... успокаивающе. Он не собирался держать ее, как пленницу, заламывать ей руки. Для него она и госпожа (в качестве любовницы принца), и ученица – он не мог свершить такое насилие над Видой вне тренировочной площадки.

– Быть может, пойдём за ними? – ласково спросил генерал. Ему и самому стало любопытно, что же задумали королеванные особы. Он в ту пору лишь смутно понимал, что из себя представляет девушка, которую он учил драться больше века.

Они подошли к дубовой двери кабинета королевы, не замеченные никем. Мертен остался в нескольких шагах от нее, а Вида прижалась к прохладной поверхности дерева, приложила ухо к замочной скважине и закрыла глаза, обмирая от страха. Она предполагала, что услышит страшные вещи, но не думала, что они еще и будут облечены в столь оскорбительную форму. Девушка слышала уже только конец разговора. Быть может, если бы она знала, с чего он начался и что сказал Натаниэль, ей бы не было так больно. Но, когда ее рука взялась за ручку двери, готовая открыть, чтобы ворваться и возразить, девушка услышала только слова Мелюзины:

– Ты, должно быть, смеешься надо мной. Нельзя жениться на пустом месте. А твоя кукла именно оно и есть. Она ненастоящая, а это значит – не существует.

Вида подумала, что эти слова могли бы оттолкнуть ее от двери не хуже удара, но она не сдвинулась с места, даже не

дрогнула, только медленно зажмурилась. Если б в ее жилах текла кровь, то в этот момент она бы прилила к щекам.

– Леди Медб – единственная подходящая тебе партия, сын. Ты еще будешь меня благодарить. А свою ненаглядную игрушку ты навеки оставишь при себе. Ее алый камень будет сиять у тебя надо лбом, облеченный в золото, а голубые камни отдадим твоей жене. Я больше не могу быть королевой, меня должна сменить молодая, полная сил сида. Леди Медб...

Вида медленно отлипла от двери и, шатаясь, попятилась. Мертен схватил ее за плечи, развернул к себе и обнял. Не говоря ни слова, они пошли в его покои – дини ши безошибочно помнил, где они находились. И там, в пыли, накопившейся за века, на кровати они пролежали, обнявшись, всю ночь.

Зоя только на мгновение вынырнула из воспоминаний в реальность – ровно на время, требовавшееся ей, чтобы ринуться вперед с искаженным гневом лицом. Их с Карлом взгляды пересеклись над лезвиями скрещенных мечей.

– Ты предал меня, – прошипела Зоя. Карл в ответ грустно улыбнулся.

– Это была минутная слабость. А ты – переспала с Мертенем?

– Нет.

Они разошлись, закружили по песчаной площадке, не

спуская друг с друга глаз. Прочие наблюдатели прыснули в разные стороны, повинувшись первому порыву. Айкен подумал, что нужно помочь Зое, но, стоило ему качнуться вперед, как его грудь наткнулась на предупреждающе вытсавленный локоть Хэвена.

– В таком случае, я понимаю твою ярость. Да, я поступил нехорошо, – пробормотал Карл. И направил острие меча вниз. – Тогда убей меня.

Зоя вздохнула. Мышцы на ее руках уже не были так судорожно напряжены. Она тоже опустила оружие и приблизилась к принцу.

– Если ты просишь моего прощения, то я готова его тебе дать, – сказала девушка. Но в ее голосе звучала нескрываемая боль.

А в следующую секунду Зоя упала на руки Карла. Глаза ее закрылись.

– Она вспомнила еще кое-что, – сказал мужчина, с нежностью убирая волосы с лица девушки.

– Да, – добавил Мертен, перым решившийся приблизиться. – Вспомнила. Все.

В полузабытьи Зоя вскинула руку и впилась пальцами в плечо Карла. Она вспомнила и все хорошее, что было у них. Перевешивало ли оно единственное предательство? Она решила подумать об этом потом.

Вида оставалась в замке без оков, но не на правах гостыи

– ее уже заведомо считали короной, относились как к вещи. Никто, не считая Мертена, не отдавал никаких приказов относительно нее, и лишь стараниями учителя девушка получила в свое распоряжение свою прежнюю комнату. Несольско дней она провела взаперти, но даже не знала этого – она не выходила никуда. Не хотела. Дожидалась свадьбы принца, после которой должно было последовать ее преобразование, попросту – казнь. Но недавний изгнанник, поторапливаемый матерью, явился к ней задолго до коронации и бракосочетания.

Когда Натаниэль с четверкой верных воинов ворвался в покои Виды, он застал ее у зеркала. Девушка обернулась и медленно встала.

– Ты прикажешь меня схватить? – она гордо вскинула голову, сверкнула синими глазами, – может быть, сперва скажешь мне в лицо то, о чем ты шептался с дражайшей матушкой, леди Мелюзиной?

Натаниэль попятился, но тут же, прожженный взглядом девушки, бросился к ней, упал на пол и простер к ней руки в мольбе...

Вида переступила через униженно выставленные ладони и прошла мимо принца, задев его плечо подолом платья. Карл поднял голову и увидел в зеркало, что Вида обернулась у дверей, но как только их взгляды пересеклись в отражении, она дернула плечом и вышла.

Принц не приказал дини ши удержать ее.

Фактически, он дал ей уйти, но ни тогда, ни теперь Вида не считала, что слабость от раскаяния искупает совершенное предательство. Не прощение, как думали спутники, удержало ее от боя с принцем. Она вспомнила свой долг – служить ему, короновать его. И вот уже против этого она взбунтоваться не могла.

Зоя вышла из арки первой. Кожа ее горела, даже холодный канадский воздух октября не остудил ее. Девушка ощущала, будто вся объята пламенем, практически впервые в жизни – после вечно-весеннего Аннувна на Земле она постоянно хотя бы немного мерзла, исключая пару летних дней. Но теперь ей было жарко, как в пекле. Отряд следовал за ней след-в-след, все, как один – с опущенными головами. Никто не смел поднять взгляда на Зою, даже Хэвен, чувствуя, что она вмиг изменилась. Не стала прежней, нет, и дело даже не было в том, что она совершила убийство впервые за долгое время – преодолела барьер.

– Близнечный поединок, – прошептал голос в паре метров от Зои. Она остановилась и повернула голову в сторону. Тот самый мужчина в кожаной куртке, что преследовал ее последние месяцы. Она впервые увидела его четко: веснушчатое красивое лицо, хитрый прищур. Любовник Клариссы, догадалась девушка, наверняка, это он, тот самый, который передал ей амулет.

– Побеждает тот, кто благословлен высшими силами. Те-

бе повезло, – юноша отступил в тень, капюшон надетой под куртку толстовки скрыл его лицо тьмой до самого подбородка. – Богиня с тобой.

И он буквально растворился в ночи. Зоя еще несколько секунд стояла неподвижно, обдуваемая ветром, наконец забравшимся под пальто и высушившим пот. Она чувствовала пробуждающийся интерес к этому мужчине... Но приказала себе не думать о нем. От него веяло опасностью, такой сильной, как еще никогда в жизни. Зоя поборола желание ответить себе крепкую пощечину: забудь, забудь, в твоей жизни и так слишком много проблем.

– Что с тобой? – окликнул ее Айкен, замерзший и уставший от переживаний. Зоя повернулась к нему и в первую секунду отшатнулась, пораженная осознанием, насколько они разные и чужие по своей природе... с этим смертным.

– Ничего.

Она подняла руку на уровень глаз и медленно разжала кулак, с удивлением осозная, что до сих пор сжимала в ладони вырванный у Паломы глаз.

Айкен ожидал, что, как и обычно после боя, Зоя позовет его в спальню, но она не намекнула ни на что подобное. Напротив, девушка решительно выставила мужчин из комнаты, не заботясь тем, что одному из них будет негде спать. Она чувствовала себя взбаламученной, как горный поток, бурлящей и несущейся по камням – куда? Знала ли она сама? Но

то, что произошло с ней несколько часов назад, перевернуло всю ее душу.

Зоя положила отмытый паломин глаз на тумбочку в изголовье кровати и села на постель, скрестив ноги «калачиком» (боль от движения прошла ее от щиколотки до бедра, но Зоя не заметила этого). Даже предательство Карла отошло на второй план, отступив перед осознанием пробуждения. Да, то, что сказал тот мужчина в капюшоне, было совершенно верным. В близнечном поединке побеждает тот, кто дороже Богине. Выбрала бы Она ее, если б Зоя дралась не с Паломой – своим еще более неживым доплывангером? Девушка вздохнула и попробовала обратиться к Великой Матери напрямую. Никогда прежде она не решалась этого сделать, осознавая свое несовершенство, и вот только теперь...

Она спросила и получила ответ.

Прикосновение Богини ощущалось, как ухваченная губами молния, как сомкнувшийся над головой океан, как бегущий по венам огонь... Зоя упала с кровати, попробовала подняться и снова рухнула на колени, задыхаясь в рыданиях. Богиня, которую она звала с самого рождения, к которой веками взывала, наконец явила ей свою милость и внимание. Зоя чувствовала, как Ее великая рука касается ее недостойного темени. Такого ужаса, такого ощущения собственной грязи, ничтожности, как от прикосновения этой руки, Зоя не ощущала еще никогда. И в то же время – эти чувства были правильными. Не слыша ни звука, Зоя чувствовала, как в

ее уши проникают слова Богини: да, путь твой не из легких, конец будет страшен, ты ничтожнейшее из созданий, но Я все равно люблю тебя, даже не-человека и не-сиду, потому что Я люблю всех.

И Зоя всем телом рухнула на пол, словно лопнули цепи, державшие ее до этого в подвешенном состоянии. Испытанное ею выпило из Зои все силы, она чувствовала, что засыпает – успокоенная, как никогда прежде, – на удивление мирным сном. Несмотря ни на что.

А еще Зоя поняла, что, хоть ее судьба и состоит в том, чтобы обеспечить власть своему королю, если она не хочет, если она ослушается и поступит иначе, согласно своему разумению, Богиня, как мать, – да, как Мать всего, – все равно будет отныне ее любить.

Зоя проспала всю ночь на ковре, и жесткий ворс под щекой казался ей мягкой луговой травой.

Глава семнадцатая

Всегда лучше знать, чем подозревать и сомневаться. Всегда лучше быть уверенным.

Стивен Кинг, «Мареновая роза»

– И как она тебе? – Кларисса наклонилась вперед, так что стало видно ложбинку между грудей. Сеятель безучастно скользнул по ней взглядом и перевел глаза на камин: пляска языков пламени привлекала его больше, чем прелести сиды.

– Карл знает толк в добротных инструментах.

Кларисса рассмеялась.

– И это все?

– Нет, – Сеятель впился глазами в камин, словно видел в нем Зою, так запавшую ему в душу. – Она вся – гнев и огонь, она – сокровище. Такая женщина действительно могла быть только рукотворной, Богиня бы никого не наказала подобным совершенством.

– Ты ей льстишь, – фыркнула Кларисса, отпивая вина.

Но Сеятель был совершенно искренен. Только он говорил не о внешней красоте, а о внутренней. Пламя души Зои действительно покорило его... на их общую беду. Он уже не мог выкинуть ее из головы.

В краткий миг между выныриванием из сна и полным пробуждением Зоя подумала, что сейчас почувствует себя обновленной, но вместо этого она ощутила только прошивающую от щиколотки до бедра режущую боль. Удивительно, что ей вообще удалось заснуть и, больше того, проспать всю ночь без кошмаров. Быть может, это как раз и должно было подтверждать, что Богиня ее приняла, но Зоя вовсе с трудом верила в то, что произошло с ней сутки назад, если б не рваная рана с кое-как подсохшей корочкой, то и дело трескавшейся, она бы решила, что и вовсе ничего не было: ни боя, ни прикосновения Великой Матери.

Однако, когда девушка кое-как подтянула к себе онемевшее колено, поднялась на ноги и заковыляла к шкафу за аптечкой, с каждым шагом, простреливающим ее все возрастающей болью, она только сильнее и сильнее уверялась, что и битва, и прозрение случились на самом деле. Но не облегчение дали ей эти осознания, напротив: Зоя еще никогда не чувствовала себя такой сбитой с толку и потерянной. Впервые в жизни она, пожалуй, захотела обратиться к Клариссе, как к старшей сиде – и просто, более опытной женщине, но подозревала, что волшебница еще нескоро появится в их квартире. Она приходит только если нуждается в чем-то, а когда нуждаются в ней – никогда.

Она кукловод, подумала Зоя, бинтуя ногу, мы всегда это знали, но не хотели признавать открыто, потому что было легче участвовать в спектакле, чем... жить, полагаясь на се-

бя. Но теперь все должно измениться.

Не только она сама, все ощутили это. Сперва – Карл. Он застал ее на кухне, курящую в окно, изогнутую волной: тело оперлось на подоконник, одна рука отведена за себя, так что локоть упирается в стекло, голова повернута к распахнутой створке, вторая рука, с сигаретой, отставлена под углом, как на картине эпохи ревущих двадцатых... Только мундштука не хватает. Зоя не удостоила своего принца ни взглядом, ни словом, но он догадался, что она заметила его приближение.

– Я должен извиниться за то, что предал тебя, – робко начал он, совершенно забыв, что по положению стоит гораздо выше нее, даже сейчас, пребывая в позорном изгнании. – Ты же понимала – я не мог выбросить из головы то, что ты теперь творение Габриэля. Не похожа совсем на ту Зою, что я создавал... не без его помощи, это так, но по своим собственным меркам...

– Ты хотел сказать – я стала не в твоём вкусе.

Карл покачал головой.

– Ничего страшного, что ты бросился лизать прекрасную королевскую задницу. Мы оба не чисты друг перед другом.

– Но я не держу зла, что ты была с этим, как его... Купером. В конце концов, это была моя вина.

Зоя оторвалась от сигареты и повернулась к принцу. Глаза ее пылали гневом.

– Это был мой свободный выбор. Но я не о том. Ты спрашивал, спала ли я с Мертенем.

Лицо Карла изумленно вытянулось.

– Ты соврала?

– Нет. Но я переспала с Габриэлем.

Карл дернулся, как от удара. Щеки его мгновенно вспыхнули.

– Не может быть. Ты же презираешь и ненавидишь его! Нет, ты сказала это, чтобы позлить меня... – Зоя молчала, только медленно моргнула единственным глазом, и Карл задохнулся от ее новой силы: духа Богини, окутавшего ее, словно шаль... – О, неужто... Это правда?

Зоя не ответила, не двинулась, продолжая наблюдать за мужчиной. Карл зажал рукой рот, чтобы успокоиться, сделал несколько глубоких вдохов. Он всегда знал, что создание Виды – рискованное предприятие, больше того, он прекрасно представлял, какой силой она обладает, но теперь... она по-настоящему его пугала. Она вышла из-под его контроля, ее сила увеличилась стократно, даже чудовищная рана на колене и потерянный глаз-камень не остановили ее вчера...

– Я должен был это предвидеть! И наперед запретить тебе это.

– Ты не понимаешь, – Зоя покачала головой. – Я не только не принадлежу тебе, но и вовсе не имею к тебе отношения. Габриэль полностью меня изменил.

Карл покачал головой, взял девушку за руку.

– Неправда, я узнаю эту кожу, эти глаза. Я помню, что было до того, как ты изменилась, как мы веселились в Дворах

и потом бродили по земле после изгнания...

– А я – нет, – Зоя резко отняла руку. – Только по чужим рассказам. Но так даже лучше. Иначе я не простила бы тебе предательства.

Карл запустил пятерню в отрастающие волосы. Движение вышло совсем непохожим на то, к какому привык Айкен, но Зоя все равно отметила нарочитое сходство жестов. Видимо, Карл был уверен в полном очаровании своей Виды молодым экс-полицейским, так что рассчитывал стать девушке более приятным, копируя соперника.

– Мне придется сделать над собой усилие, чтобы снова полюбить тебя, как прежде.

– Уж напрягись!

– Прости, ничего не могу обещать. Сам понимаешь. Такова жизнь.

– Жизнь! Как тебе нравится это слово, просто поразительно! Меня от этого тошнит.

– Я же уже не та, которую ты любил! – выкрикнула девушка, оттолкнулась от подоконника, уронив окурочек на пол, и направилась вон из комнаты. Но у самой двери обернулась. – Надеюсь, ты больше никогда не захочешь меня касаться после этого.

Но он хотел. Теперь, когда он знал, что она не принадлежит ему, и если искала встреч – то не с ним одним, Карл чувствовал, что не страдал так даже после изгнания. Зоя, Вида, Зои – его последняя частичка Дворов, на которую он мог

положиться, которая прощала все, искала его, стирая ноги в кровь... Она выгнала его из своего сердца.

– Должно быть, я наказан за то, что не ценил, – прошептал Карл сам себе. Теперь он был свободен, как никогда – все, что было хоть как-то связано с Дворами, отреклось от него и отторгло изгнанного принца Натаниэля. – Я только хотел узнать... услышать твое признание.

– Клятву верности, ты хотел сказать? – Зоя напряглась, сложила руки на груди, затем сама совершила цепочку пере-нятых у Айкена действий: повернула голову в сторону, облизала губы, и покачалась на носках, переведя взгляд себе под ноги.

– Что ж, не буду скрывать, – голос Карла окреп. – Я должен услышать, что ты преданна мне как прежде, что ты рискнешь всем...

– О да. И даже соглашусь потерять все, – перебила его Вида, полыхая взглядом. – Да, это так. Я убью того, на кого укажешь, чтобы ты занял трон Габриэля. Не только потому, что это моя природа, что в мое естество, программу, как говорят современные люди, заложена благодарность тебе, перевешивающая все. Потому что я не могу допустить, чтобы скот, преступивший закон, очернивший брата и сотворивший немало иных гнусностей, оставался на троне.

– Не забудь о королеве Медб, – из-за спины Зои выступила Кларисса, словно в миг соткавшаяся из ветра и тьмы. – Она вступила с узурпатором в преступный сговор, когда он

создавал свою вторую Виду.

Зоя не обернулась на голос, раздавшийся из-за ее плеча, только ухмыльнулась да покачала головой.

– Дай угадаю, Кларисса. Я не избавляюсь от твоего пристально надзирающего ока даже когда с кем-то трахаюсь?

– Истинно так. Даже, имей в виду, не только ты.

Настроение у Зои мгновенно улучшилось, она даже ухмыльнулась. Еще час назад она мечтала о том, чтобы излить хоть кому-нибудь душу, и лучше всех на эту роль, как ей казалось, подходила Кларисса, а вот теперь сида явилась, будто на ее зов, и можно начать разговор. Карл неловко протиснулся мимо женщин в коридор.

– Я чувствую себя лишним.

Он не соврал. Сила Богини, зажегшаяся в обеих женщинах одновременно, перетекающая от одной к другой, жгла его, отвыкшего от магии Дворов. И еще его обижало выражение общей тайны, вспыхнувшее одновременно в глазах у обеих. Когда Карл прикрыл за собой дверь с матовым стеклом, Зоя развернулась к гостье всем корпусом, радостно улыбаясь.

– Знаешь, я впервые с нетерпением ждала тебя.

– Подумать только! – Кларисса села на табурет и закурила. – Неужто настало время признаний?

Что-то в ее голосе заставило Зою напрячься. Она уже не так хотела делиться пережитым, как еще миг назад. Она изменилась – да, но Кларисса-то нет...

– Я... просто я ощутила Богиню. Если, конечно, не обманулась. Если не вообразила себе это.

– Не думаю, – Кларисса приняла признания девушки равнодушно. Пожала одним белым покатым плечом. – В конце концов, ты тоже создание божье.

И тут Зоя почувствовала, что услышит нечто неприятное. Что-то такое, что ножом войдет в ее нутро, пробьет насквозь... Горло ее еще с вечера саднило после напряжения в бою, и теперь в нем засвербело так, что девушка зашлась в кашле, почти намеренно: лишь бы оттянуть миг... Но Кларисса не дала ей и секунды передышки, громко произнеся:

– Ты не создана братьями-принцами, дитя. Потому что девы-короны не могут быть созданы сидами.

Зоя застыла, как была, с опущенной головой, прижатой ко рту рукой. Губы дрожали, и она вмяла в них пальцы, так что челюсть заныла.

– Ты ведь уже начала вспоминать? Древние предания, повествующие о том, как короли брали в жены деву-власть, чтобы легитимно править страной. В мифах говорится, что такие женщины были сидами, но большинство из них были такими же, как ты – Видами.

– И... Палома? – Зое наконец удалось сглотнуть и выпрямиться. В пустой глазнице закололо: то ли от нервного напряжения, то ли из-за непролитых слез, режущих еще не полностью зажившую рану.

– Нет. Она была искусственно создана. Пусть она выгля-

дела, как ты, вы были существами отнюдь не одного порядка. Иначе как, ты думаешь, смогла ты победить ее? Ты ей не ровня. Ваш близнечный поединок просто активировал твою силу, чтобы ты смогла короновать Карла, как полагается.

Зоя не стала переспрашивать, как именно ей полагалось возвести изгнанного принца на престол. Альтернативой был план его матушки – умереть, став просто камнями в короне. И все, что угодно, пожалуй, было лучше, чем это.

– Ты умеешь приносить дурные вести, Кларисса. О... и строить гадкие планы, – на миг девушке стало стыдно, что она поддалась влиянию настроения и чуть было не заговорила с сидой о личном. – Это ведь по твоему наущению я поторопилась идти на бой с Паломой. Я уже не удивлена, что ты – главная в этом спектакле.

– Именно, девочка. Ты только слушайся меня до самого конца, и все будет хорошо.

– Так же хорошо, как вчера? – кукла распахнула халат. – Посмотри, что эта искусственная сука сделала со мной!

– Инициация не проходит без крови. По крайней мере, теперь ты можешь убивать людей.

Зоя дернула плечом. В голове пронесся рой мыслей о том, что Палома не была человеком, хоть и выглядела им, но – да, никакой разницы, внутренний барьер преодолен, и, при том, нет в этом ничего важного.

– Но это только вишенка на торте, – Кларисса ухмыльнулась. – Ты символически убила саму себя. Теперь для тебя

начнется совсем иная жизнь.

Зоя тряхнула головой, скрывая от сиды глаза. Спиной она почувствовала взгляд, по звуку шагов и запаху догадалась, что на кухню вошел Хэвен.

– Кларисса, уйди, или я попрошу Хэвена взять тебя поперек туловища и выставить из нашей квартиры неделикатным образом, – голос девушки дрожал от гнева, как никогда еще прежде. – Ты меня раздражаешь.

Женщина фыркнула. И после этого на какое-то время повисла гробовая тишина, только из гостиной доносился едва слышный звук работающего с помехами телевизора. Зоя подняла голову: оказалось, что они с учителем остались в кухне одни. Хэвен обогнул стол и встал у окна, сложив руки на груди, выжидательно глядя на ученицу.

– Ждешь, что я скажу тебе, – рявкнула Зоя. – Да? Ничего приятного. С меня хватит. Я простила тебя, простила Клариссу, воображая, что вы хотите мне добра, но на самом деле – ведь нет? Потому что я просто печать, корона, ничего больше.

Она встала, объятая яростью, как огнем, схватила со стола блюдечко, в котором они с Айкеном привыкли тушить окурки, и, размахнувшись, бросила на пол. Осколки брызнули в разные стороны, покатались по кафелю, как разбегающиеся насекомые.

– Да что с тобой? Ты же была хорошей девочкой, – Хэвен попытался ухватить Зою за плечи, но она грубо выдернула

руки из его ладоней, так что кожа обоих вспыхнула, как от крапивы.

– Да хватит уже! Оба Двора меня предали, и я не верю, что ты не был в этом замешан. И ты, и Карл – вы просто грязные сволочи...

Хэвен отступил на шаг. Его лицо не изменилось, но какое-то неуловимое движение тонких губ, незаметное глазу, тьма и выжженная солнцем пустыня, глянувшие из зрачков заставили Зою устыдиться. Она прижала руки ко рту, невнятно начав оправдываться.

– Прости, я действительно обезумела. Ты всегда охранял меня, относился ко мне как отец...

Хэвен с едва слышным вздохом отвернулся, прижав пальцы к переносице. В первое мгновение Зоя приняла его движение за отголосок той боли, что причинили ее слова или же воспоминание о Симонетте, но уже спустя миг поняла, что ошиблась. Чтобы заставить Хэвена почти застонать, требовалась причина посерьезней, чем грубость невоспитанной ученицы, характер которой уже изучен вдоль и поперек.

– Постой... Ты что-то хочешь сказать про моего отца. У меня он был? И это не Карл, не Диего, у которого я украла душу?

Хэвен застыл, все еще зажмурясь, невольно выставя вперед локоть в защитном жесте, скосив широкие плечи – как-то обреченно, почти виновато. Голос Зои упал до шепота, она была готова умолять, стоя на коленях. Повинуясь како-

му-то внутреннему подозрению, к глазам подступили слезы.

– Я помню что-то смутное, об этом мне ведь уже кто-то говорил... Прощу тебя, скажи мне, кто он. Он из Дворов?

– Нет, – Хэвен вновь перевел взгляд на ученицу. – Но я не могу сказать, кто. Тебе станет больно.

– Мне уже не больно от воспоминаний, я прошла ритуал... – Хэвен не ответил, и лицо Зои вытянулось. Она поняла, о чем хотел сказать учитель. – О, не бойся. Я не знаю, что еще может быть больно... Больней, чем наживую вырванный глаз, чем смерть девочки, которую ты уже считаешь частью своей семьи...

– Твой отец – Кронос.

Зоя откинулась назад, ткнувшись лопатками в стену. Только это помешало ей упасть. Слова Хэвена зазвучали в ушах белым шумом.

Если учитель хотел отомстить за то, что Зоя напомнила ему о Симонетте, он оплатил сполна.

– Это он сделал камни. Он вдохнул в меня чужую душу.

– Да. Все, кто говорят иначе – врут. Потому что за общение с Кроносом грозит смерть каждому, даже принцу крови.

Зоя облизала пересохшие губы.

– И его мы собрались возвращать на престол?

Хэвен ухмыльнулся. «Узнаю леди Виду,» – как бы говорило его лицо.

– Тебя больше всего заботит именно это?

– Нет. Меня заботит то, что оба претендента на престол

виновны и подлежат казни. Но я, разумеется, не изменю своего решения водворить Карла на место Габриэля. В конце концов, он не жаждет убить меня и перелепить в иную девку, попокладистой.

Хэвен коротко кивнул – то ли соглашаясь, то ли, повинувшись привычке, в полупоклоне. Но улыбка с его лица исчезла. «Я бы не был так уверен в этом, леди.»

Глава восемнадцатая

Такова уже судьба человека: не уважать тех, кто любит нас слишком наивно, и не любить тех, кто понимает нас слишком хорошо.

Александр Амфитеатров, «Зоя»

Им всем нужно было успокоиться, и всем это не удавалось. Каждый, кто находился на тот момент в квартире (Кларисса ушла, как только почувствовала, что раздражение Зои на сей раз перешло допустимую границу для безопасности окружающих и стало поистине разрушительным), ощущал себя не в своей тарелке, и, хотя бы отчасти, в том была вина Зои. Она сама прекрасно это ощущала и не могла не метаться по квартире, как по клетке. Если б не раненая нога, она сослалась бы на желание пробежаться в одиночестве и потренироваться на ближайшем пустыре. Но именно в тот момент, когда это было ей нужнее всего, девушка лишилась лучшего предложения.

«Я едва проснулась, а уже чувствую себя разбитой!» – с неудовольствием подумала Зоя, ковыляя в свою комнату. Ей снова захотелось уединения – что показалось девушке странным, ведь за последнее время она привыкла быть рядом с Айкеном и Хэвенном (а лучше и с Симонеттой – воспоми-

вание отозвалось глухой болью ушибленного подживающего ожога, словно имя девочки вытравили клеймом на сердце). Но в спальне ее ждал Карл. Принц крутил в руках глаз-камень. Сейчас он выглядел как обычный кукольный глаз, разве что очень искусно выполненный, тогда как шесть часов назад, когда Зоя выдрала его из Паломы, он скорее больше походил на осколок необработанной породы синего цвета, только кое-как отшлифованной спереди, у того места, где кусок прилегал к глазнице, да с нанесенной поверх белой эмалью.

– Ты рискнул колдовать?

Карл пожал плечами. Ну и к черту, устало подумала Зоя, пусть все идет так, как получится. Игра в прятки с Габриэлем все равно наверняка прописана в сценарии Клариссы, а значит, что бы они ни сделали, она поторопится скорректировать последствия в свою сторону. И это тоже не так важно, потому что Кларисса либо где-то просчиталась, либо так изначально и задумывала, но в ее интересах теперь бы было положиться на Зою и ее напарников, а не подсовывать их в качестве трофея Габриэлю и Медб. Если создание Паломы и могло поколебать ее уверенность на этот счет, то после того, как Зоя уничтожила двойницу, Кларисса должна была бы, при ее уме и расчетливости, оценить мощь первой Виды.

– Хочешь вернуть мне глаз? Спасибо, очень мило, – в голосе Зои не было никаких эмоций. Она ногой придвинула к себе стул, села на него, запрокинула к принцу голову, прове-

ла руками от щек к вискам, убирая волосы... Карл едва заметно вздрогнул, когда Зоя взялась ногтями за пластырь на глазу и начала медленно его отдирать. Она намеренно делала это так, чтобы он либо увидел всю кошмарность ее раны, либо отвернулся. Зоя словно хотела его проверить: если не отведет взгляда, значит, и глаз ей хочет вернуть ради увеличения мощи, а не красоты. Если он обеспокоен тем, что я не так сексуально привлекательна, как раньше, то он явно меня разочарует, думала Зоя.

Пластырь она скомкала в кулаке, усилием мышц приподняла веко, разлепила запекшийся глаз... по щеке скользнула к шее кровавая (девушка не сомневалась в этом) слеза. Карл протянул свободную руку, мизинцем поймал каплю и кровью начертил под бровью руну. Другую – ниже, на щеке. Зоя почувствовала, как половина лица у нее онемела. Что творил с ее глазницей Карл, она не чувствовала. Только когда его лицо вдруг приняло необычную объемность и четкость, она догадалась, что операция окончена.

– Спасибо.

Он словно и не замечал ее холодного тона. Облизнул палец, стер руну на щеке Зои и задержал ладонь на ее коже. Зоя скосила глаза на его руку, почти не попадающую в ее угол зрения. Если я посмотрю ему в лицо, он меня поцелует, подумала она с раздражением. Вторая рука принца также прильнула к щеке его Виды, хоть в этом и не было необходимости.

Именно в этой позе и застал их Айкен. Он застыл в дверях, и ни Карл, ни Зоя не заметили его. От соседей, как обычно, доносилась в открытое окно приглушенная музыка.

– Ты помнишь эту мелодию? – спросил Карл, улыбаясь. – Мы танцевали под нее в Румынии, в моем номере.

Зоя сморгнула. На образ нынешнего Карла – с короткими неопрятными волосами, белыми кругами вокруг глаз от солнечных очков – накладывался другой, прежний. Который она помнила сквозь века. И основное различие в них было не во внешности.

«Ради той власти, что я ему дам, он готов ползать на брюхе, как пес. Как унижительно – для нас обоих. Если б я была просто смертной женщиной, все пошло бы иначе. О, Богиня! Я порчу все, к чему прикасаюсь, я всех подминаю под себя. Не хочу, но так получается.»

– Румыния была в другой жизни. И я даже не преувеличиваю, когда говорю так, – девушка покачала бы головой, но ладони мужчины мешали ей. – Все изменилось, пойми.

– Но... Мы должны быть вместе. Как можно ближе друг к другу. Мы созданы...

Зоя сняла руки принца со своих щек.

– Не говори так. Это звучит жалко.

Карл внутренне содрогнулся: одновременно шокированный и разозленный.

– Как ты не понимаешь? Трагедия всей моей жизни – отсутствие тебя.

– Нет, – Зоя покачала головой. – Если ты не лжешь, трагедией твоей жизни станет осознание, что Судьба неизменна и связывает кого ей вздумается.

– Ты всегда говоришь – судьба, но не Богиня. Почему?
Зоя вздохнула, сдула прядь волос со лба.

– Потому что Богиня хочет, чтобы я была с тобой. И я покоряюсь, – девушка встала со стула, наклонилась, как перед алтарем, немного вперед, и прошла мимо, к столу, взяла с него меч. На некоторое время она словно позабыла о принце, будто роднее меча для нее в этом и всех иных мирах не существовало вещи роднее.

– Что же нам делать? – озадаченно произнес Карл, напоминая о себе. В его непонимании было что-то детское, немного капризное.

– Завоевывать для тебя трон, – голос Зои не тронула ни одна эмоция. – Что еще мы можем делать? Возвращаться в Аннувн, прорываться с боем, короновать тебя.

– Ты думаешь, что это тебя успокоит?

– Да. Меня успокоит то, что я выполню условия гейса – своего и твоего.

Зоя достала из ножен меч, начала бесстрастно его полировать. Глаза ее смотрели только на блестящее лезвие, и зрачки не двинулись, когда Карл спросил:

– А ты станешь моей королевой?

И он, и она подумали про себя – это ведь давным-давно нашептала Кларисса. Неизвестно как, неизвестно, когда. Во

сне, может быть.

– Разумеется. Как короли женились на сидах, чтобы воцариться в стране, так и тебе понадобится женщина-власть, чтобы упрочить свое правление, – Зоя медленно подняла голову. – Ведь для этого вы меня создавали, и ты, и Габриэль. Просто камни вам не были интересны, а вот женщина вместо них... И вовсе не потому, что вам было одиноко среди пиров и красавиц. Искали меня не потому, что вам были дороги камни, оживляющие меня, – девушка усмехнулась. – Подумай, ведь это неплохо – что я уже не твоею рукой создана. Ты отберешь власть у Габриэля.

Она улыбнулась и вновь опустила взгляд на меч. И в отражении на клинке вдруг заметила Айкена. Зоя не спросила, сколько он слышал, по бледности поняла, что достаточно. Им следовало объясниться, и при мысли о том девушка почувствовала очередную волну усталости. О, если б он снова, как в давние-предавние времена, просто ушел от разговора – физически. Ринулся на кухню, как животное, и в страхе, и в неудовольствии просто ныряющее в свою пещерку. Но вот теперь-то Айкен хотел обсуждения.

Зоя буркнула что-то Карлу, словно уже была обязана отчитываться перед ним (в памяти на миг всплеснулась картинка из прошлого: тронный зал, она на одном колене, отпрашивается на охоту вместе с Мертенем) и вышла в гостиную, пройдя мимо Айкена, но даже не взглянув на него. Молодой человек закрыл за нею дверь, как бы намеренно де-

монстрируя Карлу, что тому лучше остаться в спальне.

– Нам нужно многое обсудить.

Айкен прошел к столу, не оборачиваясь, сел в кресло. Зоя осталась в нескольких шагах от двери в спальню, и он не обернулся, словно не был уверен в том, что им действительно необходимо поговорить. Как всегда, догадалась девушка, ненавидит выяснение отношений. Раньше она бы ушла, тем более, что он дал ей такую возможность, чтобы пощадить его чувства, но с прошлой ночи она изменилась. Теперь она знала цену и благую силу очищающей боли.

– Да, – она села на диван боком к Айкену, развернув к нему только колени. – Что ты хотел выяснить?

– Наверное, мне следует за это извиниться, хоть я и непреднамеренно это подслушал... Кое-что из разговоров Клариссы с тобой и с Хэвеном. Ты не стала королевой Благих, хотя могла. Почему?

– Угадай.

Непроизвольно Зоя вздрогнула: перед глазами пронеслось видение, в котором Карл и Натаниэль кусали ее лицо, сдирая кожу. Нет, этого, разумеется, не могло быть, но то, как они обошлись с нею, не сильно отличалось от подобного насилия.

– Я хочу, чтобы ты сказала мне это.

Зоя покачала головой. Еще неделю – нет, пару дней назад! – она бы действительно все выложила Айкену, но теперь просто не могла. Он изменился, она – тем более. И, при том,

знать это было мучительно. Прежде Зоя не замечала, какая между ней и Айкеном чудовищная разница, а теперь это никак нельзя было игнорировать.

Купер отчасти мог понять девушку. Он тоже почувствовал, как она вмиг отдалилась от него. Если это дело рук ее Богини, думал он, то как она немилосердна к не-сидам! Я бы никогда не доверился ее культуре...

– Дела людей и сидов, пойми...

– Не надо. Молчи. – в голосе Айкена послышались нервные, почти плаксивые нотки, и Зоя под села к нему поближе. Между бровей у нее прочертилась изумленно-страдальческая морщинка. – Я все испортил. Я тебе больше не нужен.

Зоя помедлила долю секунды, а затем улыбнулась и покачала головой.

– Нет, что ты, нет, – она прижала руку к щеке Айкена – такая холодная ладонь, что ему показалось, будто она в перчатке.

– Более лживых слов я еще никогда раньше от тебя не слышал.

Зоя уронила ладонь, словно Айкен ударил ее по руке.

– Мне нужно на воздух.

Теперь она бежала от разговора. Нет, в их отношениях все осталось по-прежнему... По крайней мере, все худшее еще было на месте.

Зоя бродила по Халлу, не имея четкой цели. Выкурила

две сигареты без особого удовольствия, зашла в торговый центр и прошла его насквозь, прогулялась мимо парка, некогда сыгравшего такую немаловажную роль в ее жизни... И все это – практически машинально. Снова в себя она пришла только когда рука ее на автомате коснулась гранитного холодного парапета. Как странно, подумала девушка, что я вышла на то место, на котором впервые дала волю своим чувствам к Айкену – дала по-настоящему. Они любовались закатом и бежали тогда под дождем...

Зоя остановилась на середине моста, глядя на реку, текущую внизу: медленно и тихо, как передвигаемая по столу гладкая шелковая лента. На мгновение ей показалось, что она снова в Румынии: болью кольнули сердце воспоминания о том времени. Она была одинока, но счастлива, вспомнила Зоя. Искала Карла, но была полностью «в себе», словно кроме их двоих не существовала никого на свете. И если уж пока они не вместе... Кто другой бы, наверное, страдал, а она была счастлива. Не так явно и мучительно она ощущала надобность в своем принце, как в Канаде.

Зоя покрутила в руках стаканчик с молочным коктейлем, который купила на улице десять минут назад. На трубочке остался вишневый след помады. Летом коктейль бы давно нагрелся, но сейчас, в ноябре, он был ровно той температуры, что и уличный воздух.

– Не слишком ли холодно для коктейлей?

Зоя не обернулась. Она и узнала этот голос, и, в то же вре-

мя, не могла вообразить себе лицо того, что обратился к ней – да и не хотела. В этом мире ее с каждым днем пугало все меньше и меньше вещей, но, не считая Кроноса, только мужчина с этим мрачным мурлыканьем заставлял волоски на ее затылке шевелиться.

– Кто Вы? Друг Клариссы?

В ответ донесся только тихий смешок – или это был плеск воды под мостом?

– Почему Вы преследуете меня?

– Ты мне нравишься. В Аннунне осталось не так много интересных вещей, – мужчина в капюшоне, а, судя по голосу, это был именно он. – Но ты...

Он втянул носом запах ее волос: стоял достаточно близко, чтобы Зое на секунду показалось, что он ее вот-вот обнимет, она даже невольно представила себе его прикосновение, жесткое, холодное... Он чем-нибудь уколет ее, если коснется, с непонятной уверенностью подумала девушка. Но мужчина не двигался.

– Ты намерена биться с Кроносом, не так ли?

– А у меня есть выбор? – Зоя не стала спрашивать, откуда незнакомец знает. Или подслушал сам, ведь он следит за ней, или Кларисса сказала.

– Выбор есть всегда. Другой вопрос, какие последствия... – мужчина помолчал несколько мгновений. – Знаешь, мне нравится твоя натура. Ты тяготеешь к беспощадной жестокости, но животной, то есть – инстинктивной, практически,

так сказать, вынужденной. Жестокость людей и сидов, убивающих из-за выдуманных причин, а не по необходимости, чужда тебе. И это прекрасно.

От таких слов может бросить в дрожь, подумала Зоя. Если б она не была так вымотана, должно быть, ее бы до самых пяток прошила молния страха.

– Вы следите за мной. Я знаю это, а Вы знаете, что я знаю. Ответьте только на один вопрос... Мне следует бояться Вас или надеяться на Вас?

Мужчина помедлил секунду, прежде чем выдохнуть в затылок Зое, прямо под собранные хвостом волосы:

– Лучше бойся.

Она обернулась, не выдержав наконец, но за ее плечом уже никого не было.

Глава девятнадцатая

Высь от знамен черна,
Кони храпят в тревоге,
Пешие, как стена
Против другой стены,
Лучшие – сражены
У. Б. Йейтс

Зоя лежала в ванной, полностью мокрая, за исключением одной руки – той, меж пальцев которой тлела сигарета. Пепел сыпался прямо в воду, но девушка не обращала на это внимания. Она думала.

Богиня... Как оказалось просто получить от Нее отклик! Спроси – и получишь ответ. Богиня добра ко всем в равной степени. Но почему только сейчас, отчего не раньше? Потому ли, что Зоя должна была все-таки выдержать испытание, все не просто так?.. Этот вопрос оставался без ответа. И, возможно, она рисковала не получить его никогда.

«Но важно ли это?»

Никогда раньше Зоя не чувствовала себя такой сильной, такой бесстрашной. Она тренировалась с удовольствием, самозабвенно, не чувствуя боли на месте ран – подживших и еще не слишком... Да и выздоровление ее шло просто ма-

гическими темпами: Хэвен подлатал ее, как мог, и уже через два дня на месте влажно поблескивающего расходящегося между нитками шва образовался гладкий шрам, выглядящий... старым. Зоя вынула из воды колено, чтобы снова полюбоваться на белый толстый рубец, усмехнулась, а потом, бросив окурок в воду, встала. Она и так долго просидела в ванне, даже подушечки пальцев сморщились. Девушка кое-как вытерлась полотенцем и накинула на плечи халат: и ровно в тот момент, когда нагота скрылась под алым шелком, дверь за ее спиной распахнулась, и в облако пара вошел Карл. Зоя не стала поворачиваться к нему, только усмехнулась: она все равно безошибочно распознавала силуэт принца в мутном отражении запотевшего зеркала.

– Кажется, ты за столько лет в мире людей не научился стучаться?

Вместо ответа Карл набросил на шею девушке кольцо. Зоя вздрогнула: холодное серебро было неприятно разгоряченной коже.

– Это взятка? За то, что я обещала отвоевать твой трон?

– Это благодарность.

Зоя повернулась, и Карл поборол желание протереть глаза или провести ладонью по лицу девушки: в свете ванной комнаты блики, отбрасываемые рубинами на ее шее, на секунду показались ему каплями крови, усеявшими лицо и грудь куклы.

Зоя оттолкнула принца плечом и прошла в гостиную.

Карл на несколько секунд еще стоял в ванной, вдыхая пар, смешанный со странным запахом своей Виды: фруктовый аромат, нарочито неестественный, смешанный с очень живым, почти животным, ярко-женским, «самкиным» мускусом. Если ни за что другое, то за этот обонятельный удар Зою можно было – теперь – хоть не полюбить, но возжелать на всю жизнь.

Когда принц все-таки последовал за своей Видой, то застал оживленный разговор уже в разгаре: Зоя стояла к нему спиной, от мокрых волос намок неровным теругольником халат на спине, тонкая струйка вдоль позвоночника затемнила шелк до самого пояса; Хэвен энергично рубил рукой по воздуху, не соглашаясь, и только сидящий в углу дивана Айкен сложил руки на груди, глядя немного исподлобья, словно не уверенный, что понимает, о чем речь, и вправе ли негодовать по поводу принимаемых решений.

– Мы не можем просто взять и пойти войной...

– Можем, – слово растянуло рот Зои в оскал, продемонстрировавший оба клыка. – мы и так довольно долго сидели в норе, как трусливые крысы. Габриэль давно растоптал бы нас, если б мог, так мы всегда жалко себя вели! Но мы живы, а значит, он слаб.

Хэвен едва заметно переменялся в лице, но не стал возражать. Симонетта была невинной жертвой, попавшей меж жерновов войны сидов, но она была просто маленькой смертной девочкой. Никто из присутствующих не был так же без-

защитен, как она. Особенно Вида.

– Я жду твоего ответа, – напряженно сказала Зоя. – Я настроена решительно, но если ты против, я послушаюсь твоего совета. Ты – мой учитель...

– А ты – моя будущая госпожа.

На секунду в комнате воцарилась тишина, только ветер хлопнул на кухне створкой окна. Хэвен встал с дивана и опустился на одно колено перед девушкой.

– Я против, но не могу тебя послушаться, моя королева.

– Я еще не королева, – Зоя сжала губы в горькую линию. – Сперва для этого нам надо одержать победу. И встань, пожалуйста, мне неловко.

Хэвен развел руками, поднялся и улыбнулся.

– Значит, все решено. Веди нас, Вида, единственная и истинная власть.

И тут встрепенулся Айкен.

– Что это все значит? – он медленно расплел сложенные на груди руки, как-то беспомощно подался вперед, словно маленький мальчик. – Королева? Ты же сказала, что у тебя есть причины не становиться ею...

– Нет, я сказала только, что они были. И даже не назвала их.

Хэвен как можно незаметнее переместился к двери, взял за локоть стоявшего там Карла и ненавязчиво потянул в коридор.

– Пойдемте, Ваше Высочество. Разборки любовников...

– Нет, – шепотом откликнулся принц. – Я хочу послушать.

Зоя и Айкен замерли друг напротив друга, как на картине.

Ее выставленное из прорези халата колено блистало жемчужинами непросохшей влаги вдоль вьющегося шелковой лентой шрама. Карл с трудом вдохнул, протолкнул воздух в легкие: Зоя стала жрицей Богини, он понял это, как понял бы любой из сидов, только увидя ее. Больше не зависима от его или чьей-либо еще воли, Вида обрела независимость и целостность. Пусть изначально иной природы, теперь она стала полноправным существом Волшебной страны. Какие бы заклятия не были в прошлом на нее наложены, теперь они спали с нее – так приказала Богиня. Власть короля перед ней – ничто. И любой житель холмов отныне с первого взгляда мог понять, что из себя представляет Зоя. Ее магия резала глаза, как ветер, забивалась в глотку, почти мучительно душила: во всяком случае, когда она злилась.

А в тот миг она была просто в ярости.

– Значит, теперь ты решила занять трон.

– Не занять, Айкен, но привести на него того, кому я обязана жизнью.

– Жизнью, которую ты проклинала?

Зоя грохнула руками о стол, нагнувшись вперед – дерево закричало от силы удара, и Айкен отпрянул, рефлекторно сел назад на диван, отклонился еще дальше, вдавив затылок в мягкую спинку, словно от Зои шел запах не фруктов, табака и шампуня... Впрочем, да: от нее буквально несло силой.

– Почему мне стало так тяжело рядом с тобой?

– Твоя магия. Она пропала. Перешла ко мне, – морщина между бровей Зои немного разгладилась, когда она задумалась о причине изменившихся отношений с возлюбленным. – Когда ты попытался взять надо мной власть, то будто бы подал знак, что хочешь стать королем. Но я передаю через себя власть только сидам.

– Ты так решила?

– Таков мой долг. Может быть, правильнее было бы сказать: моя природа.

– Ты не нравишься мне такой.

Девушка опешила.

– Какой?

– Ну, такой, как сейчас. Когда ты ведешь себя так, словно тебе никто не нужен, а действуешь ты по независимым от тебя причинам.

Зоя тихо зарычала: гнев заклокотал в горле, ища выхода, и, не зная, как еще сбросить напряжение, девушка перевернула стол, чуть не отдавив им молодому человеку ноги, и встала, упершись руками в стену. Айкен вскочил, попятился к окну. Он не боялся, что Зоя ударит его, но подозревал, что стоило бы. Он любил ее и ничего уже с тем не мог поделать, но впервые так ясно понял, что Зоя очень сильно от него отличается. На ее лице была видна животная, хищническая ярость – зверь за миг до прыжка. Окажись рядом с ней сейчас Габриэль, она бы не стала медлить, как в прошлый раз,

разорвала бы его голыми руками. Как бы там ни казалось, но на самом деле Зоя не сильно отличалась от Паломы.

– Прости меня, небо, но как же я устала, Айкен! Казалось бы, ты последний, кто должен бы воспринимать меня как куклу, и все же ты продолжаешь мне указывать, какой быть, чтобы понравиться тебе. Видит Богиня, от нашей связи и так одни беды. Я многократно просила тебя: уйди, чтобы спасти свою жизнь.

– А я всегда отвечал: я не уйду. Без тебя для меня просто нет жизни.

Зоя повернулась через плечо (шелк халата потек вниз, голая кожа выставилась на Айкена, как орудие: кремовую розовость прорезали тусклые, но неумолимо заметные черные полосы).

– Интересно, своей невесте, от которой тебе остались одни воспоминания, а мне – одно платье, ты говорил то же самое?

Кровь отлила от лица Айкена. Еще никогда он так не бледнел: что щеки почти сравнялись цветом с рубашкой. Он хотел бы ответить, но, пораженный столь чудовищной грубостью, только беспомощно смотрел на женщину, которую еще недавно считал самой нежной в мире, и старался сдерживать дрожь в губах и плечах.

– А теперь иди. Иди, как делаешь всегда, когда разговор выбивает тебя из зоны комфорта, – насмешливо вскинула подбородок кукла. – Тебе нужно подышать свежим воздухом или никотиновым дымом.

Айкен ринулся мимо нее, мимо Хэвена и принца, как испуганный фарами ночью олень. Зоя повернулась к дотолем бессловесным зрителям.

– Как вам спектакль, господа? Я не разочаровала благодарную публику?

– Очень уж ты разошлась, – покачал головой Хэвен. – Но если ты играла ради того, чтобы оградить малыша от Кроноса, я могу тебя понять.

И он ушел на кухню.

Зоя скривила губы.

– Я не играла.

Карл приблизился к ней, протянул пачку сигарет. Обычно они не курили в гостиной, но Зоя теперь чувствовала необходимость успокоить нервы. Она, конечно, преследовала цель сохранить Айкену жизнь – но порвать с ним решила совсем не поэтому. Ее тело, настроенное на определенный лад, восприняло его недавнюю грубую силу как претензию на трон, и теперь каждая клеточка ее искусственного тела вопила: не подпускай! А сердце... Что сердце? Зоя подавляла желание постучать себя по груди: камень, не лги мне.

– Бедняжка, – кажется, в глубине души Карл был доволен, хоть и старался не показать этого. – Мне его даже жаль.

Зоя глубоко затянулась, удивляясь, сколько ж в нее помещается дыма...

– Люди ждут, что слова «я тебя люблю» перевернут всю их жизнь. Что что-то изменится, если они это скажут или услы-

шат. Потом расстраиваются, обвиняют... Знаешь, это смешно звучит: «Ты сказал, что любишь меня, а моя жизнь не встала с ног на голову.»

– Мне кажется, что ты считаешь, что это не только звучит глупо, но и вовсе...

– Да, – Зоя повернулась, оборвав собеседника на полуслове. – Но нельзя винить людей, ведь они так мало живут.

Конечно, они могли бы подождать до Йоля, но Зоя вся тряслась от предвкушения. Еще никогда раньше она не ощущала себя такой сильной, такой вдохновленной. Она действительно изменилась. И очень резко – просто бум! Готово. Айкен порой смотрел, как Зоя отжимается: тени очертили сильные напряженные мышцы плеч. Она еще никогда не отдавалась тренировкам с таким воодушевлением, думал он, и глаза никогда не светились такой решимостью. Он и сам заразился ее настроением, он ждал битвы, то и дело вспоминая сладкие ночи охоты на броллаханов. Молодой эксплицитный жаждал действия, буквально физически ощущая, что мышцы гудят, не получая достаточно работы, а организм тоскует по адреналину, кипящему кровью. Встречи с Кроносом Зоя ожидала как праздника, как рождественского утра – и именно в рождественскую ночь маленький отряд наконец собрался выступить в поход. Айкен не стал вопрошать, отчего была выбрана именно эта дата: несмотря на ощущаемое им внутреннее единение с Зоей, внешне они все больше

отдалялись друг от друга. Бывали дни, за которые они не говорили друг другу ни слова. Айкен спал в гостиной на диване, больше никакого секса между ними не было, и даже – ни единого поцелуя за все время. Но все же, порой Зоя нежно касалась тыльной стороной ладони скул, шеи молодого человека, и он понимал, что все еще невообразимо важен для нее. Или... воображал, что она пытается сказать ему именно это своими прикосновениями.

Впрочем, в тот момент, когда их квартет шагал по ночным улицам, подгоняемый холодным ветром в спины, вряд ли уже имело значение, кто с кем спит и целуется, такие вещи обесцениваются перед решающим боем. А в том, что бой с Кроносом станет решающим, Айкен не сомневался. Пистолет успокаивающе оттягивал его карман. Зоя тоже подозревала, что подступает некий переломный момент – и за секунду до того, как ее рука разжалась, а карточка с руной спланировала на сухую землю пустыря, она подумала, что, возможно, стоило поцеловать Айкена или хотя бы просто сказать, что она его любит.

Потом из всех минут, что она упустила, Зоя больше всего жалела об этой.

- Это не похоже ни на одно из мест, где мы раньше были, – озадаченно протянул Айкен. Карл фыркнул у него за спиной.
- Аннуви большой. Больше, чем ваш человеческий мир.
- Ну, это как сказать... Если брать в расчет всю вселен-

ную... – включился в разговор Хэвен. – Я занимался этим вопросом все то время, что был в изгнании в Халле. Я-то память не терял. В общем, насколько можно судить, Аннуви – такой же мир, как и тот, в котором существуют люди, только параллельный.

– Вот как, – Айкен озадаченно взъерошил волосы на затылке. – Так, может быть, в таком случае, вы правы, что веруете в Богиню, а не Бога? Ваш-то мир, возможно, именно Она и создала.

– Я даже не сомневаюсь, – ухмыльнулся дини ши.

– Хватит болтать, – шикнул на них Карл. Он пытался казаться крутым и бесстрашным, однако не мог сдержать дрожи и не решался обогнать Зою, хоть лучше нее знал, куда идти.

Сразу после того, как руны сработали, квартет переместился на огромное каменное плато, под палящее темно-оранжевое солнце. Все вокруг было серым, все – насколько хватало взгляда, даже пыльный воздух. В центре плато, как чаша, полагалась огромная выемка со ступенчатыми стенами, вызывавшая сразу ассоциации с местом жертвоприношений. И не без причин.

Зоя приказала спускаться и «сделать то, что нужно», а сама тем временем запрыгала на одной ноге, снимая зимний сапог: температура на плато превышала двадцать градусов. Мужчины ограничились тем, что сбросили пальто в кучу и затем спустились по лестнице вниз. Яма заканчивалась тем-

ным каменным мешком, сырым и прохладным (хотя, конечно, несравнимым с канадским декабрем). В середине высился, как нарыв, болезненный нарост, серо-бурый шероховатый камень. Карл подошел к нему, провел ладонью по холодной поверхности, глубоко вздохнул... И достал нож.

«То, что нужно» оказалось каплей крови. Карл был единственным, кто понял суть приказа, и, в общем-то, он был единственным, кто подходил для выполнения ритуала призыва. Только королевская кровь могла вызвать Кроноса в то время, когда он сам этого не хотел. Принц охнул, взрезав палец, и потряс рукой над камнем. Алые брызги окропили жертвенник. Карл мгновенно сжал кулак и прижал его к груди, словно не был уверен, что не жалеет о том, что только что сделал, какими бы у него с соратниками ни были мотивы.

Несколько секунд ничего не происходило. Но ровно в тот миг, когда все подумали: не сработало! Воздух над камнем сгустился и задрожал, как над костром, начал уплотняться, тянуться ввысь – так далеко, что приходилось запрокидывать голову. На миг стало тяжело дышать, словно в пустыне, кашель зачекотал горло... И в мгновение ока все странные ощущения пропали. Только остался странный резкий запах, да над камнем завис огромный торс с руками толщиной в вековые дубы. Айкен с трудом различал лицо Кроноса, на миг ему показалось, что оба глаза древнего духа закрыты, а на лбу сияет небольшое лучистое солнце. Но как там было на самом деле, он с такого расстояния уверенно рассмотреть не

мог. Огромная фигура была явно не во плоти в своем святилище – просто проекция. Возможно, Кронос считал ниже своего достоинства являться телесно, а быть может, его настоящее воплощение не сильно отличалось от того, что квартал на данный момент видел.

– Кто и по какому праву вызвал меня в неурочный час? – прогрохотал Кронос. Голос его действительно напоминал гром: так же оглушающе, так же грохочуще. Слова угадывались с трудом.

– Я.

Зоя выступила из-за спин напарников и вскинула голову. Она боялась, что ее не заметят, но Кронос мгновенно выделил ее из группы остальных. Очевидно, почему – он был ее истинным создателем, а не Карл, просто слепивший оболочку. Кронос чувствовал, что внутри Зои горят те камни, что он создал, если конечно, они вовсе не являлись частичкой его тела.

– Кронос, Кронос... Или мне стоит называть тебя Пет-бе? – Зоя тряхнула челкой. – Или сам Дьявол?

– Ни одно из этих имен не является моим настоящим. Вы, люди и сиды, выдумываете мне имена, потому что так можно наделить меня теми свойствами, которыми я не обладаю. Так зачем вы потревожили меня, если еще не пришел мой день собирать кровавую жатву по вам?

– Говорят, принц Габриэль хочет заручиться твоей поддержкой в грядущем бою, – Зоя развела руками. – Нам это

не нравится. Мы хотели бы договориться...

– С Кроносом не договариваются, – шикнул из-за спины девушки Карл, но Зоя знала, что делает.

– Принцы сидов уже однажды обращались ко мне, жертвовали душами, чтобы взамен получить от меня волшебные камни, над которыми трудились мы вместе с моей небесной женой, которую вы зовете Софией. Но с тех пор, как я выполнил их просьбу, жертвы стали все скуднее и скуднее.

– Именно. Габриэль опустошает Дворы.

– Мне нет до этого дела, – отмахнулся Кронос. – Я не участвую в вашей муравьиной возне. Одно только могу сказать: в тебе я вижу эти камни. И тебе не причиню никакого вреда.

Зоя вздохнула.

– Хотя бы ответь мне, Кронос, что я такое? Я не сида, не человек...

– Ты – то, что ты есть. Или то, чем хочешь быть. Я создал камни, но твою оболочку сделали сиды. Мне нет дела, согласна ты с тем видом, в котором тебя насильно извояли, или нет. Твое решение – кем быть, с кем быть – зависит только от тебя.

Зоя не говорила ничего, не двигалась, но по ее позе, по тому, что она стояла на шаг ближе к Карлу, чем Айкену, можно было догадаться, что она уже сделала свой выбор.

– А теперь я вернусь в свой сон, который вы прервали, и вновь явлюсь только в день жатвы, – пророкотал Кронос. –

только возьму то, что мне причитается, и исчезну.

Это могло быть похоже на прощание, но, скорее, являлось мыслями вслух. Если Кронос не был слеп, то, определенно, он действительно закрыл глаза, явившись в свое святилище. Даже собственное создание его почти не интересовало, а весь мир был только пастбищем со скотом – не более. По фигуре духа побежали змейки ослепительного огня, словно солнечные протуберанцы, так что Зоя зажмурилась и закрыла лицо.

Позади себя она услышала тихий стон и звук упавшего тела. Девушка обернулась, испуганная, и застыла, как громом пораженная. Сбывались самые страшные ее сны.

– Нет, Айкен, нет!

Она бросилась к Куперу, села на корточки, схватила за шею, ища пульс, но было уже поздно. Жизнь вытекла из него в секунду.

– Кронос взял дань за то, что мы его потревожили, – произнес над ухом девушки Карл, но она не слышала его.

Еще секунда, и Зоя разразилась бы истерикой, но она успела только дважды всхлипнуть: сильные руки оторвали ее от стремительно (аномально быстро!) холодеющего Айкена и поставили на ноги. И Зоя вмиг затихла: не успокоенная, нет, напряженная. Она повернула голову, и ее взгляд встретился с бледно-голубыми, почти прозрачными глазами мужчины, затемненными тенью от капюшона.

Тот, кто посоветовал ей бояться его. Зоя с трудом про-

толкнула в пересохшее горло слюну.

– Цена победы, королева.

И он разжал руки, отступил, практически скользя, паря над полом – так казалось из-за плаща. Зоя смотрела на странного человека, так долго ее преследовавшего, но только сморгнула, как он исчез из виду. Все перестало для нее существовать: даже опасность от Кроноса, даже горе от потери Айкена. Только спустя несколько минут она очнулась и поняла, что миг, в который она могла бы сойти с ума от горя, миновал. Никаких слез не было, да и не могло уже быть, но Зоя почувствовала, как в горле стало горько. Она обернулась на Кроноса: его облик темнел, как туча перед грозой, в самом буквальном смысле. Но то явно были не проявления злости, напротив, таким образом он стирал свое проявление в этом мире, уходя в тот, который являлся его домом задолго до того, как на Земле начали жить люди и сиды, то единственное измерение, способное выдержать его настоящий облик и сущность. Он получил, что хотел, и теперь мог снова заснуть на века.

– Значит, жизнь человека для тебя слаще, чем жизнь сиды? – спросила она. Но Кронос не ответил – возможно, он просто больше ее не слышал. Он полыхнул нестерпимо ярким светом, так что все ослепли на несколько секунд, хоть и успели зажмуриться. Зое же вовсе показалось, что эта вспышка стерла из ее жизни и памяти несколько часов: она не помнила, как вернулась домой, как оказалась в своей спальне, ко-

торую они еще недавно делили на двоих с Айкеном...

«И будем делить в эту ночь.» – подумала девушка приближаясь к лежащему на столе... мертвому телу. Даже мысленно ей с трудом далось это слово. Оно не должно было ввязаться с ее Айкеном! Никогда! Или, по крайней мере, не так скоро... Но некоторые вещи слишком неумолимы.

Зоя подняла безвольную холодную руку возлюбленного, прижалась губами к ладони, к костяшкам пальцев, смочив их выступившими – наконец! – слезами. Сколько же времени прошло, если трупное окоченение уже спало, подумала она, сколько часов она простояла в комнате в полной прощрации?

Зоя оттерла с лица Айкена кровь – ее и так было немного, не больше десятка мелких капелек. Она сосчитала каждую, иначе бы просто сошла с ума от вида этой бледной кожи и внезапно заострившихся черт и без того слишком четкого, антично-рельефного лица. Потом Зоя принялась завязывать покойнику галстук. Пальцы не слушались, скользили по черной ткани, будто были в еще большем забвении, чем их хозяйка.

– Ты что-то поешь? – изумленно окликнул девушку Карл, зайдя в комнату. Зоя с удивлением поняла, что ее губы действительно шевелились, выводя неизвестную ей самой мелодию. Девушка подняла голову, посмотрела прямо в глаза своему повелителю. На периферии ее зрения все еще оставался факсимильный отпечаток лица Айкена. Он теперь там

навечно, подумала она, клянусь Дворами, навечно.

– Я пою колыбельную, – она отвечала так, как чувствовала, что должна. – Последнюю колыбельную для воина.

– Павшего в бою, – докончил за нее Карл. И вышел, аккуратно притворив за собой дверь. Если сейчас они выполнили какой-то ритуал, то, в отличие от изгнанного принца, Зоя этого не поняла.

Карл вернулся, когда устал слушать плач Зои. Девушка сидела на стуле рядом с трупом Айкена, подтянув колени к груди. Она сама, судя по всему, не понимала, что это она – а не кто-то в соседней комнате – так безутешно рыдает.

– Зоя, – позвал Карл. Она не ответила. Замолкла, давя в груди рыдания, все равно прорывавшиеся тихими всхлипами. – Я могу чем-то помочь?

– Нет.

– Но, может быть...

– Нет! – девушка вскинула голову, утерла слезы из-под одного глаза. – кому ты собрался помогать? Айкену? Он мертв. Ему уже не поможет ничего! Или мне? Так я в порядке. Я же жива!

Она расхохоталась, хрипло и нервно, и последний смешок перешел в вой. Карл смотрел, как Зоя стискивает побелевшими пальцами плечи, трясется и раскачивается. Он подумал, что из-за него она бы, возможно, так переживать и не стала.

– Ты сможешь жить дальше?

Зоя замерла. Спустила ноги со стула, разжала занемевшие пальцы.

– Разумеется. Это всего лишь вопрос времени, – Карл не понял, с издевкой она говорит или нет. Девушка движением головы отбросила челку с глаз и волосы с плеча. – Рано или поздно я это забуду. Так что... не стоит беспокоиться.

Она посмотрела на Карла долгим ожидающим взглядом, надеясь, что он снова уйдет, как бы сделал на его месте Айкен. Но Карл не двинулся с места. Тогда Зоя встала сама и вышла в гостиную, а через нее – на балкон. Сунула в рот сигарету, но так и не прикурила. Не хотелось.

Глава двадцатая

Хорошо бы жить так долго и долго, любить и любить тебя,
Чтобы ты был бессмертен и ни в коем случае не опередил
меня,

Не убежал – так я называю смерть.

Она такая нестрашная, но пусть она не приближается к тебе...

Юля Бужилова, Рената Литвинова – «Ты мне пишешь»

Карл нашел её с утра в той же комнате, где и оставил, – вместе с Айкеном. Зоя лежала рядом с ним, обвив холодную шею руками и склонив голову на бездыханную грудь. Она сама в первый миг показалась принцу мёртвой: он коснулся руки Зои, безжизненной и твёрдой, и не ощутил пульса. Девушка не дышала, сердце больше не билось, будто ему было не для кого делать это. Но мертва она не была.

Карл тронул её за плечо, и Зоя подняла голову. Спутавшиеся со сна волосы скользнули по лбу, щекам, тяжело опустились на плечи, пушась на концах. Глаза девушки были лишены выражения, в то же время обладая необыкновенной ясностью. В этот момент Зоя показалась Карлу удивительно, невыразимо красивой: он привык думать, что она дурна собой, а за ночь будто позабыл до основания ее внешность;

теперь же, с утра, готовый увидеть перед собой уродину, он оказался сражён. Конечно, Зоя не похорошела, даже напротив, и все так же не могла сравниться с Медб, но ни Королева Благих, ни прошлый облик куклы не шли на ум Карлу. Он стоял, оцепенев, и смотрел на девушку. Не мог наглядеться, не мог отвернуться.

– Я нашёл... – принц протянул Зое фото в рамке. Румыния – ну конечно, Румыния! Но не восьмидесятые, судя по одежде, скорее всего, поствоенное время. Карл и его верная Вида – улыбающиеся, счастливые, влюблённые. Какой-то недолгий момент счастья, который им удалось запечатлеть в вечности.

– Ты помнишь?

– Разумеется, нет.

Она и не хотела помнить. На фото она видела только чужих людей, словно не имеющих ни малейшего отношения ни к ней, ни к принцу. Зоя молча смотрела на Карла, не зная, как выразить (да и надо ли?), что чувствует: всё уходит в прошлое. Всё делится на «было» и «есть». И он, принц, – в её «было», а здесь, сейчас, неуместен. Если б не долг, она бы отпихнула его, выбежала на улицу и как-то училась жить без Айкена, но сама, на свободе, без обязательств.

Ничего, мысленно успокоила себя кукла, я рано или поздно смогу и это.

– Зачем ты вообще разбудил меня? – Зоя облизала запёкшиеся губы. – Чтобы показать какое-то фото? Сейчас не вре-

мя. Мне... немедленно нужен Хэвен.

Она спрыгнула на пол и вышла в гостиную. Карл согнулся от резкой, словно после удара в живот, боли. Зоя умела бросить фразу, оставляющую после себя рану, из тех, что заживают рубцами. Карл ждал, что кукла будет искать утешения у него – раз уж он смирился с тем, что она так переживает смерть какого-то человечешки, но её безразличие... ранило сильнее ножа.

– Хэвен...

Зоя подошла к мужчине со спины, встала у кресла, в котором он сидел, сцепила нервно руки в замок. Дини ши поднял голову, оторвавшись от блокнота, в котором что-то писал (Зоя не видела, что именно) и повернулся к ученице. На его лице читалась не скорбь – неодобрение. Несколько секунд оба провели в молчании и неподвижности. Зоя вздохнула, но так и не набралась мужества начать разговор.

– Ты пришла, чтобы я сказал тебе, будто всё в порядке?

– Нет, разумеется, нет, – Зоя затрясла головой, борясь с подступившими к горлу рыданиями. – Что может быть нормально, если погиб человек?

Скрипнула кожа кресла: Хэвен повернулся к ученице всем корпусом.

– Ты права только в одном: человек умер. Но ты ещё жива. И у тебя ещё есть дела. Ты заварила крутую кашу, но даже если б её не было, ты не имеешь права опускать руки и пре-

даваться тоске, только не сейчас.

– Я знаю, но... – Зоя подняла раскрасневшееся лицо на учителя. – В этом же есть и моя вина?

– Не буду врать, отчасти есть. Отчасти же нет. Ты не могла знать, что предпримет Сатурн, когда мы встретим его.

– Но я знала, что в Сияющей стране в принципе опасно для Айкена.

Хэвен встал, ухмыльнулся невесело, качнув головой.

– Что ж, и когда это тебя останавливало? Я не буду врать тебе, Зоя, и жалеть твоё самолюбие – да, ты виновата в его смерти. А как ты думала? Что после того, как Богиня откликнулась на твой зов, ты не получишь от Судьбы по морде?

Зоя задрожала. Она еще никогда не видела Хэвена таким... Или просто забыла, каким он был в Сияющей стране. Казалось, ещё секунда – и дини ши схватит её за горло, припрёт к стене или ударит – не так, как на тренировках, с искренней злостью. Чёрт побери, он же тоже привязался к Айкену! Девушка поражённо распахнула глаза и поняла, что ресницы в уголках слиплись от выступивших, но не пролившихся слёз.

– Если это так, если я навлекла это всё на него, на нас, то как мне жить дальше?

Хэвен пожал плечами: легко, безопасно.

– С чувством вины. Поверь мне, это несладко, но не смертельно. – И тут же предупредительно добавил, вскинув указующий палец прямо напротив лица ученицы. – И даже не

вздумай сказать что-нибудь о Симонетте. Никого из них уже не вернуть. Но у нас с тобой есть долг, есть цель и нужда выжить. Соберись и приди в себя.

Карл обернулся, почувствовав на себе чей-то взгляд. Впрочем, он знал, кто за ним наблюдает. Зоя. Больше никому.

Принц встал, отложил книгу и подошёл к девушке. Она не шелохнулась, только проследила за мужчиной зрачками, пока он приближался. Карл её не боялся – о, разумеется, нет! – ведь он знал её, как свои пять пальцев. Она ничего не могла ему сделать...

Он остановился, будто натолкнулся на стену, – нет, даже не так, он дёрнулся, наколотый на её взгляд. Карл мог быть уверен – после смерти Айкена рубин в груди Зои почернел.

Она ненавидела его так же самозабвенно, как любила Айкена. И готова была положить всё, что осталось у нее важного в мире, чтобы он – вместе с братом – страдал. И если бы он только тронул её...

Карл протянул ладонь, а Зоя так и осталась стоять со сложенными на груди руками. Даже ресницы её не дрогнули. Карл отступил на несколько шагов назад, опёрся рукой о спинку кресла. Он никогда никого не боялся и всю свою жизнь, даже ту, что наступила после изгнания из Дворов, провёл в опасных приключениях, но теперь... О нет, его не волновало, ударит его Зоя или нет. Он даже был уверен, что

как раз этого она делать не будет.

Но изведёт одним лишь своим желанием причинить ему вред. Даже не касаясь его, даже не видя.

– Нам есть, о чём поговорить.

Принц потянулся обнять её, надеясь, что ласка успокоит девушку и расположит её к нему, как прежде, но Зоя сморщилась, отпрянула в отвращении.

– Даже не смей меня касаться сейчас... Когда Айкен ещё не похоронен – какой стыд! Очнись!

Карл смущённо сглотнул.

– Вы с братом, конечно, могли бы сделать меня безотказной, наверное? Но захотели, чтобы я обладала свободной волей – потому что там, в Аннувне, я и так никуда бы не делась, благодарная вам, легла бы и под того, и под другого, но не теперь... Меня воротит от твоих касаний.

Карл вспыхнул, кровь забурилась в ушах.

– Да ты!... Ты ещё недавно тряслась в моих руках, забывая дышать от желания!

– Вот уж нет, – оскалилась Зоя. – Ты, наверное, забыл, что мне в принципе не нужно дышать.

Принц устало потёр взмокший лоб. Он не чувствовал ещё сил бороться с противостоянием своей Виды. Став смертной, теперь она была слишком неуправляемой. О да, как она сама любила повторять – живой. Слишком.

– Мне тяжело видеть такую нелюбовь в твоих глазах.

– Что ж, удивлена, что ты шокирован. Ты уничтожил всех,

кого я люблю, – развела руками Зоя.

– Неправда. Айкена Купера я не трогал.

– Ты подставил его. Мог бы сказать нам, чем ему грозит встреча с Кроносом, но не сделал этого!

Карл ухмыльнулся.

– Может, так оно и было. Но разве тебе не нравится жестокость?

– Не такая, – Зоя отвернулась, не желая демонстрировать заалевшие щёки. Сердце перестало биться, но кровь по её венам ещё бежала по старой памяти, подгоняемая магией. Можно было вообразить, что она не превращается снова в пустой кусок фарфора – или из чего там было слеплено её несчастное тело?

Сквозь тюлевые занавески пробивалось солнце: словно всё было как в минувшем мае, всё было хорошо, и Купер готовил на кухне котлеты...

– Знаешь, какая разница между тобой и Айкеном?

Разозлённый Карл ухмыльнулся.

– Кроме того, что мы принадлежим к разным биологическим видам? Давай поиграем в угадайку, если ты так хочешь. Хм... Так – я жив, а он уже нет.

Зоя медленно повернулась.

– Напротив. Он живёт в моем сердце. А вот ты для меня умер, – она потерла лоб. – Хотя я не уверена, что для тебя это действительно что-то значит.

Они бы могли так ругаться до самого заката, она – чтобы

позабыть в гневе печаль, он – чтобы вызвать в ней хоть такие чувства, если для любых других он стал слишком грешен. Но на звук перебранки из гостиной вышел Хэвен. Увидев учителя, и принц, и девушка одновременно замолкли, хоть оба и набрали воздуха для следующих колких реплик.

– Мы должны скорее похоронить Айкена, – сказал Хэвен. Зоя повернула к нему бледное лицо со следами недавних обильных слез.

– Мы предадим его огню.

Карл и Хэвен смотрели на нее, не понимая, что она задумала, да и зачем?..

– Он не был христианином, но был воином.

– Это разумное решение. Если желаете, я сложу плот и пушу его по реке. Мы сможем попрощаться с ним, как полагается, если наложим чары незаметности – это я тоже устрою, сам знаю, какие для этого нужны руны.

– Делай, как считаешь нужным, я не хочу ничего об этом знать, правда, – Зоя ссутулилась. – Ни в одной из жизней он не был христианином, так что не знаю, какой погребальный обряд он бы предпочёл. Я просто не хочу знать, что его тело едят черви.

Хэвен поклонился и вышел. Ещё нет, но скоро, очень скоро, стоящие перед ним люди перестанут быть его друзьями и станут его сеньорами – король и его королева-власть. Хэвен же просто заранее готовил себя к будущему, наступление которого безошибочно предвидел.

Ночью они сделали из веток плот, погрузили на него тело Айкена и спустили его на воду. Зоя сама подожгла плот. Она долго стояла на берегу, даже после того, как огромный огненный цветок поглотила вода, а на востоке начал заниматься рассвет. Хэвен и Карл отошли от неё на приличное состояние, но остались у моста, дожидаясь, когда девушка поднимется к ним.

Она не спешила.

Только когда её слезы высохли, Зоя оторвала взгляд от того места, где вода скрыла тело её возлюбленного. Девушка сняла с пояса маску мстителя и надела её. Лишь после этого она повернулась и начала подниматься к Хэвену и Карлу.

На следующий день – естественно – явилась Кларисса. Зоя знала, что сида придёт, но подозревала, что Кларисса будет так же весела и развязна, как и всегда, однако... Нет. Сида даже выглядела менее эффектно, нежели обычно: скромное чёрное платье, стянутые в пучок волосы, лицо не подкрашено ни косметикой, ни магией, никаких украшений. И она не стала здороваться первой, просто подседа молча к Зое и взяла её за руку. В тот момент Зоя даже подумала, что, быть может, весь последний год совершенно зря подозревала сиду в чем-то, возможно, она всегда желала им только добра... Просто смотрела очень далеко вперед, оттого и не были её действия понятны... И тут же мысленно Зоя оборвала себя:

не торопись с выводами. И посетившее её буквально на секунду желание склонить голову на плечо сиде прошло.

– Я соболезную твоей утрате. Айкен много значил и для меня тоже.

Зоя только кивнула, не находя в себе ни сил, ни, по-настоящему, желания грубить.

– Наверное, стоит сообщить невесте Айкена о том, что он... ну... – наконец пролепетала девушка, не найдя ничего лучше.

Кларисса дёрнула плечом:

– Если б я знала, где она сейчас...

Зоя покивала.

– Ясно.

– Слушай, – Кларисса погладила предплечье девушки. – Я вижу, что ты переживаешь. Но это не должен быть якорь, который потащит тебя в прошлое и вниз. Ты должна двигаться вперёд. Если раньше единственной твоей задачей было спастись от Габриэля, то теперь вы с Карлом выступаете против него.

– Я знаю. Сколько у нас времени на подготовку? Я должна войти в форму.

– Пожалуй... До Белтейна. Так ты не раскиснешь?

– Я понимаю. Течение судьбы нельзя переменить, – кукла на секунду запнулась, облизывая сухие губы. – Такова жизнь.

– Жизнь! Как тебе нравится это слово, просто поразительно! – в комнату вошёл Карл. – Меня от этого тошнит.

Зоя подняла на него взгляд: только усталость, больше ничего иного не было в её глазах.

– Какая тебе разница, о чём я мечтаю, если я снова – твоя преданнейшая служанка? Смерть Айкена ничего не меняет, я поклялась, что верну тебе трон, и я выполню свое обещание. Ничто не помешает мне.

Принц тяжело вздохнул, покачал головой, глядя в пол. Вот какая альтернатива её обвинениям и гневу – безразличие! Слова о долге!

– Знаешь, на самом деле, я не уверен, что рад, что ты меня простила.

Зоя повернула к Карлу голову, сложив руки на груди.

– А ты бы хотел ненависти?

– В ней проще сохранить любовь, – пожал плечами принц. – А в твоём прощении я чувствую только презрение.

Зоя покачала головой.

– Не выдавай свои воображаемые чувства за мои.

– Ты когда-нибудь была со мной счастлива? – спросил Карл с надеждой.

– Нет, никогда. Но это не имеет значения.

А с Айкеном, видимо, была, подумал принц. А он... Он дважды подстроил так, чтобы этот человек умер. Тот, кто, быть может, на самом деле был единственной и идеальной любовью его куклы.

– Может быть, в следующей... жизни вы будете счастливы, – пробормотал Карл, невольно выделив слово «жизнь»

интонацией, словно пытался вытолкнуть горлом наружу слизняка.

Кларисса со свистом втянула носом воздух и выпалила, почему-то повернувшись к Зое:

– Да не будет, не будет ещё какой-то жизни, глупая ты ко-
рова!

– Уходи, пожалуйста, – прошептала Зоя, почти готовая самым позорным образом разрыдаться. И Кларисса, как всегда, тонко чувствуя нужный момент, действительно исчезла, оставив куклу и изгнанного принца наедине. Карл подсел к Зое, потянулся к её плечу, как недавно сида, но девушка отодвинулась от него на другой конец дивана, не дав дотронуться и ногтем.

– Не вымучивай из себя жалость. Я в состоянии справиться со своим горем сама.

– Но я... – принц смутился, покраснел. – Я совершенно искреннен, клянусь. Я люблю тебя! Давно люблю.

– Ты меняешь своё мнение чаще, чем рубашки, – Зоя покачала головой, зажмурившись, словно её замутило от отвращения. – То любишь, то недоволен тем, какая я стала. Только я знаю, что на самом деле происходит: да, ты частенько меня хочешь, мою силу, мой запах, мою красоту, насколько ко мне вообще применимо это слово, но о любви речи не идёт, ведь так?

Карл выдохнул резко и горячо, как бык на корриде.

– Неужели ты хочешь сказать, что жалкий смертный по-

казал тебе настоящую любовь, и теперь принц сидов для тебя недостаточно хорош?

– Не знаю, была ли то любовь или тоже – только желание. Но Айкен дал мне отношения без мести, без ревности, без желания использовать и... без страха. Вот чего тебе никогда не хватало: бесстрашия. Ты труслив, как двухнедельный щенок, едва услышав гром и еще не дождавшись дождя, ты забиваешься под лавку. Тебе повезло только в том, что ты менее грешен, чем брат. Мне жаль Аннуви, искренне жаль – сменить одного дерьмового короля на другого.

– О, ты же это не всерьёз...

Зоя и сама знала, что последние слова сказала нарочно, чтобы задеть Карла, на самом деле она так не думала. Больше того, Карл был пригоден для правления куда больше, чем Габриэль, и обычно, в не касающейся романтической стороны жизни, был достаточно смел, чтобы стать достойным королём. Но чего только ни наговорит обиженное сердце! Пусть даже и рубиновое.

Прошла зима, настала весна. Зоя упорно упражнялась в колдовстве, так что их квартира наконец стала полностью невидимой для волшебных существ, недостижимой, даже если бы сам король Габриэль вдруг встал посреди лестничной клетки их этажа. Можно было бы отныне забыть о нём навсегда, но вот как раз теперь Хэвен, Зоя и Карл стремились к тому, чтобы разбить войско узурпатора. И потому готови-

лись – каждый день. Кто как мог.

Зоя стала немногословной. Много тренировалась – почти всё своё свободное время, после же спала. Долго. Общаться с напарниками почти перестала. Хоть и не совсем – учитель чаще общался с девушкой, они продолжили свои тренировки. Зоя стала биться отчаянно, прилагая все силы, и в то же время без той ярости, что раньше управляла ей. Холодная злость, засевшая, как заноза, в её сердце, теперь позволяла Зое двигаться быстро, экономично и точно. Хэвен уже не всегда мог её победить.

Один раз, когда Зоя свалила его на пол ударом меча, проломив блок, когда острое лезвие замерло в сантиметре от носа Хэвена, девушка негромко произнесла:

– Ты обещал, что мне придется драться с друзьями. И я должна научиться это делать, – Хэвен видел, что щеки ученицы пылают нездоровым румянцем, – зачем, если друзей у меня не осталось?

– Как это? – изумился мужчина, – а я и Карл?

– Я не знаю, кто ты, – Зоя презрительно сморщила нос, – ты ведь Неблагодь.

Она убрала меч и отошла от Хэвена. Она ничего не сказала про Карла, отметил про себя он.

Глава двадцать первая

Любовь – милая штука, драгоценный мой Нед, но она не изменяет природу человека...

Джордж Мартин, «Игра престолов»

Должно быть, лёд уже сошёл на реке, подумала Зоя, выходя из дома, давно уже сошёл. Она несколько месяцев практически не покидала квартиру – тренироваться на улице было ещё слишком холодно, а она почти всё свое время отдавала упражнениям, чтобы подготовиться к последнему походу на Габриэля. А может быть, она боялась обнаружить, что как раз зимнего холода-то она теперь и не почувствует.

Но когда она вышла мартовским вечером из дома, глубоко вдохнула прохладный воздух весны, то почти закашлялась, как от крепкой сигареты. И это несколько успокоило Зою: словно в ней оставалась частичка Айкена, как заноза, как впаянный в жилы имплант, как продетая сквозь кожу серьга, которую теперь можно вырвать только с мясом – и болью.

Девушка купила в киоске баночку кока-колы. Курить не хотелось. Она шла, потихоньку отхлёбывая газировки, щекотавшей нёбо, – хотелось чихнуть, и, слава Богине, оттого не удавалось заплакать.

Зоя дошла до моста, провела по гладкой мраморной по-

верхности рукой: однажды именно тут она шагала, а Айкен поддерживал её. Когда чувства между ними стали слишком очевидны, чтобы их скрывать. В тот день началось их падение в эту пропасть горя.

– Он уже достиг дна, – пробормотала кукла, поставив баночку на парапет. – А я ещё лечу, кажется.

Она перебросила ноги на сторону, ведущую к воде, устроилась поудобнее и устремила взгляд на заходящее вдалеке солнце. Будь у нее человеческое сердце, она бы сказала, что чувствует, как его в этот момент распинают на железных крюках. Горе и тоска по Айкену догнали её сейчас – почти через полгода после его смерти. Все долгие дни до, которые она проводила в вынужденном, вымоленном у сознания забвении, рухнули всей неисплаканной тяжестью в тот миг ей на плечи, согнули, исторгнув из груди тяжёлый вздох, тихий стон. Девушке пришлось встряхнуться, как птице, чтобы снова выпрямиться.

Зоя подумала, что уже слабей, чем раньше, чувствует холод камня, на котором сидит. Её по-человечески обострённые чувства начали возвращаться в прежнее – неживое – состояние. По крайней мере, рядом с Карлом это происходило не так же быстро, как с Габриэлем. Девушка покачивала банку колы, опустив кисть между немного расставленных коленей. На губах остался сахар газировки, ветер трепал волосы.

– Ты давно полюбила сидеть у воды?

Зоя обернулась. В тот же миг Карл набросил пальто ей на

плечи.

– Вовсе незачем, мне уже не холодно, – девушка покачала головой.

Но Карл сел с ней рядом, не взяв пальто назад.

– Ты следил за мной? – она закусила губу.

– Нет. Но знал, где ты будешь. Всё-таки, мы связаны изнутри, этого нельзя отрицать.

– Я думала, с Айкеном мы тоже связаны.

– Так и было. Наверное. Не забывай, я украл твою душу у человека – кто знает, какой ей был уготован путь в перерождениях?

– Это так странно, ты знаешь. Еще недавно я думала, что если Айкен умрет, то и я тоже. Что просто не смогу без него. И я действительно чувствую, что не могу! Но я всё ещё существую. И, больше того, я почти уверена, что просуществую так до конца времён. В день Страшного Суда из земли встанут мертвецы, соберутся перед Спасителем, а я останусь одна-одинёшенька на опустевшей планете. Что мне делать целую вечность?!

Карл улыбнулся, потянулся рукой коснуться рыжего завитка, спадающего на шею, струящегося на лопатку, как ручей лавы, но Зоя словно предчувствовала его движение и отодвинулась.

– Для нас Богиня, должно быть, приготовила что-нибудь поинтереснее, чем встреча с христианским мессией, ты не считаешь?

– Я считаю только, что глупо делать вид, будто в курсе, что планирует Богиня. Ох, просто поразительно, как вы любите говорить нечто подобное, словно Она действительно сообщила вам о Своих планах. Не слишком ли много гордыни? Не слишком ли вы много нагрели и без того?

Зоя обернулась через плечо, и Карл не смог побороть в себе желание солгать:

– Если Богиня не говорит с тобой, не значит, что мы, остальные, не слышим Её голоса.

– Что ж, наверное, я не вправе злиться на свою природу.

Карлу стало стыдно – он не просто сказал неправду, он ещё и дал девушке сделать неверный вывод, будто он намеренно создал её не подлежащей божественному призору.

– Камни в тебе принадлежат природе Сатурна.

– Они нечисты, я знаю. После смерти я просто не существую. Если я, даже косвенно, создание Богини, Она, видимо, хотела, чтобы я стремилась к тому, что вы, якобы с Ее слов, называете грехом. Есть ли у меня друзья? Не уверена, – Зоя потерла подбородок. – И не уверена, что кода-либо были. Я могла бы назвать Хэвена, но он, скорее, мой учитель.

– Но теперь ты не одна, – покачал головой Карл. На его лице было написано и участие, и жалость, и нежность. – Теперь ты со мной. Навечно. Я обещаю...

– С тобой я одинока так сильно, как не одинока, когда существую только я и больше никого, – со вздохом загадочно произнесла Зоя.

Принц не стал спрашивать, когда такое бывало: он не хотел знать, что она пережила без него. От её прошлого веяло ужасом, который он не мог себе вообразить. Быть может, то были его домыслы, но Зоя действительно не была под защитой Богини – до недавнего времени. Кто знает, чему подверг её рок...

– Думаю, всё скоро изменится... Ты победила нечестивую Виду, тебе дарована сила низвергнуть нежелательного Богине короля. Ты уже не та, что прежде, поверь, ты освящена Ее благословением – отныне, любимая.

Зоя с трудом выдохнула – то чувство, что наполнило её изнутри и опустилось сверху тяжёлым покровом, отдалённо напоминало то, которое она ощутила после боя с Паломой. Её путь к Богине напоминал её путь к Карлу, но во многом и отличался. Девушка едва удержалась, чтобы не завывать, такие переполняли ее радость, тоска, трансцендентальный ужас и счастье глубинного узнавания – запах, прикосновения, возвращение прошлого во плоти.

– Просто ужас, как мы до сих пор можем считать, что всё ещё любим друг друга, – одними губами прошептала Зоя. Карл покачал головой, счастливо улыбаясь.

– Мы любим друг друга на самом деле – это единственная причина.

Девушка слабо улыбалась, но теперь крошечные морщинки ложились у её глаз так, что казалось, будто Зоя вот-вот расплачется.

– Я не знаю, почему все так происходит, – она покачала головой. Волосы потеряли блеск и пышность, свешивались плотным зловещим занавесом, скрывая половину лица девушки. – Это Судьба? Я считала, что моя судьба – Айкен.

– Так и есть, – Карл кивнул. – Он твоя судьба, но и я тоже. И все точно так, как было предначертано. Ты ищешь меня всю свою жизнь, так теперь – не отрекайся.

Зоя зажала рот рукой. Ей хотелось кричать или бежать. Или ударить Карла – как бродячую собаку, без причины, просто потому, что из груди чернотой поднялась злость, залила глаза, отравила мозг, просто затем, чтобы услышать, как он взвизгнет.

– Я не выдерживаю, – проскулила она сквозь пальцы. – Я была несчастна с тобой. И буду.

Карл снова кивнул, уже не так уверенно. Придвинулся, взял девушку за плечи, но не обнял, робея.

– Но таково наше предназначение – страдать. Это значит – быть людьми, – изгнанный принц вдруг улыбнулся. – Ты себе не представляешь, как я этого хотел! Когда понял, наконец. Все последние месяцы. С тобой. Мечтал быть людьми.

– Дурак, – безэмоционально отметила Зоя, одновременно готовая ринуться прочь, как олень сквозь чащу, и не имея на то сил – ни капли. Буря, в минуту всклокотавшая в ней, утихла, оставив после себя разруху чувств.

– Ты любила Айкена больше, чем меня?

Зоя подняла плечо, потеряла им щеку, будто пытаюсь отго-

родиться от Карла и оттянуть момент... Но все же ответила, немного погодя:

– Не знаю, он никогда меня не предавал, – помолчала секунду и добавила. – Айкен никогда не делал мне так же больно, как и ты. И мне никогда не приходилось прощать его за такие тяжкие грехи. Не знаю, смогла бы... с тобой, как видишь, смогла.

Карл на мгновение онемел, но потом кое-как выдавил:

– Красивый закат, правда?

– Да, – Зоя положила молодому человеку голову на плечо. – Не смотри на него. Я вижу, у тебя глаза слезятся.

Ветер бросил её волосы ему на лицо.

Они вернулись домой вместе. Пальто Карла всё ещё оставалось на плечах Зои. Она не сняла его даже в прихожей, прямо с ним прошла в спальню: они словно повиновались условиям древнего ритуала, который должен был быть наконец совершен.

– А ведь Айкен Купер умер счастливым, – Карл самодовольно улыбнулся. – Он думал, что ты его любишь.

– А на самом деле? Ну, скажи мне это, а то я пребываю в неведении, – скорее, с металлическим звоном ярости в голосе, нежели с скарказмом проговорила Зоя.

– Мы, сиды, можем жить вечно, если постараемся. Мы ближе к той вселенской, не-телесной любви, которую знают Богиня и Бог. За долгие годы мы отделились от неё почти так

же, как смертные, но шанс всё повернуть вспять ещё есть.

– А знаешь... мне не хочется этого, – скривилась девушка. – Мне нравится людская любовь, несовершенная.

– Мне тоже. Но ты вдруг стала такой покорной – не из любви ли ко мне? – ни голос, ни выражение лица Карла не изменились, но он вдруг приобрел какую-то утерянную в наземном мире нотку, которую Зоя помнила глубинной памятью не тела даже – впаянных вглубь камней. Она чуть было не потянулась к нему, лишь усилием воли сдержав порыв.

– Нет. Это просто выполнение долга.

Карл пожал плечами, заставив девушку снова бороться с собой.

– Просто по-твоему – это не одно и то же. Всего-то лишь.

Пальто тяжело, как мёртвая кожа, соскользнуло на пол. Зоя распрямилась, поднимая подбородок, жилистая, ловкая, прекрасная – белая в смутном свете ночника, словно мраморная статуя амазонки. Не такой её ваял Габриэль.

– А если я попрошу тебя показать мне эту человеческую любовь, разделить со мной ту каплю... того, что дал тебе Айкен?

Девушка не ответила, во всяком случае – не сказала ни слова. Но начала медленно раздеваться. Сумеречное солнце, растёкшееся тонкой полосой на горизонте, освещало её кожу сквозь толщу давно не мытого оконного стекла, деля на две половины. Чёрную и багряную. Звери потягивались на её теле, руны подрагивали, вспыхивали белым и алым: ма-

гия пробуждалась. Секс без магии не имел смысла, во всяком случае, теперь Зоя видела только одну причину для этого занятия.

Карл сел на кровать, чувствуя, как дрожат колени. Зоя и пугала, и возбуждала его одновременно. К тому же, комната... Магия завихрилась, стены будто сдвинулись к центру, воздух уплотнился, каждый вздох – как попытка протолкнуть в лёгкие желе. Пол слабо завибрировал там, где давным-давно (казалось бы, века назад) бесновались ведьмы на ритуале, проводимом Клариссой. Зоя опустилась на корточки, погладила гудящие линии, и дрожь магии льнула щенком к её руке. Если Богиня посылает магию – значит, она одобряет. Уж коль кукла не слышит её голоса, она должна угадывать благословения, как может.

Зоя двигалась на четвереньках, припадая к полу – но не ползла, скорее, пружинисто шла, как если бы была кошкой. Мартовской кошкой.

Карл отпрянул: ало-стальной отблеск угасающего гнева и пробуждающейся похоти на дне её зрачков напугал и взволновал его, погнал ток по коже от пальцев рук до плечей.

– Каждый раз, когда я отдавалась тебе, мой принц, это была коронация, – Зоя вынырнула меж коленей Карла, взялась за ремень его брюк. – Вот поэтому Габриэль заставлял нас терять память и друг друга сразу после этого. Чтобы ты не мог заявить свои права на трон.

Она трепетала, она была жадной, как в день праздника: сахарная вата, яблоко в карамели, заполняющие её рот, долгое время голодовки до, неизвестно, сколько – после. Она кое-как насыщалась Карлом, буквально и метафорически, изгодававшаяся по мужскому телу, по занятиям любовью.

Но дальше всё было вовсе не так, как она хотела. То был принц – не тёплый смертный. Зоя и не ждала, что всё будет так, как с Айкеном, но это настолько различалось с тем, что она помнила и о самом Карле, хотя бы по снам, что больше всего на свете девушке хотелось высвободиться из его объятий и отойти как можно дальше – вжаться в стену в противоположном конце комнаты или вовсе уйти в гостиную. Подумать только, она считала, что ищет его, веками ищет, но это было ничем иным, как прошлым. Их спонтанный секс в Румынии уже был незначим на самом деле – отравленная жизнью, познавшая её с Эдмундом, Зоя пыталась вернуться к Карлу, но то, что между ними тогда произошло, не было пропитано такой... любовью. Разве что – памятью, привязанностью, привычкой. Он спал с ней, не считая её самой желанной. Возможно, он думал в этот момент о Медб, с горечью размышляла Зоя. Она была неправа, но не знала об этом.

Сама же она вдруг начала думать о чем-то постороннем, о предстоящей решающей битве с Габриэлем... Безусловно, не было ничего важнее этого, но... Раньше она бы так запросто не отвлеклась.

Когда все кончилось, девушка едва подавила вздох облегчения.

Зоя сидела на краю кровати, застегивая пуговицы блузки. Ноги она поставила на носочки, чтобы пол не охлаждал ступни. Какие же у нее стали тонкие ноги, подумал Карл почти с отторжением, никогда не видел у НЕЁ таких тонких ног!

– А всё-таки, ответь. Ты на самом деле прощаешь меня? Простила уже – за то, что я сделал с тобой, с Айкеном?

– Я не злюсь. Я хотела бы тебя ненавидеть, видит Богиня, ты это заслужил, – девушка покачала головой, закрыв глаза и поджав губы знакомым Карлу движением: как перед плачем. – Наверное. Но я в любом случае не могу. Слишком люблю тебя.

– А как же Айкен?..

Зоя отсела на самый край постели.

– Его я любила по-другому. Не трогай меня, – девушка отмахнулась от протянувшейся к ней руки мужчины.

– Тебя влекло к нему, это нормально, – пожал плечами Карл. Зоя попробовала заглянуть ему в лицо, чтобы удостовериться, что на нём нет и тени издевки – как не слышалось её в голосе. Словно, несколько месяцев назад ступив в Сияющую страну, принц снова обрел то достоинство и величие, которых лишился за время пребывания в мире смертных. – Я простил тебя, ты легко простила меня. Как же сказать, что это не любовь хотя бы чуть более совершенная?

Зоя покачала головой, сложив губы в горькую линию боли.

Нет, подумала она, не хочу я так – всё, что вы почитаете совершенным, ложно. Лучше я буду животным, но живым, чем снова обращусь в вашу совершенную вещь. Нет, даже Габриэль тут лучше, чем ты, король.

Она приложила руку к груди, с облегчением и изумлением заметив, что сердце всё ещё бьётся. Пусть медленно, как у умирающего человека – едва ли раз в минуту.

«Забавляйтесь со своим совершенством сами, возвращайте его, если хотите – я не только ушла уже слишком далеко, я вовсе предмет иной природы.»

– Ты прекрасна, – восхищенно пробормотал Карл, прерывая ее мысли. – Раньше я не понимал этого. Думал, это я создал идеальную женщину: всё исключительно функциональное, широкие плечи, высокий рост, сила больше человеческой и немота...

Принц горько рассмеялся, приподнялся на локтях, придвигаясь к девушке.

– Я лишь спустя годы понял всю прелесть живых женщин. Приятно ощутить под рукой естественную грудь, гладкость настоящих мышц, выступающих от напряжения...

Он задумался, глядя на лицо Зои, но она вздрогнула, подозревая, что молодой человек вспоминает в этот момент не о ней, не об их свиданиях в Румынии, – о своей идеальной белокурой королеве. Что бы он ни придумывал себе, а она,

Зоя, всегда оставалась не его мечтой. Чьей угодно – Габриэля, Айкена, но не изгнанного принца. И потому их общая неразрывная судьба казалась насмешкой над обоими.

Однако Карл читал по лицу Зои и теперь не хуже, чем раньше.

– Не сомневайся, пожалуйста. Я не знаю, как смогу жить без тебя. Ты самая красивая вещь, которую я когда-либо видел, – принц вновь протянул руку, чтобы коснуться лица Зои, но она скривилась и отшатнулась.

– Вещь?! Так вот как ты меня воспринимаешь?! – девушка взволнованно убрала со лба влажные волосы. – Конечно, ты прав. И ты действительно не сможешь без меня, потому что я – твой Грааль, твоя грёбаная Власть, твой единственный шанс на трон.

Палец Зои больно ткнулся в грудь Карла, так что он опрокинулся навзничь, и только подушки мешали ему оказаться в полностью подчиненной беспомощной позе, как псу.

– Ты уже не сможешь вынуть из меня камни и потому расстроен, ведь так? – принц испуганно мотал головой, но ногой девушки только еще сильнее втыкался ему в тело. – Но не беспокойся, я возведу тебя на трон, потому что ты настоящий Неблагодой... а Двор, за всё то зло, что он принес мне, заслужил наказание в виде тирана.

Зоя отдернула руку и резко развернулась. Карл попробовал поймать её за руку, крикнул:

– Постой! Я прошу прощения. Я не знаю, как смогу изме-

нить твое мнение о себе...

– Никак, – Зоя коротко глянула из-за плеча. – Не требуй от меня невозможного. Я уже обещала тебе трон, так довольно. Видит Богиня, я была бы счастлива этого не делать...

Зоя осеклась. Карл пытался скрыть боль, но его лицо едва уловимо дрогнуло и побледнело.

– Прости, я снова не то лягнула, – голос сухой и пыльный, как библиотечная полка, без тени искреннего раскаяния.

– Да, что бы ты ни говорила, ты приносишь только боль.

Принц надеялся, что девушку это шокирует, но она только горько усмехнулась – как бы говоря «я знаю». Действительно, ничего нового она не услышала. Давно привыкла быть причиной неудобств, если не страданий.

– Вот как! Я понял...

Карл вздрогнул, рывком поднялся на постели.

– Ты переспала со мной, как будто сказала «что ж, ничего другого просто не остаётся».

Зоя не ответила, склонила голову (рыжая прядь выскользнула из-за уха, крутнулась у щеки, развивая медное кольцо), улыбнулась. Незачем говорить «да» или лгать словом «нет», если собеседник сам чудом понял, что произошло.

– Я хочу покурить, мой принц. Спи, завтра много дел.

Завтра – предпоследний день перед Остарой. Последний день, в который можно не думать о возможной смерти.

Он обнаружил её на кухне. Зоя стояла у окна, курила и

смотрела на улицу. Лунный свет отражался от стекла – рама была только наполовину открыта – и в нём, как в зеркале, Карл видел бегущие по щекам девушки слёзы, прикушенные губы...

– Иди спать.

Зоя медленно подняла склонённую было голову. На её лице отпечаталось изумленное выражение.

– Мне надоела твоя тоска по этому см... Айкену.

Карл и сам сообразил, что надо бы снизить обороты. Когда Зоя повернулась к нему, её лицо было... недоумённо-весело.

– Мне показалось, что ты только что... отдал мне приказ? Должно быть, слышалось?

Карл нервно вздохнул.

– Я...

Он не успел договорить – острый ноготок Зои впился под ключицу, коля и отталкивая.

– Ты пока ещё мне не король. Так что держи себя в руках.

Молодой человек отспулил к двери, прячась в тень. На самом деле, он был доволен реакцией Зои. Его любимая куколка осталась такой же, как он хотел: покорной и дерзкой одновременно и попеременно. Единственным минусом стало то, что она больше не была так же молчалива, как прежде.

– Я дала тебе своё тело как обещание власти, я дам тебе корону, но пока ты мне не господин, я – единоличная владычица власти, что есть во мне.

– Да. Ты права, – горло Карла в момент село, он мог только

сипеть.

– Да. Она права, – эхом отозвался от двери Хэвен.

Зоя повернула к нему голову, так что волосы взметнулись кардиналовой волной.

– Ты всё так же тверда в своем решении, Вида?

– О да. Мы возьмем Аннувн штурмом, – Зоя невесело усмехнулась. – Просто поразительно! Я искала какие-то другие пути, пока не поняла, что единственный путь, который нам доступен – это лобовое столкновение.

– К чести сказать, эта мысль у тебя порой мелькала в последний год, – безэмоционально отметил Хэвен, роясь в пачке сигарет так, словно для него покурить на данный момент было самым важным в жизни. Но нутром он чувствовал, как Зоя горит изнутри.

– Да, но тогда я даже не знала, с какой стороны подступиться к этому делу. А теперь план готов, – девушка сжала кулаки. Карл поёжился – движение точь-в-точь, как у Клариссы.

– Ты стала такой жестокой, – с неудовольствием прошептал он. – Я тебя не узнаю. Неужели ты теперь способна на хладнокровное убийство?

– Я полгода добивался от неё этого, – буркнул Хэвен, наконец выудивший последний мятый бумажный цилиндр. Никто не обратил на его слова внимания.

Зоя улыбнулась, присела на край стола, манерно приложила пальцы к груди, снова – до боли клариссиным движе-

нием.

– Знаешь, я победила Палому и вдруг поняла – не такое уж это важное дело, убить кого-нибудь, кто выглядит, как человек. Больше того, если вонзать сталь в плоть практически самой себя, сердце очень быстро ожесточается. Особенно, если ему нужно только вспомнить, а не учиться жестокости заново, – девушка наклонилась вперед, и Карл невольно опустился на колени, внимательно слушая, как её голос упал до шёпота, едкого, как шипение змеи. – О, ты знал меня и жестокой, Натаниэль, просто не хочешь считать преступлениями свои приказы. Ведь тебе недостаточно знать, что ты не виновен в одном преступлении, ты хочешь выглядеть абсолютно чистым. Но не получится. Так что будь счастлив, что я иду делать за тебя грязную работу, заткнись и приготовься стать королём.

От последних резких слов Зои Карл вскочил на ноги. Руки его тряслись, по пальцам пробегали нервные мурашки.

– А что ты скажешь, если... Если я скажу, что мне не нужен трон? Не нужна власть? Если я даже на тебя перестану претендовать? Иди, куда хочешь, делай, что хочешь...

Карл не договорил. У его шеи застыл холодный металл ножа, перед лицом качался влажный оскал Зои.

– Если ты рискнешь повторить это, даже в шутку, я перережу твое горло, вырву сердце, и с ним, как со знаменем, войду в Сияющую страну, – она не повышала голос, напротив, начала почти шептать, и от этого каждое её слово зву-

чало страшнее и весомее. – Если ты хотел отказаться, мог бы сделать это раньше... Века на два-три. Но не теперь. Тем более, не сейчас, когда погибли люди, когда умер Айкен, когда я бросилась выстилать твой путь к трону. Не когда я была тысячу раз продырявлена клыками, ножами. Не теперь, когда в моей жизни не осталось ничего, кроме цели сделать тебя королём.

Нож вдавился на секунду в кадык принца, взрезав первый слой кожи.

– И если тебе это больше не нужно, то я буду делать это ради себя.

Зоя отступила на несколько шагов, смерила принца гневным взглядом. Карл потёр шею, взглянул на ладонь: кровь.

– Просто царапина, не делай вид, что серьёзно ранен, – скривилась девушка.

– Я просто... – начал Карл хрипло, – твоя убеждённость в том, что я должен взойти на престол... Это не просто так, задумайся! Кларисса играет тобой...

Нож вонзился в стену рядом с его ухом. Гул металла слышался принцем, как звон похоронных колоколов.

– Не пытайся увильнуть. Никак. Или... ты слышал, что я пообещала. Трон или вырванное сердце. Выбери.

Хэвен зажал сигарету меж губ и несколько раз одобрительно хлопнул в ладоши.

Глава двадцать вторая

Если хочешь быть свободным, добудь сам себе свободу.

Эпиктет

На следующее утро зарядил дождь. Зоя не тренировалась, чтобы побереечь силы перед решающей битвой. Это будет последняя, думала она, либо мы все погибнем, либо победим, другого не дано. И в ее руди ворочалось что-то склизкое, черное, мерзкое – страх, не иначе. Никакой физиологии, только чувства. День обещал быть тяжелым – девушка раскаивалась, что переспала с Карлом, не так это было, как она ожидала, просто бездарная растрата времени и энергии. Никакая магия от их соития не пробудилась, удовольствие оказалось чисто физическим. Это даже было неплохо, но как-то приглушенно, издалека – словно она в то время была под действием снотворного. Даже их свидание в Румынии в ее воспоминаниях было иным, более ярким, более чувственным.

Зоя застыла у кухонного окна, не в силах оторвать взгляда от бегущих по стеклу потоков воды. Улицы сквозь них видно не было, только расплывчатые серо-бурые пятна – дома, деревья. Курить не было сил и уже не хотелось. Уже давно, на самом деле, не хотелось.

– Ты переживаешь?

Зоя обернулась. Позади нее стоял Хэвен – очень близко, наклонясь, словно ожидая что-то увидеть за плечом девушки, будто она могла прятать нечто любопытное в кольце рук на груди. Волосы у мужчины были мокрыми – то ли он принимал душ, то ли выходил на балкон. А может быть, и на улицу. Первый ливень весны всех притягивал.

– Дождь – хороший знак. Мы однажды уже выиграли битву при дожде.

Зоя вздрогнула.

– Когда я потеряла глаз? Хороша победа.

– Нет, раньше. Ты, наверное, не помнишь.

– Память ко мне вернулась.

Хэвен отступил на шаг. От него совершенно по-особенному пахло табаком и влажной тканью, мокрыми волосами, очень мужской запах, который понравился бы Зое на Айкене. Но и исходящий от ее учителя, он... успокаивал.

– Память-то – да, но тебе все же приходится прилагать усилия, чтобы разобрать свои воспоминания по крупицам. Ты для этого слишком человек. Теперь. Во всем есть свои минусы. Кстати, что, наш щепетильный принц понял, что с его стороны глупо выговаривать короне, что она побывала на слишком многих головах? Впрочем, если Карлу недоступно осознание, что ты теперь – живая, не его это вина, царственные особы часто избирательно туповаты, как вредные дети. Когда им невыгодно, они то ли прикидываются непони-

мающими, то ли действительно не пускают в разум и мысли.

Зоя улыбнулась, чувствуя, как теплеет в груди от слов учителя: он сказал, что она живая! И тут Хэвен разъяснил ей, что имел в виду, так, что она этого не ожидала. Он осторожно взял ее за плечи, развернул к себе, взглянул, словно отец, наставляющий дочь перед свадьбой:

– Ты должна быть очень осторожна в этом бою. Да, ты выживешь, если у тебя вырвут сердце, потому что теперь в тебе две души. Но именно эти-то души и делают тебя более человеком, более уязвимой, чем до этого.

Зоя вздрогнула. Так значит, она сама себе придумала, что в ней осталась частичка Айкена, осколочек их любви – все было проще.

– Глаз, что ты вернула от Паломы, содержит в себе душу Симонетты. Если вздумаешь рискнуть рубином, помни про сапфир, – Хэвен наклонился, поцеловал девушку в лоб и отпустил ее плечи.

Вот как, думала Зоя, глядя на то, как учитель затворяет за собой дверь в коридор. Он поделился с нею военной хитростью.

День перед битвой все трое: Зоя, Хэвен и Карл провели в намеренной праздности, почти тяжелой, почти граничащей со скукой. При этом, все трое ощущали, как аккумулируется в них сила, нарастает напряжение: словно напружинившийся перед прыжком леопард, напрягший все мышцы. И для

Зои часы до решающей схватки словно были отмерены заранее: как только настало утро, она отбросила одеяло и села на постели. Карл спал в гостиной, там, где раньше она проводила ночи на диване, когда только-только познакомилась с Айкеном, рядом с собой девушка принцу лежать не позволяла. Хоть что-то должно было, по ее разумению, оставаться недоступным для него до их свадьбы. Впрочем, от этого слова Зое становилось почти плохо – как-то мерзенько, противно на душе, как от мела, забившегося под ногти. Как могло случиться так, что в девятнадцатом веке ей удалось выйти замуж по любви, а в первый год двадцать первого века она покорно отдавала себя – как вещь? По иронии судьбы, именно тогда, когда в ней меньше всего от вещи и осталось. Когда она наконец приблизилась к настоящему существованию так близко, как еще никогда раньше...

Зоя прошла в ванную, думая обо всем этом, не потревожив ни Карла, ни Хэвена: пусть поспят еще хотя бы полчаса. Но когда она вышла, плохо вытершаяся, в мокром халате и со стекающими на воротник с волос каплями воды, учитель уже был полностью готов – одет и вооружен, а принц натянул рубашку и брюки. Мужчины собрались на кухне: Карл дул на горчий кофе, зажав между пальцами левой руки (мизинчик был пафосно оттопырен) крекер, Хэвен готовил омлет (перевязь с мечом и айкенова наплечная кобура ему, кажется, не мешали).

– Будешь...?

– У меня нет аппетита, – вяло отозвалась Зоя. Отчасти он пропал еще и оттого, что солнце подсветило Хэвена сбоку, и, прищурившись, его можно было принять за Айкена.

– Ты должна поесть. Слишком живая, чтобы отказаться от еды. А нам нужно выдержать этот бой.

И ей пришлось съесть все до крошки. Потом они оделись и вышли из дома. Было странно отправляться на бой ясным днем – впервые за все время. Но полдень так же страшен, как и полночь, напомнила себе Зоя, это такой же точно магический рубеж.

Солнце уже почти по-летнему пекло, подтверждая ее слова. Это был необычный день. Вся природа словно трепетала в унисон с тремя путниками.

– Когда перестанет поступать оплата за квартиру, люди заподозрят неладное. Взломают дверь – и что увидят? – размышлял, потирая небритый подбородок, Хэвен.

– Ни единого следа Айкена Купера, – хмыкнул Карл.

– Если его исчезновение сочтут преступлением, оно никогда не будет раскрыто. И я рада. Он должен был закончить жизнь таинственно.

Карл проглотил слова: просто он никому не нужен. Принц предпочел завести разговор о другом. С каждой минутой, с каждым шагом, приближавшим их к пустырю, он все сильнее хотел пойти на попятную.

– Еще не поздно повернуть назад, – шепнул Карл. Зоя обернулась, свирепо взглянула на принца: ноздри раздува-

лись, как у зверя.

– Нет. Поздно. Я возведу тебя на трон, если пойдешь со мной, клянусь, но если нет – я пойду все равно. Ради памяти Айкена, Дэйва и Симонетты.

Карл опустил голову, тяжело, как пьяный, и покорно, как вол.

– Ты боишься? – улыбка Хэвена демонстрировала оба клычка. Не было понятно, кого именно он спросил.

– Ужасно, – тряхнула челкой Зоя, тем не менее, предвкусно облизывая губы. Сердце ее ухнуло и забило – тяжело, гулко, как камень, а не как живой мягкий орган.

Тянущее чувство грядущего момента истины, конца – в том или ином смысле, предошущение боли, как натянутая кожу игла, заноза за миг до того, как войдет в плоть. «Кажется, я всю жизнь ждала именно этого дня.»

– Это настоящая война, – ухмыльнулась Зоя, трепеща, как на американских горках, ровно в тот момент, когда они вошли на пустырь. Но не успела троица сделать и пары шагов, как в центре пустого пространства перед ними возник небольшой отряд, возглавляемый Габриэлем. Король мял в руках использованную карточку с руной невидимости.

– Ой, какая неожиданность. Свидание!

Зоя вышла вперед, раздвинув напарников плечами. На ней было ярко-алое атласное платье-солнце, едва скрытое накинутым поверх легким пальто, и туфли на высоких каблуках – тоже ослепительно красные. На бедре висели сразу

два меча – ее собственный и трофей, добытый в бою с Паломой. Очень красиво и в стиле Дворов – выйти на бой в вечернем наряде. Одно движение, и расстегнутое пальто с плеч девушки стекло на землю.

– Хотела напасть исподтишка? Не удалось! – торжествующе возопил Габриэль, воздевая над головой меч.

Зоя медленно выступила из тувель, оставив их позади.

– Хотела. Но так даже интересней. И откуда же ты знал, что мы придем? Впрочем, не отвечай. Кларисса. Я передам ей спасибо.

– Если выживешь! – король потряс клинком, так что на землю брызнули солнечные зайчики, игравшие на лезвии, – Я надеялся, что ссылка изменит тебя, что ты поймешь, как забываешься, но нет! Видимо, единственный способ сладить с тобой, кукла, это переплавить в новую, идеальную Виду. Ты, видать, возомнила себя чем-то большим, чем просто предмет... Никак легла под принца и возгордилась?

Зоя безразлично пожала плечами, показывая, насколько глубоко ей плевать на слова Габриэля.

– Я пришла тебя убить. Не слушать.

Хэвен тронул ее за плечо, шепнул:

– Не время. Наоборот.

Зоя прекрасно его поняла. В прошлом она так усердно избавлялась от гнева, но сейчас он требовался ей – этот бой должна была питать ненависть. Зоя не стала спрашивать у учителя, почему он решил, что так будет лучше, просто кив-

нула и прокрутила в голове слова Габриэля.

– Что ж, будь по-твоему. Ты хотел меня обидеть – тебе это удалось, король, – девушка нарочито медленно достала свой меч из ножен. – Теперь раскаивайся в этом!

Она бросилась на него, и он ответил ей атакой, мечи куснули друг друга, звеня.

– Вот уж неожиданность, король! – рассмеялась Зоя. – Я думала, ты стал трусом, прячущимся за спинами придворных и стражи!

Он не ответил, только зарычал и атаковал ее сбоку, меняя в то же место, что и когда чуть не вырвал ее сердце. Но теперь девушка без труда ушла от удара. И все же, от удивления глаза ее расширились: о, а Габриэль вспомнил, как биться! Они кружили друг против друга, Зоя смеялась, больше не чувствуя страха, только восторг, подобный тому, что щекочет грудь изнутри, когда взмываешь на качелях параллельно земле. И в то же время, девушка знала, что это уже не игра. Если раньше каждый бой она начинала с поддразнивания, с демонстрации своей удали, пусть не всегда это шло ей на пользу, теперь же она не могла рискнуть ни одним из своих камней, пусть ныне и владела двумя душами сразу. Каждый удар должен был достигать цели – или хотя бы пытаться ее достигнуть.

Зоя наскочила на короля, как лошадь, вставшая на дыбы, опрокинула, и оказалась обеими ногами на его ребрах. Габриэль успел только изумленно охнуть: одновременно вверх

взмыл меч Зои, а из кармана мужчины рассыпались на размокшую землю пустыря карточки с рунами. И в следующий миг полыхнула ослепительно яркая вспышка – король и девушка пропали.

Они оказались в тронном зале Неблагого Двора. Все в той же позе: она сверху, попирающая его грудь, они рухнули с небольшой высоты – во всяком случае, занчительно меньшей, чем им было бы на самом деле лететь от потолка зала. Зоя покачнулась и не удержала равновесия, Габриэль буквально смахнул ее с себя: бросил под ноги противнице карточку, и Зоя отскочила, опасаясь ожога. Не зря: руна взорвалась, проделав дыру в нарядном мундире короля, однако ж его кожу оставив нетронутой. О да, тот Габриэль, что сейчас предстал ее глазам, разительно отличался от того визгливого труса, что натравливал на нее Наккилэйви.

– Не только Мертен учил тебя драться, Вида, но и я тоже – или ты забыла?

– Нет, – Зоя сощурилась. – Но что же заставило тебя так измениться? Неужто страх потерять трон?

Король презрительно рассмеялся в лицо противнице.

– Скоро здесь будут все мои стражники! Ты или сдашься, или убьешь их всех – но тогда тебе станет некем править!

– Храбрись, храбрись, но не слишком, – произнесла она издревле известную фразу. – Что ж, ты должен был бы предупредить раньше, чем во мне проснулась жажда крови.

Губы девушки медленно раздвинулись в хищной усмешке, а на плечах вспухли черные полосы. Она не лгала: она действительно не собиралась щадить никого, кто решился встать на сторону Габриэля. И не важно, из каких соображений: страха или искренней преданности. Недостаточно лояльные подданные были ей не нужны.

– Что ж, назовем это... очисткой Двора от мусора. – В двери зала вбежали воины в белых и серебристых доспехах – очевидно, благие, подмога от Медб. – Дворов...

«Что ж, и с этими разберемся.»

Зоя достала второй меч и приняла на себя толпу бойцов, как волну прилива. Ее сдвинули с места на несколько метров – налипшая на ступни грязь заставляла ноги скользить по мрамору пола. Она оказалась отрезана от Габриэля сотней вооруженных дини ши и слуа. И тогда девушка вспомнила, как билась на потеху Габриэлю века назад: что ж, если по мрамору идти тяжело, она пойдет по мертвым телам.

Она работала мечом так, что тело от усталости заныло быстрее, чем через минуту. Пот и чужая кровь заливали глаза, ступни начали скользить еще больше, если попадали не на труп, а на пол: мрамор тут и там окрасился алыми и черными лужицами. Каждая – чья-то смерть. Зоя была вынуждена вскоре снизить темп, больше не в силах успевать рубить быстрее, и ее начали доставать, мечи и шипы втыкались в тело тут и там, жгли, разрывали кожу, ранили. Но Зоя едва обращала на это внимание, видя перед собой только цель: Га-

бриэля, замершего у трона. Она упорно прорубала себе дорогу сквозь стражников короля.

– Вот тебе минутка отдыха, – шепнул на ухо родной голос. Учитель! – Хотя бы меч отряхни.

– Спасибо, не нужно, – мурлыкнула девушка, чувствуя мгновенный прилив свежих сил. – Ты только прикрой меня сзади.

– Конечно!

Его жесткие лопатки прижались к ее голой в вырезе платья спине. Мелкие ранки мгновенно заныли, но и это только подстегнуло девушку. Учитель и ученица работали не вдвое – в четыре раза эффективней, чем поодиночке.

– То, что ты делаешь в бою – просто ужасно, – хохотнул между делом Хэвен. – Неужели забыла все, чему я тебя учил?

– Если честно... – спина к спине, учитель и ученица одновременно рубили и кромсали врагов, словно единая четырехлопастевая машина. – То да, многое забыла. Но ты ведь напомнишь мне после боя?

– Если ты останешься невредимой.

– О, не беспокойся! Я как раз потому делаю так много ударов мимо техники, потому, что мне нравится быть живой.

Двусмысленно прозвучали эти слова. Хэвен позвоночником чувствовал, как колотится тяжелое рубиновое сердце в груди Зои, отдаваясь по всему ее – и его – телу. Пусть, это было не совсем так, как у смертных, но, определенно, Зоя

теперь была живой – в полном смысле этого слова, ни на йоту меньше, чем когда рядом с ней был Айкен. Вот что, подумает потом Хэвен, перешло к ней в тот день, когда Купер сплеховал и влил в нее всю свою магию без остатка: еще и его жизненная сила. Вот отчего он оказался столь легкой и привлекательной добычей для Сатурна.

Так, в виде, подобном индийскому богу Вишну, учитель и ученица достигли трона. Хэвен замер у подножия, сдерживая толпу, а Зоя начала подниматься по ступеням к королю. Габриэль сидел неподвижно и смотрел на приближающуюся к нему Зою (сама алость, словно воплощение богини Махи), преисполненный странного достоинства – большего, чем когда-либо, лишенный страха, уверенный в себе. Девушка даже запнулась на последней ступеньке, будто накололась на его взгляд – острее, чем копьё. Заминка чуть не стоила ей руки: из-за трона на нее выкатились двое дини ши, и Зоя едва успела отбить удары обоих. Но когда этих нападавших сменили следующие, она уже была готова. Зоя не двигалась с места. Ей незачем было: с двумя мечами, своим и Паломы, она без труда уничтожала каждого, кто старался поразить ее. Никто не мог даже приблизиться на достаточное расстояние, чтобы ранить куклу.

Когда Карл ворвался в зал, его глазам предстали горы трупов и Зоя – на возвышении, с алыми ногами до самых колен, забрызганным кровью подолом, тяжело дышащая... Опасная и как соперница в бою, и как соблазнительница – гладкая,

плавная, подобно Эсфири кисти Шассерио. Она отрубилась голову последнему нападавшему ровно тогда, когда их – Зои и Карла – взгляды встретились.

– Королева не берет пленных?

– Берет, – Зоя утерла из-под губы каплю крови, долетевшую до лица. – Но я пока не королева.

Она взмахнула мечом, очищая его от крови, и брызги попали на лицо короля Неблагих, все так же недвижно и вальяжно расположившегося на троне. Прежний Габриэль вздрогнул бы и утерся, быть может, даже вскрикнул, но этот чернокудрый мужчина даже не шелохнулся, словно ничего не произошло. Зоя внимательно всмотрелась в его лицо: он нацепил маску безразличия? Или же напротив, сбросил личину слабака и труса, которой прикрывался, творя свои депотические преступления? Подданные были в силах терпеть его сумасбродства, только испытывая к нему жалость? Или же Габриэль просто сошел в один момент с ума – и расщепился на две мало похожие одна на другую личности?

Ответы узнать было невозможно.

Пока Зоя изучала скучающее лицо монарха, расстановка сил в зале вновь изменилась. По едва уловимому выражению, скользнувшему во взгляде Габриэля, кукла поняла, что он ждал этого: пока на поле битвы явятся не просто отряды Благих, а сама прекрасная королева Медб. Зоя почувствовала ее пронзительно-весенний аромат еще до того, как обернулась.

– Пришли умереть, Ваше Величество?

– У нас с Габриэлем был заключен договор. Я просто выполняю его.

Золотоволосая красавица пренебрегла доспехами – как и сама Зоя, и Карл, и Хэвен, и Габриэль. Белое платье в пол, с двумя боковыми разрезами до бедра, подчеркивало ее фигуру, словно королева явилась на бал, а не на войну. Только живот опоясывал сверкающий корсет, и Зоя была уверена, что его не пробить никаким оружием. Но незащищенная грудь, шея, отсутствие шлема... Медб так самоуверенна? Или после того, как она вырвала Зое глаз, она вообразила, что Вида ей не соперница? Впрочем, за спиной повелительница вела пополнение: белые мундиры благих вперемешку с черными одеяниями и доспехами неблагих. Сколько же народу должно сегодня погибнуть?

– Что ж, знакомо. Поверишь ли, я сама здесь выполняю договор с Карлом, – Зоя начала медленно спускаться к противнице. – Если мне не убить Габриэля прежде тебя, пусть так и будет. Скажи своим людям, чтобы подождали, я займусь ими после того, как покончу с тобой, не раньше. Если, конечно, они хотят разделить судьбу... тех, кого видят лежащими здесь.

И тут Медб попятилась. Когда Вида встала у подножия возвышения, ведущего к трону, королева рассмотрела, что на руках и ногах ее противницы не красные чулки и перчатки, что платье и волосы, даром что и без того алые, вымокли

в крови насквозь. Медб затравленно оглянулась, окидывая взглядом горы мертвых тел – своих бойцов в том числе.

– Ты... одна убила их всех?

– Что ты. Хэвен помог, – Зоя ткнула пальцем себе за плечо, туда, где стоял учитель. – Помнишь его? Дини ши Мертен, генерал. На его счету ровно половина, я не собираюсь приписывать себе чужих заслуг.

– Это все равно очень много.

– Что ж, спасибо, если это был комплимент.

Королева не ответила. Кровь медленно отхлынула от ее лица, шея напряглась – то ли во внезапном спазме, то или от попытки сдержать рвущиеся наружу слова. Зоя терпеливо ждала, чем же закончится эта сцена.

– Я не прикасалась к тем мерзостям, что творил из грязи и краденых душ Габриэль! – наконец выкрикнула Медб так отчаянно, что кончик ее носа покраснел.

– Не верю, – мрачно покачала головой Зоя. Падавшая от челки на ее лицо тень делала ее вид еще более зловещим. – Лгунья. Вы же любовники! Разве ты разделила с ним только постель?

Медб переменилась в лице. Румянец вспыхнул на ее щеках, как у лихорадочной больной, нос сморщился, словно у гарпии. На миг красота белой леди сменилась уродством – пусть не дольше доли секунды, но контраст был слишком разительным, так что кукла даже вздрогнула.

– Как ты смеешь говорить такие вещи, подстилка смерт-

ного? Я вырву твой язык! Ты не имеешь права судить, ты ничего не знаешь, ты, ты... Взгляни на себя и на меня, ты должна была бы пасть ниц и распластаться, если б в тебе была хоть капля совести... или мозгов, дрянь! Ты просто грязь, пыль под ногами таких, как я Габриэль.

Ого, мысленно присвистнула Зоя, здорово ее проняло! Любопытно, почему? Ревность? Или дело в чем-то другом?

– Первые леди Благого Двора не смеют на меня даже взора поднять, а ты уж тем более... – королева не смогла продолжить, переполненная чувствами, тяжелое дыхание замкнуло горло.

– Как ты только так живешь? – Зоя прищурилась, словно ей и впрямь было интересно.

– Как же? – Холодно откликнулась Медб. Она уже знала, что кукла постарается ужалить ее ответом.

– Каждую минуту, каждую секунду своей довольно долгой жизни помнить о том, что ты уникальна. Что ты хороша. Великая королева и достойная женщина. Я хочу узнать только одно – как ты можешь так жить и не лопаться от самодовольства?

– Ах ты! Жалкая наложница преступника, предавшего свой род, свой Двор и все представления о чести! И какой же ты досталась ему? После кого? Даже в постель к изгнаннику перелезть из кровати смертного – хуже некуда. Лучше б ты вынырнула из канавы – и то была бы чище!

Медб перевела дух, выдохнув в последние слова все, что

было в легких, выжав себя в последний натужный крик. Зоя смотрела на противницу молча, только наморщила лоб, словно не понимала, зачем королева так распалилась. Еще меньше она понимала, к своей, однако же, радости, что ее вовсе не задевают оскорбления.

– Все сказала, что хотела? А теперь бейся, иначе я решу, что ты трусишь и оттягиваешь момент.

– Ну нет! Такого оскорбления я не спущу! – проревела правительница, однако ж и после того не тронулась с места. И тогда Зоя вытянула вперед руку с отставленной ладонью. Медб затравленно посмотрела на нее.

– Ты не можешь отказаться, – улыбнулась Зоя. – От судьбы не отказываются.

Медб вытянула дрожащую руку и соединила их с противницей ладони.

Женщины были недвижны едва ли секунду – Зоя прынула вперед, отталкивая противницу от себя, толкнув королеву эфесом меча в защищенный корсетом живот. Еще не раня, еще – играя. Однако в этой битве кукла отучилась долго развлекаться перед тем, как бой перерастет в поединок не на жизнь, а на смерть, и уже следующий ее удар был на поражение, еще не успевшая как следует сосредоточиться королева ойкнула, когда кончик меча прорезал одну из лямок ее платья, а на коже осталась набухшая кровью полоса.

И уже следующим ударом женщины скрестили мечи. Металл скрежетал о металл, едва ли не сыпя искрами, каждое

усилие с той или иной стороны оставляло на лезвии зазубрину.

Настоящий, серьезный бой не длится долго, как знали обе. Сейчас они схватились раз – и до победного конца. В живых останется только одна, это читалось во взгляде и той, и другой.

«О, мне очень понравилось быть живой!»

Зоя расслабила руку, уходя с линии атаки и позволяя Медб выбить у нее из рук меч – чтобы королева качнулась вперед, потеряла равновесие. Стоило золотоволосой правительнице пошатнуться, как вторым мечом кукла выбила у нее из рук клинок. Медб фыркнула по-кошачьи, бросилась на противницу совершенно примитивно, как ведьма: со скрюченными когтями пальцами, но раньше, чем дотронуться до лица врага, вскинула ногу и сбоку ударила противницу по корпусу. Зоя не выпустила меч из рук, но и не устояла, рухнула на пол, откатилась неловко в сторону, уходя от удара каблуком, снова вскочила.

– Ты должен вмешаться, – выкрикнул Хэвену Карл, боясь, что его кукла может проиграть. Но дини ши покачал головой.

– Твоя леди-власть решает все сама. Иначе она бы просто не была властью.

И Зоя, и Медб оказались безоружными. Кукла ухмыльнулась, подмигнула и кивнула королеве так, чтобы заодно убрать с глаз мокрую челку.

– Будем драться как чернь, с голыми руками?

– Нет! – рывкнула Благая и бросилась к своему мечу. Зоя ринулась ей наперерез.

– А я решила иначе, Ваше величество! – рывкнула она, сбивая королеву с ног.

Они покатались ало-белым клубком по полу, перемазываясь в крови еще больше, сплетаясь в узел... Медб вырвалась, встала, пошатываясь, морщась от омерзения – она с ног до головы перепачкалась. И этой доли секунды, в которую королева смотрела на свой подол, Зое хватило, чтобы вскочить – и одновременно ударить врага ногой снизу вверх, опираясь на руки. И, крутнувшись, встать.

Медб тяжело рухнула навзничь, вскинула на противницу полыхающий гневный взгляд. То ли после удара у правительницы свело челюсть, то ли она поняла, что говорить уже нечего и незачем – Благая покорно распласталась в луже крови, как пойманный мотылек, только губы кривились и дрожали, да на лбу пульсировала жилка.

Заложив одну руку за спину, Зоя безмолвно протянула королеве вторую. Прошло несколько секунд, Медб недоверчиво смотрела на протянуте ей грязные пальцы, но, спустя почти минуту, схватилась за запястье Зои, словно они были лучшими друзьями. Однако кукла так не считала – она дернула Медб на себя и пронзила ее грудь мачете. А затем отпустила руку противницы, позволяя королеве вновь упасть на пол. Корона соскочила с головы Медб и покатилась по полу, Зоя остановила ее ногой. Нагнулась, подняла и надела себе

на голову. Усмехнулась:

– А ты, – бросила она, не поворачивая головы, стоявшему невдалеке Карлу. – Пойди возьми корону Габриэля. Они принадлежат нам по праву!

Она вскинула руку с мечом вверх, величественная и прекрасная, капли крови с короны терялись в ее красных волосах... И армия Габриэля застыла на миг, опустила оружие и в едином порыве благоговения опустилась на одно колено.

– Армия приветствует свою королеву, – сказал Хэвен из-за спины Зои. Кашлянул коротко и влажно, болезненно. – Они признали тебя.

Прямо стоять остался только Габриэль.

– Сдавайся, – сказал ему Карл.

– Хочешь меня убить? – Габриэль поднял кулак, бросил на него хитрый взгляд, и Зоя прищурилась, гадая, что же король сжал в руке. – Ну, рискни! Только тогда ты никогда не получишь то, что у меня есть.

Меж пальцев Габриэля сверкнул гладкий опал, и Зоя вздрогнула, догадываясь, какую великую драгоценность может предложить нечестивец за свою жизнь.

– Я ведь старый друг Кроноса, Вида, – захохотал Габриэль (Карл поморщился от этого звука, досадуя, что он – брат, к тому же, близнец этого безумца). – Заключить еще одну сделку для меня не составило труда. Я выторговал у него душу твоего смертного любовника. Вот только ты ее никогда не получишь!

– Даже не хочу спрашивать, что ты отдал взамен!

Габриэль и не ответил. Он поднес камень к груди и вдавил его... Опал исчез в плоти, словно утонул в мягком масле.

– Рискнешь убить меня – и его душа пропадет из этого мира навсегда.

Зоя шагнула к свергнутому королю, но только раз, растерянная.

– Вот ты дурак, – рассмеялся Карл, наблюдая эту сцену. Он подошел к девушке, взял ее за плечо, не успокаивающе, по-хозяйски: «моя власть». – Если б мы тебя прикончили, твоя душа переродилась бы в другом теле. Да, королем ты бы уже не был, да, может быть, и забыл бы все. Но ты все-таки сумасшедший. Или идиот.

– Что же мы будем делать с ним? – Зоя качнула мечом по направлению к Габриэлю. Карл пожал плечами.

– Я еще не решил. Наверное, подвергнем его одной из тех пыток, которые он приберегал для нас или твоих канадских друзей. А пока – в темницу его. Пусть подождет там моего королевского решения.

Габриэль издал негодующий вопль, перешедший в изумленный взвизг, когда двое дини ши из его гвардии шагнули и взяли тирана за плечи, заломили ему руки за спину, и согнули в почтительном поклоне. Корона слетела с его черных кудрей и покатила по полу – прямо под ногу Карлу и его Виде.

Зоя нагнулась, подняла золотой круг, украшенный маги-

ческими камнями – такими же, что были в ней. И в этот момент она почувствовала небывалую слабость, понимая, что настал момент моментов. Даже воздух вокруг нее, казалось, сгустился, затрещал от напряжения, как в преддверии грозы. Зоя протянула корону над головой Карла. Он наклонился, позволяя ей увенчать его.

– Сим возвращаю тебе трон, принц. Отныне можешь отринуть прежнее имя – ты больше не человек, ты король сидов. И больше не свободный⁷, ибо власть – это бремя. Клянусь стать твоей властью. Твоей Видой.

Они завершили ритуал и скрепили ее поцелуем. И еще какое-то время стояли так: новый король Неблагого Двора Натаниэль держал за плечи свою Виду, дрожащие ноги которой так и грозили подвести хозяйку, стоящую на залитом кровью полу. Откуда-то издалека доносились частые вздохи раненого Хэвена, но обернуться и посмотреть, как он там, ни у одного из них двоих не было сил.

Все еще ждали, что еще выпадет на их долю. И вот двери зала распахнулись и вошла... Кларисса?

Нет. Волосы ее теперь были длинными, невесомыми – они летели по воздуху за ней, как хвост кометы, и в них играли звезды.

Бывшая... и возвращающаяся на трон королева Благого Двора, леди Федельм Девять-Обликов.

– Дети мои, ваше испытание завершено, – с улыбкой про-

⁷ Имя Карл значит «свободный человек».

изнесла сида. – Вы завоевали Неблагой двор и ваше изгнание отныне окончено.

И Натаниэль с Видой в изнеможении рухнули на колени, не расцепляя объятий.

Им позволили вернуться домой.

Эпилог

Нет, вправду вы решили, синьор, венчаться с этой дикой кошкой?

Уильям Шекспир, «Укрощение строптивой»

Правители сменились в обоих Дворах: трон Благих заняла Федельм. Почему она потеряла его, Зоя не знала, это произошло еще до её создания. Но, видимо, сида, скрывавшаяся долгое время под именем Клариссы, имела право занять престол как только его освободит Медб. С Карлом же и его Видой дело обстояло несколько сложнее.

Коронация была назначена на ближайшее полнолуние. Двор без короля слабеет, а потому требовалось поспешить, насколько это было возможно в рамках соблюдения традиций и ритуалов. Прошло не так много времени, но Зоя уже почувствовала, что реальное отношение к ней отличается от того восторга, что выказали ей жители Аннувна в день их битвы с Габриэлем. Да, тирана не любили, но теперь, избавившись от него, народ начал задумываться, кого хочет видеть на троне. Какого короля. Какую королеву. Кажется, кого угодно, но не Карла и его игрушку. Если б в бою они не показали такого искусного мастерства биться, должно быть, им бы бросили вызов в борьбе за корону.

Зоя снова чувствовала взгляды на себе, всё те же, что и пять веков назад – подозрительные, испытующие, почти неприязненные. Её помнили сперва любимой игрушкой короля, затем – бунтовщицей, теперь – ведущей на трон преступника. Зоя могла догадаться об этом, но она больше не боялась осуждения. На груди у неё сиял знак Богини на тонкой цепочке, рука покоилась на единственном в обоих Дворах стальном мече – только ей, единственной в Аннунне, железо не жгло кожу.

И вот теперь, в утро коронации, Карл и Зоя держали речь перед подданными. Чтобы ритуал прошел без сучка без задоринки, требовалось сейчас же убедить Неблагой Двор, что они – хорошие претенденты на трон. Зоя заняла место на возвышении: почти такая же, как в день битвы, только без крови на лице, и не в красном платье, а в чёрном, в которое ее обряжал Габриэль после того, как перепаял творение брата на свой вкус. Сзади к девушке приблизился Карл, точнее, уже Натаниэль: её жених, её принц. От него повеяло запахом осенних увядающих цветов, раздражающе-сладким, но именно таким, какой должен быть у правителя Неблагих. Ладонь Карла накрыла руку Зои, лежащую на эфесе меча.

– Позволь мне говорить первым.

Она только кивнула. Карл тряхнул золотистыми кудрями (за несколько дней в волшебной стране они отросли, как прежде – так, что из приходилось забирать в хвост).

– Сиды Неблагого Двора! За четыре века под пятой ти-

рана-сумасброда вы забыли, что значить быть самой ночью. Ночь – не темнота в сыром чулане, ночь – это тьма леса, это то, что способно объять весь мир! Скажите, сколько раз за последние века Дикая Охота мчалась по небу по своей прихоти, просто оттого, что того требовала её природа, а не деспот с мелкими капризами? Сколько раз ваши клинки сцеплялись друг с другом железными зубами в схватке чести, в бою за нечто стоящее, дорогое хозяину клинка? А не ради защиты шкуры червя, который слишком обленился, чтобы защитить самого себя?

Сиды заворчали, принялись перешептываться между собой, когда Карл замолчал, переводя дух. Он тронул их умы и сердца, но требовался ещё один – последний – толчок, который окончательно повернёт народ к новому королю. Карл был готов говорить ещё, но Зоя скинула его руку со своей ладони, давая понять, что продолжит за него. Она знала, что ещё требовалось: не продолжение речи, не ещё одни увещевания. Весы способна поколебать песчинка.

– Разве мы не Неблагие?! – вскрикнула Зоя, оскалясь, вскинув вверх руку с обнажённым мечом. Ей ответил одобрителный гул толпы. Сиды почувствовали, что перед ними истинные правители: настоящие король и его власть-королева, которые идеально подходят друг другу. Они вспомнили, какими были до узурпации трона Габриэлем, как лоснилась шерсть гончих Дикой Охоты, как сладка была ночь.

Зоя обессиленно опустила руку. Один порыв отнял у неё

много сил – не так-то просто было возвращаться к истинной сущности. Но она снова добыла своему королю победу – на сей раз, в душе подданных.

Теперь они оба могли отправиться в свои покои, приготавливаться к свадьбе.

Служанки помогли Зое надеть роскошное белое платье, затянули корсет, покрыли голову воздушным кружевом и теперь вплетали в волосы живые благоухающие цветы. Девушка поймала взгляд своего отражения: ох! Казалось, будто фрейлины убирают её труп к погребению. «Я слишком бледна сегодня.» Но сходство было вовсе не в этом.

В огромное зеркало Зоя видела, что Хэвен вошёл в её. Если б служанки на тот момент не пытались вплести фиалки в кудри на висках девушки, она бы обернулась, а так – просто послала дини ши улыбку через отражение. Он ответил поклоном.

– Брось, Хэвен, ты никогда не питал ко мне особенного пиетета, так прекрати ломаться теперь.

– Ещё несколько минут, и Вы станете моей королевой, леди, – улыбнулся генерал.

Зоя вздохнула, отогнала горничных.

– Достаточно, достаточно, я уже хороша.

Служанки вышли, не сказав ни слова. Зоя повернулась всем корпусом к Хэвену, перегнувшись через подлокотник кресла.

– Я буду плохой королевой. Не могу быть хорошей. Я готова бороться за то, чтобы людям, которых я люблю, было хорошо, но как сделать так, чтобы был счастлив весь народ? Этого я не знаю.

– Ты хорошая девочка, уж я-то знаю, – Хэвен растянулся на кушетке красного дерева, достал золотой портсигар. – Не волнуйся ни о чём, иди к своему принцу.

Зоя сжалась, опустила взгляд на колени, покрытые воздушной белой тканью. Хэвен вздохнул, так и не закурив, встал, подошёл к девушке, взял её аккуратно за подбородок, заставляя смотреть на себя.

– Корону Карла сейчас – и твои обязательства перед Двором будут исполнены. Можешь даже не ждать ночи, никто не заставит тебя лечь с королём в постель. Если хочешь, мы вообще сбежим. Назад, в мир людей.

Хэвен взял меж пальцев рыжую прядь, заправил её за один из цветков у виска. У Зои от подступивших к горлу рыданий защищало глаза. Карл всегда ревновал её к Габриэлю, и напрасно – Хэвен, Мертен, мужчина, к которому она никогда не испытывала ни страсти, ни вожделения, он всегда был готов увести её подальше от принцев. Возможно, именно потому, что их любовь не была эротической, узы ученицы и учителя оказались так крепки. Хэвен был единственным, кого даже в мыслях Зоя не пятнала догадками о пособничестве Клариссе, не желая даже задумываться, за какие заслуги он был легко восстановлен во всех прежних правах, да еще и

награждён новыми титулами и богатствами, да, его – единственного. Даже Айкен в её памяти остался с каким-то чёрным пятном прошлого, с подозрением от признаний: Кларисса приходила к нему ночами, во снах.

– Тебе нельзя бежать. Ты наконец вернул себе титул, должность, бывшее величие.

Хэвен убрал пальцы от лица девушки.

– Пусть так. Но что милость Федельм, что немилость Медб – как я ощущаю, одно и то же, никакой разницы. Душа моя не чувствует ничего нового.

– Хотела бы я сказать то же.

В дверь деликатно постучали.

– Идем, – Хэвен протянул ладонь девушке, затянутая в белую перчатку рука Зои дернулась на колене, но не поднялась, чтобы лечь на протянутые ей твёрдые пальцы. – Твой принц ждёт тебя.

– Чтобы перестать быть принцем.

Генерал всё понял без слов.

– Я пойду сама. Но дай мне минуту.

Ровно столько, чтобы вздохнуть – как в последний раз перед погружением в пучину морскую. Этот последний глоток воли – слаще всего на свете.

На Земле невесте бы ещё дали в руки букет, но во Дворах не было так принято. Зоя надела туфли и вышла из своей комнаты. Голова у нее кружилась так, что пару раз при-

шлось схватиться за стену, дабы не упасть. Служанки не провожали её, девушка шла по безлюдным коридорам резиденции Натаниэля в одиночестве. Платье ещё пахло Медб... да, до куклы в белоснежном наряде выходила замуж прекрасная фея. Вот только рукава пришлось отпороть: расставить платье так, чтобы в него поместились выдающиеся плечи Зои, было непросто.

Отправился ли Хэвен в тронный зал, чтобы посмотреть на свадьбу, задавалась вопросом невеста, и что он на самом деле думает о её бракосочетании? О её согласии на брак? Что?! Пожалуй, это было единственное, что волновало её на этот момент. Все прочие мысли, стремления – и чувства – отмерли и испарились. Ещё после гибели Айкена слишком многое потеряло прежний смысл. Теперь Зое было странно, неловко, но в глубине души почти безразлично, стать ли ей женой Карла, которого она любила несчетное количество лет назад, и королевой Неблагого Двора, или коротать дни в темнице с Габриэлем.

Зоя замерла у ведущих в тронный зал дверей с поднятой рукой. Но так и не толкнула покрытое белым лаком дерево. Габриэль. Помимо Хэвена, ещё и он теперь занял её мысли.

«Коронуй же его!» – проорал в её сознании голос, похожий на речь Хэвена и Айкена одновременно. И Зоя толкнула дверь.

Её оглушили аплодисменты, ослепило сияние стен и рядов придворных. Под ноги летели лепестки цветов, тяжё-

лый запах растений и парфюма тысячи сидов (еще и наверняка с магическим усилением) забивал ноздри. Гремела торжественная музыка. Зоя двигалась практически по инерции, просто – шла вперед, не различая в сиянии перед собой ни принца, ни трона, только зная, что они могли быть там.

Путь на трон и путь на эшафот – одинаково длинны, думала она, считая шаги.

Наконец, Зоя поравнялась с Карлом. Он предоставил ей локоть, и она взялась за него. Оставались считанные секунды, прежде чем они станут законными правителями Двора. И это был последний миг, в который, как знал принц, он успевал спросить у своей невесты самое важное:

– Ты любишь меня?

– Я тебя простила.

– Ты хочешь выйти за меня замуж?

– Я должна дать тебе право на власть, – Зоя коснулась рукой груди, там, где была вытатуирована раскинувшая крылья птица. Под ним молчал горячий камень, рубин Этайн – замерший сразу после того, как она ступила в зал. – Или все твои страдания будут бессмысленны.

– Спасибо, что сказала правду, – прохрипел Карл. – Я, честно, благодарен тебе за это.

– Я любила тебя с самого того момента, как ты сотворил меня. И это тоже правда.

Но перестала, подумал принц, как я ни пытался возродить в тебе чувства – тщетно. В какой-то момент ты перестала, и

даже моей магии было бы недостаточно, чтобы вернуть твоё прежнее отношение.

Они оба ошибались друг насчёт друга: кроха любви теплилась в них обоих, и оба же твердили себе, что нелюбимы другим, но ту каплю еще требовалось пробудить, возродить, но они оба уже однажды приложили к тому усилия... и провалились. Даже сейчас, если бы Зою и Карла не окружало столько сидов, если бы их взгляды – колкие, как иглы, и юркие, мерзкие, как щупальца, – не шарили по коже, Зоя бы, возможно, испытала что-нибудь, глядя на жениха, но в такой толпе её чувства словно впали в спячку. Принц же только мысленно взмолился: о Богиня, пусть она не смотрит на меня, я этого не выдержу.

Их короновала Федельм.

Карл запомнил каждую секунду, втыкавшуюся в его плоть и мозг, словно раскалённая игла: казалось, он слышит эхо, шепчущее ему, что он не больше достоин этого трона и этого венца, чем брат. А для Зои полчаса церемонии слились в одну минуту, смазанную, как полуночный сон, который си-лишься вспомнить при пробуждении.

Но, наконец, все было кончено. От последней минуты ритуала начинала отсчитываться неделя празднеств. Придворные очистили зал, последней вышла Федельм. Король и королева остались вдвоём – в огромном душном зале, сияющем и приторно пахнущем. Зоя невольно поёжилась.

– Иди в свои покои и приготовься принять меня, своего

супруга перед лицом Богини и Бога, – скомандовал ей Карл. Церемония изменила его, между принцем и королём оказалась огромная разница. Еще не так давно трепетавший от раздумий, любит его невеста или нет, теперь ему было совершенно безразлично, какие чувства испытывает к нему законная жена. Его власть, то, чем он обладает – то, чему он может приказывать.

Зоя покорно склонила голову, несколько фиалок выпали из постепенно развивавшихся волос.

– Да, Ваше Величество.

Зоя могла бы сразу же пройти в свою спальню, но она сперва отправилась в будуар, будто бы желая переодеться. Однако же, ни одну служанку она за собой непустила, а дверь вовсе заперла. Девушка подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение. Ох, как же она измотана! Быть может, и не идти в постель, послушаться Хэвена – она больше Карлу ничего не должна? Лечь тут, на софе, и забыться тяжёлым сном? И пусть он продлится как можно дольше. Зоя приложила руку ко лбу, но в тот же миг её брезгливо отдернула. Она ожидала, что кожа будет липкой и влажной от выступившего на коже пота, но она осталась мерзко-суха.

– Я не смогу так жить. Я никогда не могла и не научусь теперь.

Её суть зывала к бесконечному бродяжничеству. Зоя вздохнула. Звери и птицы на её груди слабо шевельнулись –

не из-за движения кожи, просто каждый свернулся согласно своей привычке, готовясь вместе с хозяйкой ко сну. Только она больше не чувствовала усталости, хоть головокружение стало сильнее.

Нет, подумала Зоя, я снова хочу быть живой – и вместе с Айкеном. Даже если очень странным способом. Быть живой... это прекрасное чувство. Габриэль в полной мере знал это и разделял подобное мнение. Ему было бы приятней свиваться кольцом под иглой, как раненому червяку, чем проявить истинную мудрость и милосердие, что означало – сдать без боя. Зоя вспомнила, как годы и годы назад, когда она только-только попала в руки к Габриэлю, мёртвая, изломанная, он полностью изменил её – а Хэвен, тогда еще звавшийся Мертеном, помог ей вспомнить о Карле. Об Айкене или Эдмунде тогда не могло быть и речи.

В сердце девушки всколыхнулись все те чувства, что и тогда, в далеком прошлом.

Она нервными движениями сняла с головы фату, вытащила из ушей серёжки, оставила на тумбочке перед зеркалом все украшения и даже корону...

И бросилась вон из спальни.

Сидящий на холодном грязном полу Габриэль поднял голову, посмотрел на гостью уставшими глазами, испещрёнными красными прожилками.

– Пришла позлорадствовать? – хрипло спросил он. – На

твоей свадьбе не хватает веселья, так что ты явилась сюда? Может быть, вытацишь меня в тронный зал и устроишь показательную пытку?..

– Помолчи, – оборвала его Зоя. Звякнули ключи в её руке, проворачиваясь в замке. Подобрав подол, девушка вошла в камеру.

Время в тюрьме, как она помнила, могло течь иначе, нежели в остальном Аннунне – иногда продлевая пытку пленника, иногда сохраняя его живым ради подходящего случая. Судя по изменившемуся, грязному Габриэлю, Карл его время ускорил. Создавалось впечатление, что свергнутый король провёл в заточении годы, а не несколько недель.

– Так зачем ты пришла? Что может нас ещё связывать, особенно теперь?

– Я предлагаю тебе сделку. Душа за душу, камень за камень.

Габриэль запрокинул голову, но Зоя отрицательно покачала головой, положив ладонь под ключицы.

– Я не настолько щедра. Да и... рубин уже не бьётся, как настоящее сердце. Но я могу отдать тебе глаз, в котором заключена душа Симонетты. А ты вернёшь мне сапфир с душой Айкена.

Свергнутый король фыркнул.

– С чего бы мне соглашаться на это?

– Я предлагаю тебе глаз Паломы. Разве она не была тебе дорога?

Габриэль отвернулся, наклонив голову, так что кудри завесили лицо. Он любил каждое своё творение, догадалась Зоя.

– Заманчиво. Но я соглашусь только при ещё одном условии. Если ты останешься со мной ненадолго. Мне так одиноко...

Кукла фыркнула. Габриэль не понял, было ли то согласие, но всё равно приложил руку к груди, надавил, и через миг в его руках оказался гладкий сапфир. Мужчина протянул его Зое. Девушка кивнула.

– Камень за камень.

Для неё не было всё так же просто, как для него. Она впи-лась руками в глаз, выдохнула, готовясь, и вырвала сапфир из глазницы. Кровь брызнула на белый лиф платья.

Зоя бросила камень-око в ладонь свергнутого правителя. В его сложенной лодочкой руке теперь лежали два совершенно одинаковых синих шарика, только один был чистым, а с другого стекала кровь. Зоя шагнула ещё ближе к пленнику, взяла камень с душой Айкена и зажала в кулаке. Голова кружилась, по щеке бежала река крови, но она не замечала этого.

– Знаешь, Карл ничем не лучше тебя. Но ты, пусть извращенно, но всё-таки любишь меня. Я останусь с тобой – так долго, как ты только захочешь.

Исхудавшие и покрывшиеся язвами руки Габриэля обви-ли ноги его первой Виды.

– Наконец-то, – шептал иссохшими губами Неблагой. – наконец-то ты моя. Навечно!

Зоя подняла глаза к потолку. Страшная ирония судьбы, если для неё это – лучший выход из всех возможных!

Конец

*Иллюстрация на обложке создана при помощи нейросети
Stable Diffusion.*